

Евгения Куликовская

**Легенда
о Фейлель**

Евгения Куликовская

Легенда о Фейлель

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4911585

Аннотация

Сага о жизни и приключениях длиною в несколько жизней целой династии удивительных волшебников Фейлелей; и песнь о вечной и прекрасной любви между людьми: обладающими необыкновенными магическими возможностями или просто несущими свет души; любви, которая остается основой мироздания в любой среде, но без которой не сможет существовать целый мир в магической стране. На протяжении жизни каждого члена семьи происходит масса событий, приключений, превращений, часто страшных и ужасных, часто несовместимых с жизнью, но всегда это образец великой любви и самоотверженности.

Жизнь волшебника это не сказка, а часто тяжелая действительность, сопряженная с опасностями и риском. Глава семьи и Великий маг и целитель Динаэль Фейлель готов принять все поползновения врагов и удары судьбы на себя, но его семья, прирастая детьми и внуками остается крепостью братства и всеобъемлющей любви и преданности.

Жена Динаэля Эливейн обычная женщина, но волшебство в мире невозможно без самых чудесных свойств ее необыкновенной души. Она неотъемлемая часть всех событий и приключений. Сыновья – Элель и Эркель и дочь Эдилейн рождены быть добрыми волшебниками, младший Танаэль не унаследовал волшебные качества напрямую, но он, в той же мере, пример того, что обычный человек тоже является магом, если живет по великим законам верности, любви и самопожертвования.

Каждый из них – герой отдельной части книги, и все они – главные герои повествования, вместе с многочисленными друзьями и жителями Зеленой долины, стран и измерений, где появляются злые колдуны и злобные колдуньи. Но всегда встают великой стеной защиты волшебники с прекрасными добрыми душами, готовые отдать жизнь ради счастья и смеха людей.

Содержание

Часть 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Евгения Куликовская

Легенда о Фейлель

Сказка

Часть 1

Жена волшебника

— 1 —

Динаэль стоял перед Волшебным Зеркалом. Стекло давало возможность тринадцатилетнему мальчику видеть то, что сейчас происходило во дворце хана Торубера, Чёрного Колдуна. Там шла битва. Битва за добро. Сражались близкие и дорогие Дину волшебники: дядя Даниэль, добрый друг семьи Ганабен, старший брат Динаэля Донуэль, и где-то в гареме должна быть Марика, невеста Дона. Это она пробралась в логово Злого Чародея и выпустила борцов за Свет. Но глаза Динаэля никак не могли отыскать её в глубине таинственного стекла.

Волшебникам приходилось туго. У Торубера в услужении жили три тёмных мага. Правда, удача сопутствовала сегодня добру: двое злодеев были уже повержены. Даниэль занялся третьим. Ганабен, к сожалению, в бою пострадал – лишился своей магической силы. Донуэль вступил в бой с ханом. Главная задача для Дона состояла в том, чтобы сковать магический Чёрный Жезл Колдуна, сделать его временно бесполезной игрушкой. Победить Торубера окончательно сегодня волшебники не рассчитывали: такой великой силой не обладал ныне никто.

Динаэль тревожно смотрел сквозь зеркало. Дина не взяли с собой. Верно, он ещё мал для сражений. Динаэль знал и другое: раз его уже признают сильнейшим, то готовиться он обязан к единоборству с Чёрным Колдуном, чтобы не просто ослабить злую силу на одиннадцать очередных лет, а избавить мир от зла Торубера. И он подчинился дяде – он остался в родном замке. Но он переживал...

Наконец Дин увидел Марику. Она лежала в одной из ханских спален на широкой мягкой кровати среди расшитых золотом и серебром подушек. Её каштановые кудри разметались по сторонам, глаза были закрыты. И Динаэль с ужасом понял, что они опоздали: Торубер лишил Марику волшебной силы и хотел сделать своей наложницей, но девушка предпочла умереть... Бледная, под крылом смерти, она оставалась такой же прекрасной, как и тогда, когда на её щеках играл румянец, а в глазах мелькали озорные огоньки...

Донуэль справился с Жезлом и теперь мчался по длинным коридорам и переходам дворца в поисках Марики. Торубер исчез из поля зрения Дина.

Даниэль, одолев, наконец, своего противника, помог подняться на ноги раненому другу и приготовился к переброске – теперь, когда магия Чёрного Колдуна ослабла, перемещение стало для мага возможным.

Донуэль распахнул очередную дверь. У Дина защемило сердце. Дон выронил меч и бросился к Марике... Динаэль не ошибся: девушка была мертва...

И тут на пороге комнаты, где Дон прижал к себе бездыханное тело возлюбленной, появился Торубер. Он не произнёс ни слова – просто метнул в противника чёрный луч. Дону-

эль пошатнулся и побледнел. Он потерял всё: любимую, свою магическую силу... Оставалась только человеческая жизнь, с тоскующим сердцем и болью раны...

...Дин шагнул сквозь волшебное стекло. Он помнил наказ дяди. Но мальчик понимал, что спасти брата может только он, ибо только он знает, что произошло, и только ему позволит Зеркало пройти таким способом через пространство.

Динаэль, внезапно появившись возле брата, подхватил его одной рукой, а другой помог тому удерживать тело Марики. И в миг, когда меч Колдуна, со свистом рассекая воздух, должен был обрушиться на голову Донуэля, они исчезли, растаяли в воздухе...

Дина никто не ругал за нарушение слова. Дядя сказал только:

– Ты становишься сильнее и сильнее, мой мальчик...

– 2 –

Выздоровление Донуэля шло медленно, словно сам он не желал этого. Волшебник, лишённый своей силы, чародей, который никогда уже не сможет овладеть магией в полной мере – ничто в сравнении с невосполнимой утратой, с горем любящего сердца, навеки разделённого смертью со своей невестой...

Динаэль с болью наблюдал за страданиями брата. Мальчик понимал, что беда, вошедшая в их дом, – не единичный случай. Дин видел в Зеркале многое из чёрной жизни Торубера. Волшебное Стекло выбрало тринадцатилетнего подростка Наблюдателем за злом. И Динаэль верил, что выбор этот не случаен: раз Небеса наделили его даром более сильным, чем остальных магов, то он обязан, добившись упорным трудом усовершенствования своих способностей и усердием в учёбе впитав в себя все известные современному миру чародейские знания, постараться изгнать свет от черноты Торубера. Дин боялся только одного – одиннадцати лет, отвоёванных у темноты временной нейтрализацией Чёрного Жезла, явно недостаточно для того, чтобы его собственные магические силы поднялись до уровня Тёмного Чародея, ведь самому Торуберу понадобилось сорок пять лет, чтобы стать величайшим из колдунов.

– 3 –

Даниэль и Донуэль сидели в библиотеке. Был поздний вечер. Над столом мерцал свет яркой лампы. Разговор между дядей и старшим из племянников шёл о Динаэле.

– Мальчику исполнилось четырнадцать, – вздохнул Даниэль. – Он уже знает и умеет всё, чему я мог его научить.

– Я чувствую свою вину перед ним, – с горечью произнёс Донуэль. – Дин значительно младше меня, а я... я словно бы лишил его детства: никогда не видел, чтобы он просто играл, всегда занятия, тренировки...

Дядя покачал головой.

– Дин наделён не только талантом сильнейшего мага. У него удивительный склад ума, доброе сердце и огромная сила воли, – проговорил он. – Даже если бы мы постоянно предлагали Дину заманчивые для его возраста развлечения, он бы сам с лёгкостью отказывался от них. У него есть цель, цель, которую он выбрал бы и без нашей помощи.

– Знаю, – согласился Донуэль. Собеседники помолчали.

– Теперь пришло время найти Дину другого учителя вместо меня, – сказал, наконец, Даниэль.

– Об этом пойдёт речь на Совете? – уточнил племянник.

– Да, – подтвердил дядя. – И Совет объявлен Общим.

– Боюсь только, – добавил Дон, – что ни сам Верховный Маг Арбениус, ни врождённые способности Дина, ни его трудолюбие и упорство, не смогут за десять лет превратить моего брата в сильнейшего мага, способного выстоять в поединке с Торубером.

– Верно, – грустно ответил Дан, – времени мало. Скорее всего, Дину придётся биться с Тёмным Чародеем дважды. Сначала за Жезл, чтобы лишить его мощи на очередные одиннадцать лет, а потом, спустя годы, когда Дин достигнет высот, – за победу над Злом Торубера... Но сил у мальчика достаточно и для ослабления Чёрной Воли Жезла на все времена.

– Для этого Динаэль должен выжить... – прошептал Дон.

– 4 –

На Общий Совет собрались тридцать семь добрых волшебников с разных концов света. Четверо из них, те, что лишали, каждый в своё время, магической силы Чёрный Жезл теперь не имели чародейских сил. В их числе был и Арбениус, в прошлом один из самых сильных белых колдунов, первый, кто смог хоть на одиннадцать лет ослабить зло Торубера, – сейчас Верховный Маг и Хранитель всех Высших Знаний.

Надо заметить, что настоящий волшебник – талант крайне редкий, а сильнейшие магические способности проявляются не чаще одного раза за сто-двести лет. Но нынешний век стал редким исключением: родились сразу два великих мага – Арбениус и Торубер. Один выбрал Добро, другой – Зло. Торубер ещё увлёк на тёмную сторону троих более слабых чародеев. В единоборстве сильнейших много лет назад победил Чёрный Маг. Тогда настали тяжёлые времена...

Теперь у Добра появилась надежда в лице самого молодого в современном мире волшебника – Динаэля. Да и Торубер остался один. Хотя победить Зло можно только в битве один на один. Так что лишённые своих чародейских способностей приспешники Чёрного Мага всё равно не смогли бы в решающий момент помочь своему повелителю...

Итак, собравшиеся на Общий Совет волшебники ожидали увидеть того, кто оказался способен к единоборству с Торубером...

– 5 –

Скромно и терпеливо дождавшись разрешения предстать перед Советом, Динаэль вошёл в огромный зал.

Взорам волшебников предстал невысокий стройный подросток в простом тёмно-зелёном одеянии, с мягкими слегка вьющимися светло-рыжими волосами, приятной добродушной улыбкой и светлыми, цвета чистой морской волны, глазами. Юный маг поклонился всем присутствующим и спокойно ожидал. Взрослые смотрели внимательно, кто настороженно, кто с сожалением, кто подбадривающе. Затянувшееся молчание прервал Арбениус.

– Динаэль, – проговорил он, – известна ли тебе причина, по которой сегодня тебя пригласили на Совет?

– Да, – просто ответил мальчик. – У меня осталось всего десять лет, а знаний и умений нужно получить очень и очень много. Возможно, что я не успею...

– Ты понимаешь, какой силой наделили тебя Небеса? – вновь спросил Верховный Маг.

– Да, – кивнул Дин. – И понимаю Ваши тревоги, – добавил он. – Попробую объяснить, что значит для меня талант вообще и мой в частности.

Он помолчал несколько минут, словно подбирая слова поточнее, потом продолжал.

– Каждому человеку даются от рождения какие-либо способности. Хорошо, если удалось точно определить, чем талантлив именно ты. Но это не повод восхвалять себя, гордиться собой. Что дано – не твой труд, это дар тебе. И каждый обязан использовать данное

максимально: чем больше тебе дано, тем больше с тебя вправе спросить. Так что, данное мне – мне же и необходимо довести до высшей его точки и применить во благо... А голый талант не делает человека лучше или хуже – это только начало его пути, а... вверх или вниз... решает каждый сам...

Шёпот одобрения пролетел по залу. И вновь наступила тишина. Арбениус поднялся.

– Хорошо, Динаэль, – сказал старый Маг. – Я возьму тебя в ученики.

Тут только на спокойном лице мальчика мелькнуло выражение счастливого смущения.

– Спасибо, сэр, – благодарно проговорил Дин. – Я мечтал об этом, но не смел просить.

Верховный Маг посмотрел в глаза Динаэля и почувствовал его искренность.

– У Совета есть иные предложения или мнения? – обратился Арбениус к волшебникам.

Снова в зале стояла тишина.

– Значит, – подвёл итог старый чародей, – так и решим. И Арбениус опять обратился к Дину:

– Динаэль, жду тебя завтра в моем доме к девяти утра. Начнём с самого простого...

– Слушаюсь, учитель, – радостно ответил мальчик и, получив разрешение, покинул зал Совета.

Волшебники совещались ещё долго. Их волновала и судьба мальчика, и право взрослых лишать малыша, как им казалось, счастливого беззаботного времяпрепровождения, и проблемы Зла Торубера, и многое-многое другое. На вопросы пришлось подробно отвечать Арбениусу как Верховному Магу и Хранителю Чародейских Знаний, Даниэлю как опекуну Дина и Донуэлю как его старшему брату...

– 6 –

Динаэль прибыл в дом Арбениуса за пятнадцать минут до назначенного времени. Хозяин ждал ученика в своём рабочем кабинете.

– Доброе утро, сэр, – глаза Дина светились счастьем: его взял в ученики не просто Маг, а поистине легендарная личность.

– Здравствуй, – приветливо ответил Арбениус. – Присаживайся и ознакомься с расписанием занятий. Если будут какие-либо вопросы и пожелания, то давай обсудим это сейчас.

– Хорошо, – кивнул Динаэль и пробежал глазами листок, исписанный мелкими ровными буквами.

– Что-то не так? – спросил старый волшебник, когда мальчик поднял на него взгляд.

– Сэр, – ответил Дин, – мне бы хотелось ещё изучать медицину и лекарственные растения.

Арбениус ответил не сразу. Он помолчал, размышляя, потом пояснил:

– Если включить в наши уроки растениеведение и науку врачевания, то у тебя вовсе не останется свободного времени.

– Свободное время используют для занятия любимым делом, – спокойно проговорил Динаэль. – Моё любимое дело – магия. Так что всё время занятий – это, своего рода, счастливое увлечение для меня. И чем его больше, тем лучше.

– Хорошо, – согласился Верховный Маг. – Но объясни, пожалуйста, на чём основан твой выбор предметов.

– Очень просто, – быстро ответил Дин. – Когда-нибудь мне удастся, я надеюсь, выполнить свою миссию по обезвреживанию Торубера. А потом я не хочу сидеть вне дел: я хочу помогать людям – я буду лекарем.

Арбениус вздохнул. Динаэль огорчённо спросил:

– Я слишком самонадеян?

– Нет-нет, что ты! – поспешил заверить мальчика старый Маг. – Это замечательно, что ты не мыслишь узко: мол, сделаю одно, а там видно будет. Ты смотришь дальше... Мне хотелось уточнить другое... – Арбениус пристально взглянул в лицо ученика. – Что значит «обезвредить», по-твоему?

– Победить в поединке, лишив противника магических сил, – сразу ответил Динаэль.

– Не убить? – уточнил Учитель.

– Нет, – отрицательно мотнул головой мальчик. – Назначать наказание за преступление – это не в моей воле, да и... не моё желание. Это дело Суда.

Арбениус несколько секунд смотрел на Динаэля, не говоря ни слова. «Я не ошибся в мальчишке, – думал он. – Дин достоин своего могучего таланта».

– Тогда начнём, – вслух предложил старый Маг.

Дин радостно улыбнулся.

– 7 –

Год занятий пролетел незаметно. Арбениус был очень доволен учеником, хотя понимал, что уровня Чёрного Чародея к моменту ожидаемой встречи с ним Дину не достичь.

Сегодня старому Магу стало тревожно: часы пробили четверть десятого, а ученик не появился. Это беспокоило – Динаэль никогда не опаздывал.

Арбениус ждал. Он не мог сам перемещаться в пространстве, а потому вынужден был ждать.

В девять двадцать пять на пороге библиотеки старого Мага появился Даниэль.

– Что с Дином? – немедленно спросил Арбениус.

– Теперь всё в порядке, – ответил Дан. – Пойдёмте, вы должны сами проверить...

И Даниэль перенёс Верховного Мага в Горный Замок.

А случилось вот что...

– 8 –

...Утром, как обычно, Дин стоял перед Волшебным Зеркалом. Мудрое стекло теперь редко показывало подростку деяния Торубера, словно понимая, насколько тяжело доброму сердцу юноши ждать своего часа, не имея возможности помочь несчастным жертвам Тёмного Мага сейчас, и словно оберегая Динаэля от неведомой тому опасности...

Итак, Дин стоял перед Волшебным Зеркалом. В стекле, как и положено, отражалась комната и настороженное лицо Динаэля. Вдруг что-то дрогнуло в бесстрастной глубине, а юноша ощутил... сопротивление Зеркала: Волшебное стекло не хотело подчиниться чьей-то чужой воле. Дин почувствовал, как бешено заколотилось сердце.

Внезапно знакомое отражение исчезло. Перед Динаэлем в полный рост стоял Торубер. Лицо Тёмного Чародея было зло и насмешливо.

– Так это ты, мальчишка, представляешь угрозу для меня? – холодный взгляд пронзил Динаэля насквозь, хотя юноша и понимал, что между ним и Торубером огромное расстояние и магическое стекло.

– Глупая гадалка, – презрительно продолжал Тёмный Маг. – Мне бояться этого рыжего щенка, у которого душа уже ушла в пятки?

Динаэль напряжённо думал: «Если Торубер смог заставить Волшебное Зеркало, находящееся в сотнях километров от себя, показать интересующее его чёрную суть лица, то он сможет, не сейчас, так очень скоро, пройти сквозь стекло, невзирая на сопротивление Добра. Тогда пострадают многие: те, кто живут в Замке, те, кто приезжает, те, чьи дома находятся поблизости. Я должен закрыть переход! И я знаю как!»

Будто подтверждая опасения Дина, Торубер поднял правую руку, ладонь которой была закована в железную перчатку с острыми шипами, и длань его оказалась с этой стороны стекла. Чёрный Маг схватил юношу за левое плечо. Чувствуя, как сжимаются пальцы Торубера, и холодный металл врезается в кожу, Дин выставил вперёд раскрытые ладони и напряг всю свою волю, чтобы подчинить Зеркало себе, как было всегда прежде, и чтобы закрыть этот путь для переходов сквозь пространство.

Юноша ощущал боль, и горячие струйки крови текли по его коже. Он понимал, что слабеет: магические действия тоже требовали от него невероятных усилий. У Дина дрогнули колени, и он вот-вот мог потерять сознание. В этот момент стекло стало покрываться белой морозной дымкой. Торубер с изумлением разжал свои пальцы, и ... Зеркало поросло толстым слоем ледяных узоров, растопить которые не способно даже самое жаркое южное солнце. Динаэль судорожно глотнул воздух пересохшими губами и с грохотом повалился на пол.

На шум немедленно прибежал Донуэль, а затем на пороге комнаты появился и Даниэль. Что произошло, брат и дядя, опытные волшебники, поняли сразу.

– Это наша вина, – горестно проговорил Дон, когда Дина уже перенесли на кровать и промыли рану. – Нельзя было оставлять его с Зеркалом одного.

– Нельзя, – согласился Дан.

– А если Торубер повредил ему плечо своей шипастой перчаткой? – предположил Донуэль. – Какой яд?

Динаэль приоткрыл глаза и, поморщившись, спокойно, что удивило и восхитило родных, произнёс:

– Нужен Вулканиус-эликсир... Он от любого яда – так сказал сэр Арбениус. У меня на столе... Я сварил. Он готов... Надо промыть им рану...

Донуэль быстро принёс пузырёк с огненно-красной густой смесью. Дин зажмурился и прошептал:

– Давайте... Я готов...

Когда через полчаса, бледный и измученный, с туго перевязанным плечом, юноша задремал, Даниэль отправился к Арбениусу: Верховному Магу и учителю Дина нужно было сообщить о случившемся и привезти мудрого Хранителя Магических Знаний, чтобы тот сам проверил, всё ли в порядке с мальчиком...

– 9 –

Прошло восемь лет. Динаэль вырос и возмужал. Он, действительно, становился сильнейшим Магом. До момента возвращения Чёрному Жезлу силы оставался ещё год. Дин понимал, что может и не победить в бою с Торубером: злодей всё же был могущественнее неопытного двадцатитрёхлетнего волшебника. И Динаэль кое-что придумал на случай, если ему... суждено погибнуть. О своей идее Дин рассказал учителю, и тот созвал Общий Совет.

– 10 –

На Совет собрались тридцать два Волшебника. Динаэлю предоставили слово. Молодой человек вышел на середину зала и поклонился, приветствуя присутствующих.

– Позвольте в целях экономии вашего времени и освобождения сознания от лишней информации сосредоточить мою речь на главной проблеме сегодняшнего дня... – проговорил Дин ровным негромким, но хорошо слышным всем голосом.

На Динаэля смотрели внимательно. Многие не видели его несколько лет. Теперь вместо немного нескладного подростка перед волшебниками стоял привлекательный какой-то

необычной красотой, сочетающей в себе утонченность и изысканность внешности и манер с явной силой и уверенностью действий и слов, молодой Маг. Он был спокоен тем спокойствием, которое присуще только людям уравновешенным и мудрым, умеющим наблюдать, анализировать и делать логические выводы.

– Торубер творит Зло уже много лет. Это наша общая боль... Но наша задача состоит не в том, чтобы в слепой отваге броситься на врага, а просчитать все шансы на победу над ним и укрепить таковые. Сегодня Торубер начал охоту на волшебников-детей.

Ропот прокатился по залу: негодование, удивление, недоверие, страх, печаль – всё было в этом шёпоте.

Динаэль подождал, пока шум стихнет, и продолжал:

– Именно те, кто наделён даром чародейства, но ещё не проявил себя, то есть нынешние маленькие волшебники, могут представлять угрозу для Тёмного Мага. Не все, правда, а кто-то один, ведь Закон гласит, что победить можно только в единоборстве с равным себе. И Торубер решил избежать опасности, угрожающей ему в будущем, убив всех, кто маломальски наделён волшебной силой.

В зале стояла тишина: собравшиеся понимали, что Динаэль нашёл способ защитить юных чародеев.

– Суть моего предложения состоит в следующем, – говорил Дин. – Дети-волшебники с родителями поселяются в Горном Замке. Места там хватит. Туда же переберутся со своими семьями те из вас, кому Верховный Маг сделает предложение преподавать волшебные науки этим малышам и кто на это согласится. Ещё два Стража Подземного Перехода. Прошу вас, уважаемые господа, хорошенько обдумать решение. Ибо на одиннадцать лет после моей... встречи с Торубером, если не удастся одержать окончательную победу сразу, – а скорее всего так и будет, так как Чёрный Маг значительно сильнее меня, Горный Замок и прилегающая к нему Долина будут закрыты от проникновения кого бы то ни было из внешнего мира. Защиту я смогу создать – года мне на это достаточно. А потом Стражи закроют и Переход. Как – обговорим с ними. Конечно, экстренные ситуации возможны, но и тогда вернуться обратно сквозь Защиту сможет только тот, кто вошел через неё... На мой взгляд, это единственная возможность и защитить маленьких волшебников, и оставить миру надежду на победу Добра... С жителями деревень Долины я договарюсь: как когда-то их дети стали друзьями мне, так и теперь малышам, поселившимся в Замке, уверен, они охотно подарят своё тепло.

Динаэль впервые за всю свою речь улыбнулся. Свет, излучаемый его сердцем, был настолько искренним, что не поверить в целесообразность, предложенного молодым человеком, оказалось невозможно...

И Горный Замок стал готовиться к приезду гостей, для которых эти стены должны будут стать и домом, и крепостью.

– 11 –

Спустя год Динаэль стоял на открытой площадке угловой башни Горного Замка. Он любовался дорогими сердцу местами. Здесь прошло его детство, здесь он вырос и возмужал, здесь познавал мир и учился человечности, добру, пониманию; здесь были родные и друзья, здесь его любили и уважали; за тех, кто оставался здесь, Дин готов был отдать всё...

А красота вокруг, действительно, очаровывала.

Замок расположился в восточной части Долины, окаймлённой со всех сторон живописными горами. С севера отвесные скалы поднимались до самых облаков. С запада и востока поросшие густой растительностью склоны были почти непроходимы. Южная гряда причудливыми изгибами обрамляла поля и сады местных жителей. В самой Долине по берегам

реки, берущей начало в скалистых северных горах, разрослись и удобно расстроились три деревеньки.

Связь с миром поддерживалась с помощью мощёной дороги, проложенной по широкому тоннелю через южную грядку. Тоннель начинался в десяти метрах от высоких ворот Замка.

Столь защищённое самой природой место помогло Дину осуществить свой замысел по спасению маленьких волшебников, чьи жизни стали неудобны Торуберу. Динаэль поставил магические преграды по всему периметру видимых отсюда гор. Он был сильным магом и знал, что его ловушки не преодолеть даже Тёмному Чародею. Это радовало и утешало Дина: он слишком многим не мог помочь, ведь от зла Торубера страдали ежедневно десятки людей, но хоть несколько жизней, жизней тех, кому предстояло возродить в мире Добро, а, может быть, и бороться со злом, если, к несчастью, у самого Дина что-нибудь не получится, были надёжно защищены. Да и жители Долины тоже оказывались укрытыми от Зла.

Оставалось закрыть Переход. Но это дело Стражников: им он объяснил принцип действия Преграды. Единственное, что позволил себе Дин, – согласиться на уговоры остающихся в Замке и разрешить им включить Затворы через два месяца после его ухода: он постарается вернуться в срок, если не придёт, то уже не придёт никогда...

Сейчас все обитатели Замка ещё спали. Было раннее утро. А обитателей в Замке теперь стало немало. Семь семей с девятью волшебниками-детьми. Четверо учителей со своими семьями. Сэр Арбениус. Двое Стражников, сильных, молодых, пока не женатых.

Жители деревень взялись помочь в делах бытовых. Кому-кому, а уж Динаэлю они готовы были помогать всегда. Скольких из них он вылечил, скольких поддержал в трудную минуту! И Дин был благодарен им.

Молодой человек вздохнул. Что-то тревожно сжало его сердце, словно он уходил отсюда навсегда...

Дин спустился вниз. Ему хотелось пройтись по любимым тропинкам, хотелось повидаться перед отъездом с другом.

– 12 –

Динаэль вышел за ворота Замка.

На улице ему встретилось несколько ранних прохожих. Дина приветствовали искренне. Он отвечал, улыбаясь.

Вообще Динаэля знали как очень жизнерадостного и оптимистичного человека: он часто шутил, шутил весело и умно; он находил выход из труднейших ситуаций; он верил в лучшее и вселял эту веру своим поведением в других. Пожалуй, только друг Дина – Ролив – знал о муках волшебника, жаждущего спасти всех и не имеющего такой возможности, о тревогах его за будущее, и о мечтах, которым, возможно, никогда не осуществиться...

У первой деревни Динаэль неожиданно столкнулся с красавицей Вивьен. Как и многие девушки Долины, она считала себя безнадежно влюблённой в молодого мага. Его талант, о котором говорили, ничего толком не зная; его таинственная миссия, о которой сплетничали, всплывавшая руками, но понятия не имея, в чём она состоит и насколько опасна; его необычная внешняя привлекательность, мягкие, словно у девушки, волнистые, золотисто-рыжие волосы и глаза цвета моря в ясный безветренный день; наконец, всегда улыбочивое лицо и остроумные высказывания – всё это делало Динаэля предметом обожания молоденьких жительниц окрестных поселений. Но он ни одной не ответил взаимностью: он отшучивался, причём так мило и безобидно, что никто не грустил и не обижался. Девушки уверяли друг друга, что Динаэль – очень целеустремлённая натура, что у него есть какой-то долг перед волшебным миром, а когда он выполнит эту свою задачу, тогда... И опять только Ролив знал,

что сердце Дина открыто любви, но просто ещё не встретила ему та единственная, о которой мечтает каждый. Знал Ролив и другое: как сам Динаэль боится этой встречи, ибо принести она может боль именно той неведомой пока и самой прекрасной – ведь дело у молодого волшебника смертельно опасное. И о смертельной опасности знал опять-таки только Ролив.

Итак, Динаэль встретил Вивьен. Девушка улыбнулась и подошла к молодому человеку.

– Доброе утро! – счастливо проговорила она. – Я желала встретить тебя. И встретила! Это судьба!

– Здравствуй, красавица, – в тон ей ответил Дин. – Рад, что, пусть невольно, но исполнил твою маленькую прихоть.

– Это не прихоть, – возразила девушка. – Я люблю тебя, – вдруг смело заявила она, – и буду ждать тебя, ждать твоего возвращения.

Он улыбнулся и, прищурившись, посмотрел ей в глаза. Она не отвела взора, не смутилась, не растерялась. Он снова улыбнулся.

– Хочешь, я скажу тебе правду? – спросил он.

– Хочу, – смело кивнула она. – А о чём?

– О тебе, Вивьен, – спокойно ответил Динаэль.

Она снова кивнула. Дин ответил весело, с забавными и добрыми шутками, но суть его речи была проста и мудра: уже через семь дней после его ухода, она заметит того, кто действительно достоин её любви, того, кто любит её, того, с кем она счастливо проживёт всю свою жизнь; через десять недель она выйдет замуж за этого самого человека, а ещё через девять месяцев у них родится первенец.

Вивьен помолчала, а потом спросила:

– Это предсказание?

– Это правда, – ответил он. Девушка задумалась, потом снова спросила:

– Правда, как те фокусы, что ты показываешь малышам?

– Да, – подтвердил Дин, – и никакого волшебства.

– А кто ОН? – в глазах Вивьен играло любопытство.

– Скоро узнаешь, – засмеялся молодой человек и направился дальше, по тропинке, ведущей к мосту через реку.

– 13 –

Часа три Динаэль бродил по лесистым склонам, словно прощаясь с тихими уголками, где прошло его детство, промелькнула юность. Наконец он вышел вновь к берегу реки, огляделся.

За ним, на возвышенности раскинулся луг с сочной зелёной травой и множеством цветов. Здесь он мечтал построить дом. Нет, он никогда не хотел жить за каменными стенами Замка. Ему виделся просторный и уютный дом, с декоративными башенками и резными наличниками, с садом и палисадником, где ждут его любимые – жена и дети. А рядом, утопающий в листве тенистого парка, небольшой особнячок – больница, где он будет лечить людей, помогать появляться на свет малышам...

И об этой заветной мечте, такой нежной и доброй, такой далёкой и, как он понимал, практически неосуществимой, знал только Ролив. Знал и о мечте, и о тайных чертежах дома, сада, детской площадки, больницы, парка, огорода лекарственных растений, и о печальной убеждённости Дина в несбыточности этих надежд...

Динаэль сидел в задумчивости, обхватив колени руками, когда к нему подошёл и опустился рядом на траву Ролив.

– Я знал, что найду тебя здесь, – негромко сказал он.

– Спасибо, – так же тихо ответил Дин. – Мне хотелось повидаться... перед уходом...

Друзья несколько минут молчали, любуясь открывавшимся их взорам видом: река в лучах поднимающегося всё выше солнца, зеленеющие луга, деревеньки, причудливо расположенные по берегам, горы, покрытые лесом... Наконец Ролив посмотрел на Динаэля. Тот добродушно улыбнулся.

– Только, пожалуйста, – взмолился Ролив, – не надо шуток. Ты удивительно остроумен, но если сейчас ты начнёшь иронизировать, то я уверюсь в том, что твоё... дело... безнадежно опасно...

Динаэль благодарно взглянул на друга и ответил, продолжая улыбаться:

– Шутить не буду. А тревожиться за меня не стоит. Слушай, – на мгновение Дин смолк, – ты знаешь, что даром предвидения я не наделён. Могу только строить предположения. Но сегодня... сегодня мне приснился сон... или пригрезилось под утро... пригрезилось наяву... И это верно – предвидение. Слушай, – повторил волшебник. – Я видел на этом месте парк, как в дымке и издалека, но между деревьев вырисовывался уголок черепичной крыши и над ней белый флажок с красным крестом чуть развевался на ветру. И я видел это сам, своими глазами, словно стоял где-то у ворот Замка... Потом дети из деревень бежали к Замку как в школу на уроки... И я шёл по коридорам, шёл вести занятие в класс, где за партами сидели маленькие волшебники... А ещё я видел тебя с красавицей женой, счастливых и улыбающихся, с первенцем на руках... Но когда я просыпался, или наваждение уходило, прозвучал голос: «Не страшись, что не успеешь, не тревожься, что не сможешь. Всё успеешь и всё сможешь, если не побоишься впустить в своё сердце древнейшее чудо, о котором знает каждый, но часто забывает, что это – чудо и на какие невозможные, казалось бы, свершения оно способно...»

Динаэль восхищённым взором смотрел в глаза Ролива. Ролив тоже улыбнулся.

– Я так рад, – облегчённо вздохнул он. – Я, правда, боюсь за тебя. Ты со всеми шутишь, словно в твоём приближающемся деле нет ни капли риска. Но я-то тебя знаю. Сам посуди! Собрал всех маленьких волшебников, чтобы защитить их от Чёрного Колдуна. Нас оградил от проникновения в Долину Зла магическими ловушками. А сам отправляешься к этому самому Тёмному Чародею... Кое-что о том, что случилось одиннадцать лет назад, и я знаю. И про твои муки, когда ты чувствуешь, какие беды несёт людям Торубер, а вынужден ждать, тоже догадываюсь... Прошу тебя, позволь пойти с тобой. Конечно, я не волшебник, но вдруг моя помощь пригодится.

– Спасибо, – Дин положил руку на плечо друга. – Но с Торубером я должен встретиться один на один. Только в таком поединке можно одержать победу. Таков Закон. И Торубер его знает. Потому и не принимает открытый вызов... Мне придётся проникать в его дворец... И есть у него Чёрный Жезл, к которому вновь вернулась вся его мощь. Поэтому мы не равны, но только тот, кто лишит силы Жезл, может победить и самого Тёмного Чародея... А из всех ныне живущих магов приблизился к мощи Торубера только я...

В интонации, в жестах Динаэля не было ни страха, ни тщеславия, ни обречённости, ни излишней гордости. Он просто сказал то, что было на самом деле.

– Примерно так я и думал, – признался Ролив. – Но, может, мне подождать тебя где-нибудь в условленном месте: вдруг тебя ранит Торубер. Помогу тебе вернуться... Ведь ты

подумал о подобном, иначе, зачем через пару месяцев закрывать Переход, даже если ты не вернёшься. Это твои слова?

– Всё может быть, – согласился Дин. – Просчитать надо любой исход... А со мной идёт Донуэль. Он будет ждать... в условленном месте...

Динаэль почувствовал, что Ролив искренне желает быть чем-то полезным, и понял: нельзя отказать другу в подобном стремлении.

– Правда, – сказал волшебник, – Рив, есть одна вещь, может и не обязательная, но для правдоподобия не лишняя...

– Так? – глаза Ролива блеснули.

– Займёт это неделю. Три дня туда, день на месте, три дня обратно.

– Согласен, согласен, – заверил Рив.

– И придётся переодеться в одного из главных слуг хана Бариура, – добавил Динаэль.

– Хорошо. Говори, что я должен делать.

– Сыграть роль посланца Бариура, который передаёт в подарок к свадьбе хану Торуберу лучшего евнуха. Дело в том, что Тёмный Маг вновь решил жениться. У него и так огромный гарем, но... Короче, для новой жены он желает нового евнуха. Вот Бариур и хочет оказать Торуберу такую услугу. Евнуха уже ждёт доверенный Чёрного Колдуна в местечке, в трёх днях пути от нас. Но несчастный евнух отравился в дороге, не привыкший к трактирной еде, да так, что умер... – Динаэль произнёс последние слова с болью в голосе. – Но... несчастье это... сыграло свою добрую роль – появилась возможность без лишнего шума проникнуть к Торуберу. Письмо хана Бариура с рекомендацией, данное скончавшемуся евнуху Али, у меня. Так что я без особого труда предстану перед ликом Торубера... А там – посмотрим...

– Но... – пришёл в ужас Ролив. – Ведь тебя, как евнуха, проверят минимум три надзирателя за слугами гарема!

– Это самое горькое, – согласился Динаэль. – Мне придётся, как минимум, трижды у невинных людей создавать зрительную галлюцинацию...

– Уф, – выдохнул Ролив. – Ну, хвала Небесам... И не бери в голову: уверяю тебя, что те, кого тебе придётся обхитрить, не самые лучшие представители рода человеческого.

Динаэль задумчиво пожал плечами...

В полдень по Подземному Тоннелю из Долины шли трое: восточного вида слуга в дорожных одеждах, за ним молодой евнух, а чуть поодаль, словно случайный попутчик, Донуэль.

– 15 –

Служанка уже в третий раз приходила к Эливейн сказать, что отец и его гость хан Торубер, ждут её в гостиной. Эливейн, наконец, собралась с духом и вышла из комнаты: она знала о причине очередного визита хана в их дом, но она не могла смириться с волей отца...

Эливейн было двадцать лет. В этот южный тёплый город она приехала с отцом после смерти матери. Отец был знатен и богат, жил с семьёй в одной из далёких северных стран и мечтал перебраться в места, где вечное лето. Но у жены было больное сердце, врачи настоятельно не рекомендовали ей переезжать в жаркий климат. Теперь мечта отца осуществилась. А тут ещё выпало счастье укрепить своё положение, выдав дочь замуж за самого влиятельного на тысячи миль вокруг человека – хана Торубера. Правда, говорили, что он колдун. Да что за беда, если он сказочно богат! На родине Эливейн принято, чтобы у мужчины была одна жена – но здесь иные законы; да и сватается хан, собираясь сделать девушку любимой женой, а не наложницей. «Тут и думать нечего, – решил господин Перлик, – Эливейн уже и так засиделась... А лучшего жениха и желать нечего...»

Хан Торубер оказался весьма деликатным человеком. На вид ему было лет сорок. Он много знал и много путешествовал. А потому, видимо, учитывая, что Эливейн выросла в атмосфере иных правил и порядков, не торопил девушку с ответом на своё предложение.

Сегодня он приехал с целью пригласить Эливейн во дворец. Здесь подобные вещи не приняты, но для неё хан сделает исключение: она погуляет по парку и саду хана, ей позволено будет побеседовать со слугами на любые темы, чтобы она сама своими расспросами могла бы развеять тревоги и убедиться, что жизнь в доме Торубера вовсе не противна, а наоборот. Пять лучших жён хана проведут Эливейн по женской половине дворца, расскажут об обычаях, поведают о своём семейном счастье, может, и непривычном для девушки с севера, но ничуть не менее настоящем.

Отец в очередной раз погрозил дочери пальцем и сказал, что его терпение на исходе, и, если она не возьмётся за ум и не выкинет из головы все эти романтические бредни о единственной и неповторимой любви, то замуж она пойдёт без своего собственного согласия, а по принуждению, по воле родителя, который более неё разумеет в жизни и понимает, в чём состоит её счастье...

Эливейн согласилась на необычную экскурсию.

– 16-Как и предполагала Эливейн Перлик, это был совсем иной мир, мир, о котором она читала, мир, который, несомненно, был ей интересен. Но только со стороны, как наблюдателю, как любознательному человеку, желающему познакомиться с другой культурой. Её сердце, её душа не принимали, не могли впустить в себя это состояние счастья, когда тебя выбирают по прихоти господина: сегодня он нуждается в песнях одной, а завтра в танцах другой...

Слуги были почтительны и предупредительны. Рассказали о доброте и справедливости хана. Все пять жён, сопровождавших Эливейн, уверяли её, что Торубер любит каждую, искренне и нежно. Но девушке почему-то мерещилась фальшь... Нет, слишком разными были миры – тот, в котором выросла Эливейн, и тот, в котором жил ханский гарем.

Наконец жёны привели Эливейн на балкон над главным залом дворца. Узорчатая деревянная решётка не позволяла посторонним видеть женщин. А те могли наблюдать за гостями, слушать их разговоры. Но по знаку хана жёны покидали своё убежище и удалялись на женскую половину, где их постоянными собеседниками и слугами были евнухи...

Эти несчастные, по мнению Эливейн люди – не мужчины и не женщины, привели девушку в полное уныние. Никакие доводы, убеждения, рассказы о почётности данной службы не могла она понять. Как может мать желать своему сыну судьбы евнуха в гареме пусть и великого хана? Не жены, не наследников, а пожизненной муки? Так казалось Эливейн...

Девушка стояла на балконе, слушала хвалы судьбе и хану жён Торубера и рассматривала богатое убранство зала.

– 17 –

Ролив вернулся в родную долину ровно через семь дней. Он прошёл по Тоннелю и облегчённо вздохнул. «Вот я и дома», – подумалось ему.

Молодой человек огляделся. У него была мечта: тайное светлое чувство. Знал о нём Динаэль. И неделю назад вселил надежду в сердце друга. Но как возможно такое счастье, Рив не понимал. Ведь он давно любил. Любил, но Вивьен на него даже не смотрела...

– Рив! Наконец-то!

Голос заставил молодого человека вздрогнуть. Он так задумался, что не заметил, как к нему подошла... Вивьен.

– Я волновалась, – тихо проговорила она. – За тебя.

Ролив изумлённо посмотрел девушке в глаза. Та покраснела.

– За меня? – переспросил Рив. – Ты? Но...

– Просто ты ушёл с Динаэлем, – пояснила Вивьен. – А он волшебник. Он может постоять за себя... Тебе, я думала, будет опаснее...

– А я думал, что ты любишь Дина, – виновато проговорил Ролив.

– Люблю, – улыбнулась девушка. – Его нельзя не любить. Но его так все любят. Это не то...

Рив смотрел на дорогое ему лицо, на эти прекрасные глаза и думал, что он – большой дурак, что надо было уже давно сказать ей правду.

– Вивь, – ласково произнёс он, – прости мне мою нерешительность... Я люблю тебя. Давно. Но боялся, что моё чувство безответно. И потому молчал.

– Вот глупый! – Вивьен счастливо улыбалась. – Я тоже люблю тебя.

Она вдруг обвила его шею руками и поцеловала. Он подхватил её на руки и спросил:

– Ты выйдешь за меня?

– Да, – прошептала она и добавила:

– А дураки мы оба. Динаэль, наверное, давно знал... про нас. Ролив улыбнулся:

– Верно. И дело не в том, что он маг. Просто он доверяет своему сердцу... И не боится этого...

– 18 –

Динаэль стоял перед надзирателем над слугами гарема обнажённым и, скрепя сердце, создавал так нужную сейчас зрительную галлюцинацию. Он знал об обычности процедуры осмотра для любого нового евнуха, но чувствовал себя крайне скверно.

– На взгляд, Али, ты хорош для того, чтобы прислуживать новой жене господина, – проговорил наконец надзиратель. – Хан Бариур даёт отличную рекомендацию и твоим делам. Надеюсь, ты расположишь к себе нового господина, но придётся постараться.

– Я призван исполнять желания повелителя, – ответил с поклоном Динаэль.

Надзиратель подумал и пояснил:

– Хан Бариур очень любезный человек. И, зная, что новая невеста моего господина родом из северных стран, подобрал евнуха такой необычной для наших мест внешности, какой обладаешь ты...

Надзиратель вопросительно посмотрел на лже-Али.

– Именно так, – подтвердил Динаэль, ломая голову над вопросом, что могло заставить девушку иной религии вдруг сделаться двенадцатой женой Торубера.

– Есть маленькая проблема, – продолжил надзиратель, – господин недолюбливает рыжий цвет волос...

– Это не проблема, – заверил Динаэль, – меня можно или перекрасить, или побрить наголо.

Надзиратель одобительно кивнул.

– Твоя покладистость говорит о положительных качествах тебя как слуги. Хорошо. Следуй за мной.

И надзиратель повёл нового евнуха по коридорам дворца к главному залу: там хан Торубер хотел побеседовать с Али, подарком для Эливейн, предполагая, что девушка, уже услащённая рассказами лучших жён, не устоит против подобной чести, ведь личного евнуха имела только его старшая супруга.

— 19 —

Динаэль покорно ждал у двери в главный зал разрешения предстать перед лицом Торубера. Пока всё шло хорошо. Тревожил только один вопрос, вопрос, который возник накануне ухода Дина из Замка: магические символы показали сгущение черноты над портретом Торубера. Арбениус сказал, что такое было уже трижды. И всегда перед очередной свадьбой хана. Потом тёмная дымка рассеивалась...

– Али, – тихо сказал надзиратель, выйдя из зала, – хан ждёт тебя.

Согнувшись в почтительнейшем поклоне и раболепно сложив ладони, Динаэль просеменил в распахнутые двери...

— 20 —

Эливейн задумчиво осматривала убранство зала. Старшая из жён радостно говорила девушке о том, что ей, выросшей в северных краях, возможно, выпадет честь стать матерью желанного наследника хана. Всего трём супругам было позволено родить от любимого господина и мужа. Но эти глупые курицы, как назвала их сама говорившая, не оправдали надежд великого Торубера и принесли ему дочек... Эливейн невольно поморщилась: дочери его не устраивают, он желает сына... от неё... У девушки даже перехватило дыхание: неужели никто не понимает, что она не любит и не сможет полюбить этого человека!

Отчаяние накатилось на сердце Эливейн.

В этот момент в зал вошёл Торубер, о чём-то негромко беседуя со слугой. На балконе слышались только отдельные слова: «новый евнух», «Али» и «позови».

Слуга вышел. В зале появился Динаэль.

– Это подарок тебе, – зашептали наперебой жёны. – Личный евнух! Его зовут Али. Смотри, это он! Какой славный! А какой необычный! Для тебя! Видишь, как хан о тебе заботится!..

Женщины на балконе не могли видеть лица хана, стоявшего к ним спиной. А Торубер побледнел от злости: как его смогли так провести! Мальчишка, который должен был умереть девять лет назад?!

Динаэль, как только двери закрылись, выпрямился и улыбнулся. Он ощутил, как нечто огромное, светлое, прекрасное заполнило его душу. Он не знал, что это и откуда, но почувствовал где-то совсем рядом родное, близкое существо. Он не заметил в зале никого, кроме Чёрного Колдуна, но сердцу молодого человека стало волшебным и легко...

Эливейн увидела вошедшего, его лицо и улыбку, и сердце её опустошённо сжалось. «Если он – евнух, – почему-то обречённо подумала она, – то я могу стать кем угодно... И женой хана... Мне всё равно...»

Торубер сделал знак рукой, и жёны послушно покинули решётчатый балкон, увлекая за собой ставшую вдруг равнодушной Эливейн.

— 21 —

– Ты? – гневно воскликнул Торубер, как только все возможные свидетели их беседы покинули зал.

– Я, – спокойно ответил Динаэль. – Вы полагали меня мёртвым? Вы ошибались.

– Как ты посмел пробраться в мой дворец? Ты – борец за Добро? Или обман стал добродетелью?

– Увы, я не столь чист, как хотелось бы, – вздохнул молодой человек. – Но три отклонённых вами вызова и смерть несчастного Али открыли мне только такой путь для встречи с вами, – Дин опять улыбался.

– Так это были твои послания... – усмехнулся хан. – Упрямство сродни глупости, – звучно проговорил Чёрный Колдун, выпрямляясь во весь рост и глядя в глаза своему неопытному противнику. – Будь ты хоть чуточку умнее, ты бы внял предостережениям судьбы, когда я проигнорировал твои вызовы. А теперь ты просто умрёшь.

В правой руке Торубера сверкнул магический меч, в левой, словно сотворившись из воздуха, появился Чёрный Жезл. Колдун был поистине страшен.

Динаэль спокойно взглянул на Торубера. Конечно, молодой волшебник был слабее чародея, укрепившего свой магический талант десятилетиями тренировок и войн, которые постоянно вели войска хана, сея беды и разорения всем, не щадя ни женщин, ни стариков, ни детей... Что мог противопоставить Тёмному Магу Динаэль? Только добрую силу волшебника, изначально немалую, но пока не сравнимую по мощи с чарами Торубера, и своё горящее светом сердце. Но Дин был готов сразиться, да и медлить более оказывалось невозможным: Жезл обретал прежнюю силу.

Динаэль почувствовал, как по периметру зала по воле Торубера встала заградительная магическая стена.

– Предусмотрительно, – вслух проговорил Дин, – чтобы не причинить вреда роскошным апартаментам?

– Разумеется, – усмехнулся хан. – Я ценю то, что принадлежит мне. Да и ты не сможешь удрать, если струсишь.

Динаэль ничего не ответил, только пожал плечами. В его руках блеснул волшебный клинок.

– 22 –

Эливейн не поехала домой. Она велела кучеру отогнать карету к особняку, а сама отправилась пешком по извилистой тропинке над рекой.

Дело в том, что господин Перлик, переселившись в эти края, купил не только огромный дом, но и немалый участок земли вдоль реки, с лугом и густым, давно не хоженным лесом. Именно в лесу, над песчаным невысоким обрывом, в десяти метрах от берега, Эливейн нашла заброшенную сторожку. Видимо, когда-то здесь жили. Но теперь эта хижинка стала убежищем для девушки: она приходила сюда, когда хотела остаться наедине со своими мыслями. Эливейн тосковала по горячо любимой и рано умершей матери, по подругам, оставшимся далеко на её родине. А сегодня она впала в такое отчаяние, о котором и помыслить не могла...

Отец не желал ни понять, ни утешить дочь... Но он не видел ничего дурного в том, что Эливейн уходит поразмышлять, как он сам говорил, в одиночестве на лоне природы: свежий воздух полезен для здоровья и для рассудка, ибо возвращалась с подобных прогулок дочь бодрой и спокойной.

Эливейн навела порядок в сторожке: всё помыла, принесла и сама повесила занавески, расстелила скатерть на добротном деревянном столе и покрывалом накрыла широкую лавку, служившую, должно быть, преждему хозяину постелью.

Никто не смел ходить в эти места: нарушение границ частной собственности каралось жестоко. Поэтому и сегодня девушка, как только первые деревья скрыли её от глаз случайных путников, иногда проходящих по широкой наезженной дороге вдоль новых владений Перлика, дала волю слезам.

Эливейн плакала тихо и горько, медленно бредя по извилистой тропинке над рекой. Наконец, дойдя до песчаного откоса, она села прямо на траву, вполборота к воде, внизу, обхватила колени руками и так замерла. Слёзы текли по её щекам, но остановить их в своей безутешной и необъяснимой тоске Эливейн не могла.

– 23 –

Сражение длилось уже больше часа. Торубер был раздосадован: его противник явно не собирался легко сдаваться.

Чёрный Маг видел, что на правой руке Динаэля надета кожаная перчатка. Торубер понял: молодой волшебник по природе своей не воин. «Значит, – решил хан, – скоро перчатка будет прожжена насквозь раскалившейся в руках неопытного мальчишки рукоятью. А боль от ожога он долго терпеть не сможет...»

Но Торубер ошибся: Динаэль продолжал ловко отбивать удары и меча Тёмного Чародея, и его Чёрного Жезла.

А потом случилось немыслимое, то, чего хан не предвидел: Динаэль вдруг сделал подряд несколько невероятных выпадов, выбил из левой руки противника Жезл и негромко произнёс короткое заклинание... Торубер замер на мгновение, как громом поражённый: Жезл, упав на пол, вдруг посерел и рассыпался в прах.

Когда оцепенение прошло, Чёрный Маг перевёл взгляд на Динаэля. Торжество и надежда на отмщение за утраченное навеки мелькнули в глазах Торубера. Дин знал, на что он идёт, вступая в битву с Тёмным Чародеем. Но, даже зная теоретически, сложно представить, как всё будет выглядеть на практике...

Динаэль едва стоял на ногах, с трудом опираясь на собственный меч. Лишить Чёрный Жезл магической силы стоило ему невероятных усилий. Но молодой волшебник всё равно был доволен, ведь он надеялся, но не очень-то сам верил, что у него достанет сил на такое деяние.

– Радоваться рано, – презрительно проговорил Торубер. – Защищайся, если ещё можешь, глупец!

И хан обрушил на голову Динаэля несколько страшных ударов. Тот ухитрился отклониться от первого, отразить два последующих, получить царапины от четвёртого и пятого, но шестой... шестой удар Торубера достиг цели: молодой человек ощутил резкую боль в правом боку и почувствовал, как горячая кровь неудержимой струёй хлынула из раны.

Динаэль напряг все свои силы и отбил-таки седьмой и восьмой удары. Но он понимал, что слабеет непоправимо быстро.

Клинок Торубера пронзил левое плечо Дина, потом бедро, после чего молодой волшебник невольно наклонился вперёд. Тогда удар меча плашмя по спине заставил Дина упасть...

Как сквозь туман он услышал голос Торубера:

– Эй! Мерзавцы! Во дворец пробрался вор, а вы бездействуете!!!

Хан наклонился к самому уху израненного противника и зло прошептал:

– Ты умрёшь не как воин, а как преступник, забитый насмерть на месте преступления...

И убьют тебя те самые люди, которых ты собирался защищать.

Динаэль слышал топот бегущих ног, потом удары кулаков, сапог, палок обрушились на него со всех сторон. Он не мог защищаться, у него не было сил даже шевельнуться. Он заставил себя произнести с отчаянием:

– Не давайте воли своему гневу, люди!.. Боритесь со злом в себе... Пожалуйста...

Но его продолжали бить жестоко и сильно.

Динаэль собрал всё своё мужество и сосредоточился на пространстве. «Вон отсюда!.. Наружу... Ещё бы хоть раз почувствовать того неизвестного и родного, чьё присутствие я ощутил, войдя в этот зал», – вдруг мелькнула в угасающем сознании дикая мысль.

И пространство подчинилось молодому магу. Торубер в ужасе увидел, как исчез тот, кого он второй раз в своей жизни считал уже мёртвым. Слуги замерли в немом оцепенении. А Динаэль не осознал, а именно ощутил запах леса, прохладу воды, мягкость песка, на который опустилось его измученное тело, и почувствовал где-то совсем рядом родное, близкое существо.

– 24 –

Эливейн вздрогнула от внезапного глухого всплеска воды и обернулась.

Она увидела у самого берега на мелководе распостёртого человека в изорванной окровавленной одежде.

Девушка вскочила на ноги и бросилась к несчастному, неизвестно как оказавшемуся здесь и не замеченному ею раньше. Ещё не добежав до бесчувственного тела, она уже знала, кто перед ней, и её сердце болезненно сжалось.

Эливейн наклонилась над Али. Когда-то её мать, мечтавшая стать врачом, но не сумевшая добиться своего по разным причинам, учила медицине дочь. Девочка была внимательна и сообразительна, так что теперь лекарские знания и умения могли, видимо, принести свои желанные плоды.

Эливейн решила пока не гадать, что и почему произошло с молодым евнухом, а перетащить его в сторожку, подальше от случайных глаз, и постараться помочь раненому.

Девушка нащупала пульс на запястье Али и бегло осмотрела раны. Её поразило, что молодой человек смог каким-то образом оказаться так далеко от ханского дворца и уже попасть в неприятную, грозящую его жизни историю: насколько она знала, евнухи не покидали пределов гарема.

Времени на раздумья не было: Эливейн понимала, что от быстроты её действий сейчас зависит жизнь Али. Девушка подхватила молодого человека, беспомощно лежащего перед ней, под мышки и медленно потащила вверх, по тропинке, от реки к избушке.

– 25 –

Динаэль в полубреду ощутил прикосновение ласковых рук. Он вдруг и остро осознал, что эти, и только эти, нежные ладони он готов целовать, целовать всю жизнь. Волшебник с трудом приподнял веки и увидел перед собой девичье лицо: тёмно-серые глаза смотрели тревожно, светло-русые, прядями выгоревшие волосы слегка растрепались, от напряжения лёгкий румянец проступил на щеках. Девушка счастливо улыбнулась, обрадованная тем, что раненый хоть на несколько минут пришёл в сознание.

– Не волнуйтесь, Али, – прошептала она. – Я помогу вам... Если надо кого-то привести из ханского дворца, я всё сделаю. Всё будет хорошо.

Молодой человек только отрицательно мотнул головой и пробормотал:

– Древнейшее чудо, о котором знают все, но часто забывают, что это чудо – любовь... Глупец, как же я сразу не понял...

Эливейн, внимательно слушавшая слова Али, продолжала поднимать того в горку.

– Спокойнее, спокойнее, – проговорила она, ощутив волнение раненого. – Я поняла: о вас не должны знать... Я вас спрячу... А потом помогу найти ту, ради которой вы так рисковали... Обещаю...

Динаэль попытался понять, о чём это говорит ему та единственная и неповторимая, которая вдруг по воле судьбы оказалась рядом с ним, но силы его, окончательно подорванные сражением, ранами, побоями, большой потерей крови и покорением пространства, иссякли, и молодой человек опять погрузился в забытье.

– 26 –

Эливейн наконец дотащила бесчувственного Али до сторожки.

Её воображение уже нарисовало печальную картину: несчастные влюблённые разлучены злым ханом, взявшим в наложницы понравившуюся ему девушку, конечно, против её воли; отважный юноша, решившийся на отчаянный и рискованный шаг, чтобы вырвать невесту из жестоких лап негодяя... Нет ничего удивительного в том, что именно такую историю видела в своих догадках Эливейн: подобные случаи бывали и рассказы о них ходили из уст в уста... А Али ещё и сам сказал про любовь... «Как же нужно желать освободить любимую, чтобы решиться... стать... Хотя, если другого способа проникнуть во дворец нет...» – рассуждала девушка.

Эливейн удалось уложить молодого человека на скамью. Теперь она быстро развела огонь в печурке и, поставив кипятиться воду, принялась растирать засушенные ею зачехто, – сейчас она уже знала – зачех, лекарственные травы и рвать на бинты свои нижние юбки и чистые тряпки.

Вскоре вода закипела.

Эливейн аккуратно срезала с Али кровавые лохмотья.

Сначала девушка промыла и обработала раны на боку и плече молодого человека. Потом, когда все ссадины и синяки на груди Али тоже были смазаны, она весьма умело наложила повязки.

Необходимо было действовать далее, ибо рана на бедре тоже кровила и казалась достаточно серьёзной, а следов от побоев на ногах и нижней части туловища, видимо, ожидалось обнаружиться ничуть не меньше, чем на груди, спине и руках.

– Простите меня, Али, – прошептала Эливейн, прекрасно понимая, что тот её не слышит, и, сознавая, что, действуя сейчас как врач, она вовсе не должна извиняться за свои поступки.

Но девушка почему-то смущалась.

Эливейн вздохнула и сняла с раненого нижнюю часть его гардероба. Руки девушки продолжали умело и ловко обрабатывать раны, синяки, кровоподтёки и ссадины, а щёки её невольно пылали от смущения: Али не был евнухом. «Значит, наказание за обман наступило его во дворце, по приказу хана, – размышляла Эливейн. – Но как ему удалось?.. Ведь он предстал перед самим Торубером! Как же обман не раскрылся раньше... при осмотре надзирателем?..»

И только закончив бинтовать раны, смазывать ссадины и делать примочки на синяки и ушибы, девушка взглянула на ладони Али. Правая рука, не освобождённая ещё от прожжённой перчатки из светло-коричневой кожи, объяснила Эливейн многое!

Эливейн всегда любила слушать рассказы о необычном. И её старая нянюшка часто забавляла свою воспитанницу преданиями о домовых, леших и о волшебниках. Из этих повествований девушка и узнала, что если маг, не обладающий от природы даром воина, вынужден взяться за чародейский клинок, то рукоять его собственного меча может даже ожечь ладонь, сжимающую грозное оружие. «Вот оно! – с восхищением глядя на молодого человека, подумала Эливейн. – Он пришёл, чтобы сразиться с Торубером. Все знают, что Торубер – Чёрный Колдун... Отважный Али! Ведь хан, наверное, как волшебник, сильнее... А, может, и не Али вовсе...» – догадалась девушка.

Эливейн обильно смазала ожог на ладони молодого человека самодельным снадобьем и забинтовала руку. Затем она укрыла раненого и, зная, что тот не услышит, тихонько проговорила:

– Отдыхай, мой единственный... Скорее всего, у тебя есть невеста, ведь ты говорил о любви, и я никогда не скажу тебе о своих чувствах... Но...

Эливейн замолчала, потому что ей показалось, что раненый шевельнулся. Нет, только показалось.

– Я скоро вернусь, – ласково сказала девушка, наклонилась к лицу молодого человека в желании поцеловать его хотя бы в щёку, но не решилась и спешно выскользнула из сторожки.

– 27 –

Эливейн, как только она вошла в дом, доложили, что её ожидают в гостиной отец и хан Торубер. Девушка быстро переоделась и спустилась в парадную залу.

И отец, и Торубер заметили её, казалось, спокойную и доброжелательную улыбку. Теперь они оба были уверены, что Эливейн приняла желаемое ими решение. Именно в этом мнении девушке и хотелось утвердить отца и хана.

– Кажется, сегодняшнее любезное исключение, позволившее тебе посетить дворец нашего уважаемого гостя, произвело на тебя вразумляющее действие, дочь моя? – спросил господин Перлик, стараясь говорить мягче.

– Пожалуй, – произнесла девушка. – Я и не подозревала, как один человек может быть столь ласков со всеми своими жёнами. – Эливейн извиняющимся взглядом посмотрела на хана. – И... мне понравился ваш... подарок... – добавила она. – Простите, если это должно было быть тайной до... свадьбы...

Хан поклонился, истолковав высказывание девушки по-своему: Торубер считал, что каждая женщина мечтает повелевать, а в гареме повелевать личным, только тебе принадлежащем слугой – весьма почётно; поэтому он и хотел подарить новой жене евнуха; и, как свидетельствовало потеплевшее отношение к нему Эливейн, подобное решение оказалось верным.

– Что ты имеешь в виду? – спросил дочь отец. Девушка подошла к нему и, нежно обняв, радостно ответила:

– Великий и заботливый хан Торубер... взял... для меня... лично для меня... нового евнуха. Такого забавного, рыженького...

Девушка бросила на гостя восхищённый взгляд. На самом деле Эливейн было важно всё, что скажет теперь Торубер.

Колдун виновато вздохнул, склоняя голову перед той, которую желал взять в жёны, желал страстно, ибо звёзды сказали ему, что именно Эливейн может родить могучего приемника от Чёрного Мага, и произнёс:

– О, госпожа моего сердца! Прости меня, неосторожного. Я, по недосмотру, чуть не впустил в дом убийцу. Но я клянусь тебе, свет очей моих, что у тебя будет лучший евнух из всех существующих!

И, раз тебе дорог именно рыжий цвет волос, то твой слуга будет рыжеволосым.

– Убийца?! – в ужасе прошептала девушка. – Боже мой! Все ли живы в вашем доме, господин хан.

Её восклицание прозвучало так искренне, бледность лица и испуг в глазах выглядели столь естественными, что ни отец, ни Торубер не заподозрили чего бы то ни было, не отвечавшего их желаниям.

– Не стоит беспокоиться, моя ненаглядная госпожа, – поспешил заверить Эливейн Колдун. – Во дворце никто не пострадал. Преступник понёс заслуженное наказание. И, хотя ему удалось бежать, более он никого не потревожит.

– Вы уверены в этом? – всё ещё тревожно спросила девушка.

– Разумеется, душа моя, – заверил Торубер. – А чтобы вам было спокойнее, – добавил он, – поясню. Мой клинок как раз был смазан ядом, а противоядие надо хотя бы иметь возможность выпить... что бандиту сделать вряд ли удастся, ибо он и так почти мёртв.

Эливейн была бледна.

– Но, – прошептала она, – зачем?

Торубер не отказался от ответа, не обратив внимания на двусмысленность вопроса Эливейн.

– Дело в том, – сказал он, – что лет десять назад, девушка, которая считалась невестой брата этого несчастного злодея, стала... моей женой. Но это было её добровольное решение. А несостоявшийся жених не поверил, напал со своими дружками на стражу, был ранен, но, самое печальное, погибла та, из-за которой всё и произошло... Теперь, видимо, младший брат, считая виновником беды меня, решил отомстить... – хан печально вздохнул. – Месть не несёт в себе справедливости, не так ли?

– Да, – как эхо повторила Эливейн.

Несколько мгновений длилась пауза. Девушка поняла, что медлить нельзя, что от неё ждут ответа. И, заставив себя улыбнуться, Эливейн спокойно проговорила:

– Господин Торубер, позвольте мне дать вам официальный ответ на ваше предложение через... – она словно задумалась.

– Я понимаю вас, мисс, – кивнул хан. – Культура и обычаи вашей родной страны требуют выдержать время перед официальным согласием. Дней десять будет достаточно? – любезно спросил Колдун.

– Более чем, – ответил за дочь господин Перлик. – И так слишком долго мы позволяем Эливейн размышлять, – и отец укоризненно посмотрел на девушку.

– Позвольте с вами не согласиться, – твёрдо возразил Торубер. – Эливейн здесь всё ново и необычно. Ей необходимо это время.

– Спасибо... мой повелитель, – прошептала девушка.

– 28 –

Господин Перлик и хан Торубер расстались весьма довольные исходом сегодняшней беседы.

Отец, обрадованный скорым исполнением своей мечты породниться с самым богатым и самым влиятельным человеком в южных странах, не подумал даже возражать решению дочери пожить несколько дней в уединении, в лесной сторожке: пусть потешится, ведь территория хорошо охраняется и чужих туда не пропустят.

Торубер принялся за поиски: ему нужен был в гарем надёжный евнух с рыжими волосами, причём не крашеными, а настоящими.

Эливейн, спешно собрав кое-какие вещи, отправилась в сторожку. Её сердце разрывалось от боли. В сознании звучало одно слово: «Яд... Яд...» А на душе было тоскливо: не могла она поверить в то, что Али – просто убийца, жаждущий мести...

– 29 –

Эливейн вбежала в избушку. К её ужасу раненый лежал на краю лавки, на животе, левая рука его бессильно свесилась на пол, по повязке расплзлось кровавое пятно...

Девушка бросилась к молодому человеку. Она постаралась как можно аккуратнее перевернуть Али на спину. Эливейн с тревогой всматривалась в бледное измученное лицо волшебника (она уже не сомневалась, что молодой человек именно волшебник). Руки того были холодны, словно лёд, а голова пылала, дыхание прерывалось. И тут Али приподнял отяжелевшие веки.

Он увидел Эливейн. По его горячим потрескавшимся губам скользнула едва заметная улыбка. Лицо раненого будто осветилось.

– Я боялся, что не увижу вас, – едва слышно прошептал он.

– Что вы! – отчаянно произнесла девушка. – Разве я могу бросить вас... в таком состоянии.

Он снова улыбнулся ей, и Эливейн поняла, что пропала окончательно и бесповоротно, что за его улыбку, подаренную ей, она готова отдать всю себя, своё сердце, свою жизнь. А он чуть качнул головой и повторил:

– Я боялся, что не увижу вас больше... не успею... – невольная судорога пробежала по его телу.

Эливейн заметила в правой забинтованной руке молодого человека шнурок от кулона-кувшинчика, какие здесь носят почти все, наливая в них несколько капель ароматических масел. Когда девушка промывала раны Али и накладывала повязки, этот пузырьёк висел на его шее, вместе с витиеватым вензельком на тонкой золотой цепочке. Теперь шнурок был оборван. Видимо, молодой человек хотел снять кулон, но обронил его. Эливейн, помня разговор с Торубером, догадалась, что вовсе не духи носил на шее Али. Это и есть противоядие, ведь не мог волшебник не знать о такой опасности, как отравленный клинок Колдуна.

Девушка опустила на колени возле лавки и нашла кувшинчик.

– Это? – радостно воскликнула она, поднося не разбившийся флакончик к лицу молодого человека.

– Да, – одними губами смог ответить тот. – И...

– И воды? – догадалась Эливейн.

Она капнула содержимое пузырька на пересохший язык Али. Тот вынужден был поморщиться: лекарство явно имело крайне неприятный вкус. Девушка приподняла голову молодого человека и поднесла к его губам кружку с чистой прохладной водой. Али пил долго и медленно, каждый глоток давался ему с трудом. Наконец он устало откинулся на подушку.

– Спасибо... – шепнул он, – ...мой ангел-спаситель...

Глаза его затуманились. Он попытался удержать угасающее сознание. Но мир вокруг него всё-таки потемнел и превратился в хаос. У раненого начинался жар.

– 30 –

Молодой человек метался в бреду три дня. Эливейн не отходила от раненого, меняла повязки, обтирала прохладной водой, сама выполняла тяжёлую работу санитарки.

Али то спорил с кем-то. «Убийство – не выход! Наказание – в лишении силы. Приговор – дело Суда», – доказывал он. То вдруг отчаянно шептал: «Имя... Даже не узнать имя...» Или тихонько просил: «Любовь моя, не уходи...»

Эливейн всегда брала несчастного за руку и отвечала, хотя и понимала, что тот не слышит её. «Конечно, – говорила она, – ты не способен убивать... Отдыхай...» Или заверяла волшебника в том, что она обязательно спросит его имя, как только он придёт в себя. А о той, неизвестной ей и такой счастливой, потому что ЕЁ любит ОН, Эливейн нежно напевала: «Не уйдёт от тебя, никогда не уйдёт, никогда...»

Когда Али затихал, девушка осторожно приподнимала его голову и потихоньку поила травяными целебными настоями.

Вечером третьего дня, сделав очередную перевязку и порадовавшись, что раны затягиваются хорошо, а жар спадает, Эливейн, уставшая, наспех перекусила сама и вновь села на табурет возле постели раненого. Но утомление брало верх: Али наконец спокойно спал, и девушка не заметила как задремала, склонившись лицом к лавке...

– 31 –

Эливейн снились какие-то незнакомые края. Она шла и шла. Сначала любовалась видами. Потом ей стало одиноко. Потом страшно и горько. Она села на траву и тихонько заплакала. Вдруг, кто-то нежный и добрый, родной и близкий погладил её по голове. Стало легко и хорошо. Слёзы ещё не просохли на её щеках, а душа уже была полна счастья...

Просыпаясь, Эливейн ощутила, что её подушка мокра от слёз. Кто-то, действительно, трепетной рукой гладил её по волосам. Девушка вздрогнула – Али отдернул руку и замер, боясь напугать не совсем пробудившуюся Эливейн...

– 32 –

Эливейн открыла глаза, и щёки её залил румянец: пропитанные слезами повязки вместо подушки оказались перед ней. Она медленно перевела взгляд вверх, боясь пошевелиться: её руки обнимали не подушку – голова покоилась на животе Али, в паре сантиметров от того места, где под бинтами находилась едва затянувшаяся рана.

– Простите, – прошептала она, – я не сделала вам больно?

Как только девушка посмотрела на молодого человека, как только тревожно задала свой вопрос, лицо Али осветилось улыбкой.

– Доброе утро, моя спасительница, – проговорил он. – Не сердитесь на меня: вам снился дурной сон, Вы плакали, я позволил себе прикоснуться к вашим волосам... Я напугал вас?

– Нет! Что вы! – воскликнула Эливейн. Она была счастлива: Али поправлялся!

– Вам надо позавтракать, – сказала она вставая. – Вы столько времени ничего не ели...

Молодой человек слегка нахмурился, словно его беспокоило нечто, узнать о котором он не решался.

– Сколько... я лежал... в бреду? – спросил он, делая паузы между словами.

– Трое суток, – ответила Эливейн. – Что вас беспокоит?

– Боже!.. Кто-нибудь... ещё... кроме вас... здесь есть? – с надеждой произнёс Али.

– Нет, – покачала головой девушка. – Не бойтесь, о вас никто не знает.

Молодой человек покраснел до корней волос.

– Господи! – прошептал он. – И вся тяжелейшая работа... сиделки... легла на... на вас!.. Простите меня... Я не хотел... так...

Эливейн опустила на колени возле кровати и взяла его забинтованную ладонь в свои руки.

– Вам нечего стыдиться, Али, – ласково проговорила она. – Если бы мне это было в тягость, то нашёлся бы иной путь... А сейчас давайте умоемся, поедим и сменим повязки.

Он смотрел ей в глаза своим дивным взором, и сердце её пело: не имело значения, кто и где ждал его – сейчас она была рядом, и он улыбался ей.

– Хорошо, – согласился Али. – Только... я сам... Я встану.

Эливейн посмотрела в лицо молодого человека и поняла, что возражать бесполезно. Она кивнула, принесла таз с водой и чистую одежду. Волшебник, сжал губы и приподнялся.

Девушка подождала – Али сел на кровати. Тогда она сказала:

– Займусь чаем, – и отвернулась к печке.

— 33 —

Молодой человек закончил утренний туалет и устало прислонился к стене. Девушка обернулась. Али улыбался.

– Вы отчаянный, – сказала она, устраивая стол на табурете возле постели раненого. – Я так рада, что вам лучше! – добавила девушка.

Молодой человек посмотрел на неё странным взглядом, от которого всё внутри вдруг запело и затрепетало.

– Какой же я наглец! – покачал он головой. – Как ваше имя, единственная и неповторимая? – спросил он тихо.

– Эливейн, – просто ответила она и добавила: – А вы... ведь не Али?

– Нет, – волшебник улыбался, но его взгляд стал тревожен, он словно что-то припомнил. – Меня зовут Динаэль, – ответил он. – Но... Эливейн...

На лбу Дина появилась печальная складка.

– Эливейн... – повторил он, словно пропел, – Эливейн...

Динаэль прикрыл глаза, а через мгновение его взор, полный печали, был устремлён на девушку.

– Вы – невеста Торубера?... – его шёпот казался громче, чем крик боли...

— 34 —

Эливейн опустила на покрытый салфеткой и стоящий возле кровати, на которой сидел молодой человек, табурет чашку с ароматным цветочным чаем, как-то неловко пожала плечами, почему-то виновато улыбнувшись, и слишком поспешно отвернулась к окну, где на подоконнике лежали завёрнутые в бумагу свежие булочки.

– Да, – негромко ответила она и без паузы, будто на одном дыхании, продолжила, – я расскажу вам, прямо сейчас. Мы жили...

И Эливейн вдруг, сама того не ожидая, не оборачиваясь, быстро произнося слова, рассказала о своём родном городе, о матери, о её не осуществившейся мечте стать врачом, о её болезни и безвременной кончине, о переезде сюда и о желании отца сделать дочь счастливой, выдав замуж за богатого и влиятельного человека, о сватовстве хана Торубера, о его терпеливости и заботе о ней, о его отношении к ней, так не похожем на всё, что говорили люди о злобе Чёрного Колдуна, о своём странном и, казалось бы, необоснованном недоверии к нему, о хвалящих хана жёнах и о том, что, оказывается, Торубер считает, будто именно она, Эливейн, способна подарить ему наследника и, наконец, о том, как она получила десять дней на размышления...

Динаэль слушал молча. Он чувствовал её волнение, её смятение и её душевную боль. Он знал и то, о чём она не сказала: что её сердце полно любви. Не ведал он только – к кому так горячо и искренне тянется эта самая нежная, самая милая, самая добрая, самая беззащитная, самая желанная и единственная для него девушка. Он понимал, что она – его судьба. Он жаждал закрыть её собой от всех печалей. Он ужаснулся, когда понял, зачем Колдун хочет жениться на ней; а раз Торубер столь осторожен – значит, он уже давно сверился со звёздами. Но выгаданные Эливейн дни на якобы размышления подарили молодому человеку надежду: вдруг её любовь внезапная и необъяснимая разумом, вдруг... Ведь он сам полюбил вдруг, даже не успев увидеть, а только ощутив её рядом...

Эливейн замолчала. Несколько минут она неподвижно смотрела в маленькое окошко. Потом собралась с силами и обернулась...

Динаэль стоял прямо за её спиной. Она не слышала, ни как он поднялся со скамьи, ни как подошёл к ней. А он стоял, боясь сделать лишнее движение, боясь спугнуть то ощущение нужности друг другу, которое витало над их головами...

Эливейн подняла свой взор на лицо Динаэля. Её сердце бешено колотилось. И вдруг, в напряжённой тишине, она услышала, как неправдоподобно быстро бьётся совсем рядом с ней его сердце. Девушка широко распахнула серые чистые глаза, словно впуская счастливую догадку внутрь себя: ведь он просил любимую не уходить, может, это был не совсем бред, не обращение к какой-то далёкой и неизвестной ей, а мольба именно к ней, сидевшей рядом, но имени которой он не знал...

Динаэль взгляделся в её лицо, и его глаза цвета моря озарились светом. Улыбка осветила каждую чёрточку его лица.

– Я люблю вас, Эливейн, – проговорил он, – и ощущаю ваше ответное чувство. Я не знаю, что ждёт нас впереди, но я прошу вас – не выходите за Торубера.

Девушка боялась словами спугнуть волшебную минуту.

– Я сделаю всё, что ты пожелаешь, – едва слышно прошептала она.

– Я действительно люблю тебя, Динаэль.

Молодой человек наклонился и поцеловал свою избранницу. Трепетное тепло спустилось в неё и растеклось по всему телу. Да, окончательно и бесповоротно она вся, её разум и её сердце принадлежали этому сильному и доброму, самому лучшему в мире волшебнику – Динаэлю.

– 35 –

Они ещё стояли, молча, обнявшись, не желая оторваться друг от друга, когда она почувствовала, что Динаэля качнуло.

Эливейн взглянула в лицо молодого человека. Он продолжал счастливо улыбаться, но щёки его были чрезвычайно бледны.

– Прости, – виновато прошептал он. Эливейн уложила раненого на кровать.

– На сегодня хватит... тренировок. Постельный режим, – полушутя, полусерьёзно проговорила она. – Завтрак, перевязка и сон.

Он хотел возразить.

– Остальное потом, – сказала Эливь. – Завтра.

– Хорошо, – устало согласился Динаэль. – Но один вопрос сегодня: ты позволишь мне просить у твоего отца твоей руки?

– Да, – чуть слышно ответила Эливейн и покраснела.

После завтрака и перевязки Дин уснул. Девушка убралась в сторожке, сварила бульон и сама задремала на скамейке возле окна.

– 36 –

Ещё два дня Динаэль провёл в постели. Он порывался отправиться в путь немедленно, но Эливейн удалось настоять на своём: она видела, насколько неокрепшим был пока её любимый.

Два дня они говорили – обо всём.

Теперь Эливейн знала о семье Дина, о его детстве и юности, об увлечениях и мечтах. Знала печальную историю Донуэля и Марики, предсказание для Ролива и Вивьен. Перед её мысленным взором стояла и родная Долина Дина, и Горный Замок, и существующий лишь в воображении волшебника дом с лечебницей и парком.

– И ещё, – сказал Динаэль, – обещай, если со мною что-нибудь случится, ты поспешишь и доберёшься до места, где меня ждёт брат.

Эливейн побледнела.

– Я буду с тобой, – ответила она. – Если случится, то с нами. Он вздохнул, а потом мягко, но твёрдо возразил:

– Кто-то должен вернуться. Там должны знать – запоминай – я выполнил просьбу Совета: Чёрный Жезл никогда больше не обретёт магической силы.

Эливейн уловила грусть в его глазах, но это не было сожалением о возможности скорой гибели – его тревожило другое.

– Что мучит тебя, любимый? – она прижала к своей щеке его ладонь.

Динаэль посмотрел в её лицо долгим взглядом и решился признаться.

– Меня, действительно, мучит ощущение того, что я не смогу защитить тебя, тебя – моё единственное настоящее сокровище... И ещё: лишив Торубера силы Жезла, я открыл путь волшебникам добрым, но не столь могущественным, всё же победить Чёрного Мага. Но тогда победа светлого чародея принесёт Колдуну только смерть. А я могу попытаться через несколько лет, когда мои силы сравняются с силами Торубера, одолеть его, оставив ему его обычную человеческую жизнь. Это шанс для его души вернуться к Свету.

– Господи! – воскликнула Эливейн. – Он сам ходит по краю пропасти, а печалится о судьбе того, кто жаждет его смерти!.. Я не просто люблю тебя, Дин, – прошептала девушка, – я преклоняюсь пред тобой.

Молодой человек явно смутился. Он прижал палец к губам девушки, а потом приподнялся на локте так, что его дыхание касалось её лица, и тоже шёпотом произнёс:

– Это я преклоняюсь пред тобой. Ибо ты сама не ведаешь, насколько прекрасно твоё сердце.

И Динаэль поцеловал Эливейн в губы.

– 37 –

Ранним утром шестого дня после ранения Динаэля молодые люди пришли в дом Эливейн. Встречных прохожих было мало. Все они знали дочь Перлика как любительницу пеших прогулок. Сопровождавший девушку крестьянин никого не удивил: в город в поисках заработка часто приходили жители окрестных деревень в простых льняных одеждах и истрёпанных широкополых соломенных шляпах – сильным, не боящимся тяжёлой и грязной работы мужчинам в богатых домах находилось какое-нибудь дело.

Эливейн сразу прошла в комнаты отца. Тот вышел навстречу дочери ещё заспанный, в домашнем халате.

– Доброе утро, папа, – ласково проговорила девушка.

Господин Перлик заметил, что его дочь, почти не улыбавшаяся после смерти матери, сейчас прямо сияет от счастья. Но это почему-то неприятно насторожило его. А ещё странный крестьянин вошёл за Эливейн, остановился у порога, поклонился, сняв шляпу, и стоял, бесцеремонно прямо, со спокойным взглядом необычного цвета глаз. «И волосы рыжие, – подумалось господину Перлику, – что-то неприятное было связано с этим цветом...»

– Папочка, – продолжала Эливейн, – вот Динаэль. Он хочет с тобой поговорить.

– Девочка моя, – слегка растерянно ответил Перлик. – О чём он, – и отец сделал несколько презрительный жест рукой в сторону молодого человека, – может говорить со мной, да ещё так рано?

– Обо мне, папочка, – пояснила дочь. – О моём замужестве и нашем с тобой переезде.

При этих словах Перлик окончательно проснулся и вспомнил!..

Разговор не получался...

– А! – весьма бестактно воскликнул господин Перлик. – Это и есть подарок тебе от хана Торубера? Обещанный рыженький евнух? Что-то вид у него... не подходящий для гарема...

Молодой человек без обиды усмехнулся. Эливейн покраснела. Динаэль снова поклонился и спокойно произнёс:

– Ещё раз здравствуйте, сэр. Искренне рад знакомству с вами. Вы назвали меня «подарком от Торубера». Пожалуй...

По его речи и манере держаться, Перлик понял, что тот не крестьянин и не слуга, а человек свободный и образованный. Но одежда гостя не вызвала у хозяина дома доверия.

– Моё имя Динаэль Фейлель, – продолжал лже-евнух. – Я прибыл издалека, по делам. Но судьбе было угодно познакомить меня с вашей дочерью. И эта встреча изменила всё. Я люблю Эливейн, господин Перлик, и прошу у вас её руки.

Молодой человек опустил на одно колено. Эливейн, понимая, что раны ещё причиняют боль волшебнику, хотела остановить его. Но напрасно.

– Я знаю, – продолжал Дин, – что вы желали отдать Эливейн в жёны Торуберу, но этот брак не принесёт ей счастья...

И молодой человек рассказал об истинных причинах столь любезного отношения Чёрного Колдуна к Эливейн, о самом Торубере, о его планах обретения власти над миром и обо всём, что, так или иначе, было связано с судьбой дочери Перлика, если отец всё же пожелает выдать девушку за нелюбимого...

– Довольно! – прервал молодого человека Перлик. – Меня не интересуют ваши чувства! И твои тоже, – добавил он, взглянув на Эливейн. – Я знаю, что надо для счастья. И моя дочь выйдет за хана...

– 38 –

Повисла напряжённая тишина. Динаэль тяжело поднялся на ноги. Взор его был печален:

– Простите, сэр, – проговорил он. – Я могу объяснить, почему вы опасаетесь выдать Эливейн за меня. Вы меня не знаете... Но зачем губить единственную дочь, обрекая её на брак с нелюбимым человеком, преследующим корыстные цели?

Девушка в ужасе молчала: она и не предполагала, что отца настолько не волнует её мнение. Однако она решилась и произнесла:

– Отец, неужели ты не понимаешь, что, даже если я и... рожу хану наследника, то ни тебе, ни тем более мне не позволено будет видеться с этим ребёнком. Торуберу нужен тёмный наследник, и он не даст хоть мало-мальски нежным чувствам проникнуть в воспитание мальчика.

Перлик не отвечал.

– Ну, посмотри сам, – доказывала Эливейн. – Я слышала от его жён, что у хана есть три дочери. Где они? Что с ними и с их матерями? Никто не знает... – девушка в волнении провела рукой по лбу. – Они не нужны Торуберу и, возможно, их уже нет в живых? – страшная догадка поразила Эливейн, и она замолчала.

– Всё это сплетни злых языков, – холодно проговорил Перлик. – Ты выйдешь за хана Торубера, а я ещё преподнесу ему в качестве твоего приданого этого рыжего бандита.

Эливейн закрыла лицо руками и бессильно опустилась на стул.

– Это не сплетни, – негромко сказал Динаэль. – Это правда. Все три жены с девочками, каждая в своё время, были обречены на гибель. Первых нашли в высокогорном ущелье случайно. Вторых уже искали, прошаривая болотистую лагуну в течение месяца. Третьих удалось вытащить из холодной ямы во дворе тюрьмы. Последних спасла Марика, – добавил волшебник уже только для Эливейн. – Девочки выросли. Они не знают, кто их настоящий

отец. У младших есть хорошие папы, любящие их, есть братья и сёстры. Это здорово, потому что обманутому сердцу трудно поверить в искренность новой любви, а чуть не погибшие женщины смогли вернуть себе радость семейной жизни. Самая старшая из девочек очень красива и скоро сама выйдет замуж за любимого...

Эливейн сквозь слёзы смотрела на Дина. Перлик молчал, упрямо поджав губу. Девушка поднялась и подошла к нему вплотную.

– Отец, – тихо сказала она, – я всегда была послушной дочерью. Но если сейчас ты не внемлешь голосу рассудка и зову добра, я впервые в жизни не подчинюсь твоей воле.

Эливейн смотрела прямо и твёрдо в глаза Перлика. Тот усмехнулся и вдруг громко крикнул:

– Сюда! Скорее! В доме вор!

Бежать молодым людям было некуда. В коридоре уже слышались приближающиеся быстрые шаги множества ног. Дверь распахнулась, и слуги набросились на Динаэля. Он почти не защищался, только слегка попятился назад и остановился, давая понять, что ничего делать не собирается.

– Давайте договоримся, сэр, – спокойно произнёс волшебник. – Вы хотите снискать расположение хана. Сдайте ему меня, но отпустите Эливейн, её спрячут...

– Нет! – воскликнула девушка, закрывая собой Динаэля. Слуги в замешательстве отступили на шаг.

– Верно, девочка, – согласился Перлик. – Нет. Хан получит и тебя, и его.

Упрямство старого джентльмена оказалось непреодолимой преградой. Медлить более было бессмысленно.

– Искренне сожалею, что мы не нашли общего языка, – с болью в голосе проговорил Динаэль. – Прощайте.

Молодой человек обнял Эливейн за плечи и шепнул ей: «Держись и ничего не бойся». Девушка доверчиво взялась за его руки... и почувствовала, как взлетает.

Мелькнули удивлённые лица прислуги, раздосадованный, злобный взгляд отца, а потом она увидела далеко под собой свой дом, сад, город, леса, поля, реку и горы.

Мир был красив и полон жизни в лучах утреннего солнца.

– Они нас видят? – восторженно спросила Эливейн.

– Нет, – Динаэль ответил нежно и тихо, но девушка поняла, что полёт, да ещё с ней, даётся волшебнику очень нелегко.

Эливейн поцеловала руки, держащие её так крепко и надёжно, и прошептала:

– Только с тобой мне так хорошо...

– 3 –

Эливейн увидела приближающиеся крыши и купола церкви, прихожанкой которой она была.

Молодые люди очутились на дворе домика, уютно расположившегося среди яблоневых деревьев за храмом.

– Нас спрячет отец Григори? – спросила девушка.

– Да, – ответил Динаэль, переведя дыхание. – Ты с ним знакома?

– Я хожу на службы сюда и на исповедь, – кивнула Эливейн.

– Сколько же ещё неведомых ниточек связывает наши судьбы! – улыбнулся Дин. – Отец Григори – мой крёстный, – добавил молодой человек. – И ещё: его просили поговорить с тобой, – правда, я и не знал, что ты прихожанка его прихода... поговорить о Торубере... Но ты всё сделала сама.

Из-за поворота вышел седоватый, благообразный священник с ясным и светлым взором. Он шёл к себе, закончив утреннюю службу. Сегодня его ожидали ещё крестины, но чуть позже, и сейчас он намеревался помочь жене по хозяйству.

Отец Грегори, заметив молодых людей, прибавил шаг. Девушку он узнал сразу: он искал её глазами на службах уже неделю, но Эливейн не приходила. Раньше такого не случилось, и священник искренне тревожился. Теперь он сможет поговорить с ней о том, что её толкает на брак с Торубером.

Сопровождающего Эливейн крестьянина отец Грегори не узнал: хотя фигура в мешковатой одежде и показалась ему знакомой, но поля шляпы совершенно скрывали лицо этого человека. «Странно, – подумал священник, – обычно простой люд вообще не надевает головные уборы возле храма. А этот...»

Отец Грегори оглянулся на голоса, доносившиеся от ворот церкви. Там расходились по домам последние из присутствовавших на службе. Когда в видимости священника не осталось ни одного человека, крестьянин снял, наконец, шляпу.

– Господи! – полушёпотом проговорил отец Грегори, подходя к молодым людям. – Дин, мальчик мой, тебя везде ищут! Причём судачат о твоей гибели.

– Всё верно, – усмехнулся Динаэль. – Если бы не Эливейн...

– А я понять не мог, куда пропала моя прихожанка, – говорил священник, провожая молодых людей в дом. – Как я понимаю, до вечера, мальчик мой, ты пробудешь у меня? А что решила Эливейн?

– Боюсь, что ищут уже не только меня, – вздохнул молодой человек, притворяя за собой входную дверь. – Я просил руки Эливейн у её отца... Но мистер Перлик желает выдать дочь только за хана. Нам пришлось бежать.

– Вот ты и встретил свою любовь, мой мальчик, – улыбнулся отец Грегори и посмотрел на Эливейн.

Девушка опустила глаза.

– Думаю, – тихо проговорила она, – что отец никогда не согласится на мой брак с Динаэлем. Что нам делать, батюшка?

Священник помолчал, а потом, тепло взглянув на девушку, ответил:

– Возможно, вам придётся смириться с упрямством мистера Перлика...

– Но... – в ужасе прошептала Эливейн.

– Но людям свойственно ошибаться. А в данном случае ваш батюшка упорствует в своём заблуждении. Это уже сродни греху...

– Отец Грегори, – Динаэль взял священника за руки, – ты повенчаешь нас?

– Эх, молодость, молодость, – проговорил тот. – Их жизни висят на волоске, а они спешат венчаться.

– Потому и спешим, – покраснев, ответила Эливейн, – чтобы не расставаться ни в жизни, ни в смерти...

Отец Грегори внимательно взглянул сначала в глаза Динаэлю, потом – Эливейн. Он понял, насколько чисты и серьёзны их намерения, почувствовал неразрывную связь их сердец и душ.

– Я повенчаю вас, дети мои, – сказал он. – Идём.

– 40 –

Жена отца Грегори, матушка Юния, направилась накрывать свадебный стол. Трое детишек проследовали в церковь в качестве гостей. Дверь в храм закрыли, чтобы посторонние не помешали обряду.

– Кольца? – спросил священник, словно заранее зная ответ.

– Да, – кивнул Дин, – как у родителей.

Отец Грегори подал волшебнику два оловянных колечка. Тот зажал их в левой ладони и закрыл глаза. Эливейн благоговейно смотрела на своего избранника. Всё, что происходило с ней с момента их первой встречи, казалось необыкновенным, чудесным, счастливым.

Динаэль открыл глаза, облегчённо вздохнул и разжал пальцы. На его ладони лежали колечки, но теперь на них красовались витиеватые буквы: на том, что побольше – «Эливейн и Динаэль», на меньшем – «Динаэль и Эливейн».

Венчание началось. Эливейн была как во сне. Она ходила, двигалась – но не ощущала своего тела. Она только слышала голос священника, видела рядом с собой Дина и произносила необходимые слова легко и проникновенно.

Повторенное дважды «да» – ею и Дином – как музыка звучало под сводами храма...

Потом был свадебный обед, с пирогами и конфетами.

После отец Грегори отправился на крестины, а молодых проводили в приготовленную для них в мансарде комнату.

– 41 –

Конечно, и Динаэлю, и Эливейн надо было выспаться, ведь им предстоял нелёгкий, полный опасности путь. Дин не мог более летать, не мог применять магию – он был ещё слаб после тяжёлых ранений. Так что молодых людей ждал рискованный и напряжённый пеший переход по лесистым склонам и малолюдным тропинкам, вдоль горных ручьёв и болотистых берегов неведомых озёр.

Оказавшись в чистой уютной комнатке с широкой белоснежной кроватью, Эливейн смутилась. Динаэль нежно обнял её. Девушка доверчиво посмотрела ему в глаза.

– Любовь моя, прошу тебя, подумай и потом скажешь мне, что бы ты хотела, такое, что подвластно только волшебству. Я исполню твоё желание – это как свадебный подарок... Жаль, что только одно желание.

– Я уже знаю, – тихо ответила девушка, и румянец залил её щёки.

Динаэль наклонился к её губам и поцеловал. Тёплая нега разлилась по всему её телу, и Эливейн погрузилась в сладкое блаженство объятий любимого...

– 42 –

Они уснули часа через два. Уснули, не разжимая объятий. Уснули блаженным сном влюблённых, когда весь мир кажется вечным и прекрасным. Уснули, чтобы через несколько часов пуститься в своё совместное путешествие по жизни...

– 43 –

Торубер был в гневе. Его люди пять суток безрезультатно искали труп рыжеволосого бандита. А сегодня утром этот неуклюжий Перлик упустил и свою дочь, и живого Динаэля!

По городу рыскали солдаты хана. Везде были расклеены плакаты, призывающие граждан быть бдительными и не дать преступнику обидеть невинную, похищенную им девушку.

Ищейки заглянули и в церковь отца Грегори, и на двор его домика. Там резвились трое ребятешек. Старшая девочка, видимо, бойкая и разговорчивая, немедленно принялась предлагать свои услуги: позвать матушку или батюшку, предупредить о крещении или отпевании, проводить господ солдат в дом или в храм, показать им двор или сад... Офицер, с досадой слушавший всю эту трескотню вопросов, едва смог остановить болтушку.

– Деточка, – спросил он заискивающе, – а не видела ли ты мисс Перлик?

– Мисс Перлик? – переспросила та. – Нет, – честно ответила девочка.

Её детское воображение ликовало от мысли о том, насколько взрослые бывают глупы – ведь никакой мисс Перлик теперь нет и в помине, а есть госпожа Фейлель. А тогда и спрашивать надо о другой...

– А не было ли сегодня на службе рыжеволосого крестьянина? – не унимался офицер.

– Рыжеволосого? – задумалась девочка. – Был! – радостно сообщила она. – Был рыжий кузнец с пятого дома. Ещё на службе был рыжий дворник из усадьбы в конце улицы. И молочник, он тоже рыжий и крестьянин, так как живёт не в городе, а на своей ферме. От него всегда молоком пахнет вкусно. И он историй много знает разных. Сядет с нами на лавочку после службы и рассказывает про...

– Спасибо, девочка, – ошалело выкрикнул офицер. – Иди, играй.

– А я ещё про рыжего сапожника забыла сказать. Он не с нашего прихода, но иногда заходит сюда в церковь. Он...

– Хватит! – затыкая уши, крикнул офицер.

Девочка удивлённо пожала плечами и отправилась к братьям продолжать свои важные детские забавы.

Так судьба опять уберегла от беды Эливейн и Динаэля, безмятежно спящих в это время в домике отца Грегори.

– 44 –

Дин проснулся и лежал, глядя на Эливейн, такую близкую и такую прекрасную.

Девушка открыла глаза. Он улыбнулся.

– Можно говорить желание? – спросила она.

– Да, – кивнул Дин. – Только обдумай, ибо сказанного не исправишь.

Эливейн заговорила тихо, делая паузу после каждого слова:

– Я... хочу... никогда... не принадлежать... никому... кр... Динаэль понял суть, и тревожно приложил палец к её губам.

– ...против... – шёпотом подсказал он.

– ...против... – повторила она.

– ...своей воли, – снова прошептал Дин.

– ...своей воли, – закончила Эливейн. Динаэль провёл рукой по лицу супруги.

– Ты не будешь принадлежать никому против своей воли, – проговорил он и поцеловал Эливейн.

Молодые люди с любовью смотрели друг на друга, словно не решаясь нарушить тишину суровой действительностью.

– Пора? – спросила наконец Эливейн.

– Пора, – ответил Динаэль.

За окном сгущались сумерки.

– 45 –

Восемь суток Динаэль и Эливейн пробирались окружными путями к далёкому ещё от них небольшому поселению, где волшебник впервые предстал перед слугами Торубера в образе евнуха Али, и возле которого теперь Дина ждал брат.

На дороге у молодых людей уходило в три-четыре раза больше времени, чем если бы они могли двигаться прямыми путями.

Трудно начиналась их семейная жизнь, тревожно. Но это было время любви и счастья. Они забывали усталость, когда смотрели на звёзды. Невзгоды уходили на второй план перед величием и красотой первозданной природы. Молодые супруги засыпали в объятиях друг друга, наслаждаясь ароматами трав и мечтая никогда не расставаться.

На девятый день к полудню они оказались у скалистого обрыва, где в глубоком ущелье ревел и неистовствовал бурный горный поток.

— 46 —

Мощь ледяных струй поражала воображение. Шум воды заглушал голоса. Тут, в этом диком и величественном месте, молодую чету и постигло несчастье.

Динаэль и Эливейн стояли, обнявшись, у края бездны. Вдруг Дин побледнел и обернулся, закрыв собой супругу.

К молодым людям неспешно приближались воины Торубера. Командир ухмылялся: бежать Динаэлю и Эливейн было некуда. Офицер знал и другое: никаких волшебных трюков не будет, на магию у рыжего бандита не осталось сил. И теперь каждый из десяти человек этого отряда уже видел себя осыпанным золотыми монетами в качестве ханской благодарности. Задача была проста: его – убить, её – привести к Торуберу.

Динаэль перехватил палку, на которую опирался в дороге как на посох, так, чтобы иметь возможность защищаться. «Как нелепо! – подумал он. – Остановились на открытом месте... Полюбовались...»

Динаэль понимал, что долго ему не выстоять: лучники убьют его быстро.

Он обернулся к Эливейн, посмотрел на неё прощальным долгим взглядом и прошептал:

– Ты знаешь, где ждёт Донуэль. Ты должна туда добраться. Обещаешь?

– Обещаю, – сквозь слёзы проговорила она.

Динаэль снял с шеи медальон с вензелем из причудливо переплетённых золотых листьев и серебряных цветков и протянул Эливейн. Та приняла цепочку дрогнувшими пальцами и прошептала:

– Я люблю тебя.

Динаэль прикинул в голове расстояние и внезапно метнулся в сторону. Солдаты машинально бросились за ним, открыв на несколько мгновений поросшую колючим кустарником тропинку вниз, к горному потоку.

– Беги! – крикнул Динаэль.

Эливейн скрылась в зелёных зарослях.

— 47 —

Динаэль дрался отчаянно. Полчаса семеро сильных и опытных солдат не могли справиться со слабым, как они предполагали, противником.

Дин был уже весь изранен и покалечен, но упорно стоял на ногах. Его оттесняли к краю обрыва. Он понимал, что ему живым отсюда не уйти и молил только судьбу помочь Эливейн. Но жестокий удар ожидал волшебника: из зарослей терновника, ругаясь и огрызаясь, выбрались трое солдат, погнавшие за девушкой. Бледная, с исцарапанным лицом и в изодранном о колючки платье, Эливейн была буквально брошена ими на землю.

Девушка подняла глаза, и её сердце замерло от ужаса. Динаэль, окровавленный, едва держался на ногах на краю бездны. Он одними губами прошептал: «Прости», – и в последний раз поднял над головой своё деревянное сучковатое оружие.

В воздухе просвистели шесть стрел. Ни одна не пролетела мимо. Солдаты отошли от Дина и вновь подняли луки. Волшебник тяжело дышал, но стоял на ногах.

– Прощай, моя единственная, – проговорил он тихо.

– Я приду к тебе! – отчаянно воскликнула Эливейн.

А десяток стрел уже настигли свою цель.

Динаэль покачнулся, и его израненное тело медленно, как показалось Эливейн, очень медленно полетело в бездну. Девушка, не в силах подняться на ноги, подползла к обрыву и сквозь слёзы смотрела, как свирепый горный поток уносит её супруга, то погружая его в ледяную воду, то безжалостно бросая на острые камни...

– 48 –

Эливейн плохо помнила, как её привезли в ханский дворец. Пока телега с ней и с солдатами тащилась по улицам города, девушка безразлично смотрела на лица людей, провожавших странную повозку недоумёнными взглядами: мисс Перлик узнавали и удивлялись, как и почему эта очаровательная знатная леди, невеста Торубера вдруг оказалась в старой разболтанной упряжке на одной скамье с челядью.

Эливейн передали с рук на руки личной прислуге хана. Её не провели в главный зал. Она осталась ждать в приёмной.

Вышел Торубер. Выслушал доклад офицера о поимке беглянки и о гибели её спутника. Лицо Тёмного Чародея просветлело, он взглянул на Эливейн и понял, что его опаснейший противник действительно мёртв.

– Ну, что ж, – холодно проговорил Торубер, подойдя к девушке и приподняв одним пальцем за подбородок её голову. – Глупая! Не хотела стать любимой женой хана, так будешь бесправной наложницей... А родишь сына, я придумаю, как узаконить его в правах наследования. Ведь я сам закон.

Эливейн ничего не ответила. Она как-то уж очень спокойно смотрела в глаза Торуберу. «Ну-ну», – подумал тот, а вслух приказал:

– Помыть, переодеть её и доставить в бирюзовую опочивальню!

Торубер удалился, а Эливейн повели прихорашиваться.

– 49 –

Девушку мыли поочередно в нескольких ваннах с ароматной водой. Её долго причёсывали, вплетая в волосы душистые цветочные бутоны.

Затем её облачили в лёгкие полупрозрачные восточные ткани. Она поморщилась: ей было неловко в этом наряде. Смущали открытый живот, легко просматривающиеся глазом руки и ноги. Но Эливейн не проронила ни слова.

– Не напрягайся так, деточка, – шепнула старая сердобольная служанка. – Знать, судьба тебе такая подневольная выпала. Прими как есть, и самой легче будет.

Эливейн молчала.

Другая служанка, надевая на пальцы новой наложницы любимые Торубером перстни с тёмными камнями, хотела снять оловянное колечко.

– Не тронь, – тихо и без злобы проговорила Эливейн.

Служанка резко отдернула руку, словно её ошпарили.

Таким же образом на шею Эливейн осталась цепочка Динаэля с медальоном.

– Слушаюсь, госпожа, – пролепетала молодая служанка и, поклонившись, отошла в сторону.

Старуха осмотрела Эливейн со всех сторон и кликнула двух евнухов. Те повели девушку в указанные господином покои.

— 50 —

Бирюзовая опочивальня была насыщена сладковатым дурманящим запахом специально приготовленных здесь цветов. Огромное ложе, покрытое шёлком, усыпано лепестками диких фиалок. Да, Эливейн любила этот цветок.

Девушка остановилась посреди комнаты. Евнухи замерли на пороге. Через несколько минут вошёл Торубер, в просторном богатом цветастом халате.

— А ты, и вправду, очень красива, — проговорил он, проводя своей рукой по щеке и шее Эливейн.

Девушка не шевельнулась. Хан вздохнул.

— А я ведь хотел по-хорошему, — задумчиво сказал он. — Привязывайте, — приказал он евнухам.

Те крепко схватили Эливейн и привязали её к кровати тугими узлами за руки и за ноги, словно распяли. Тут Эливейн стало страшно: она безоговорочно верила в дар своего любимого, но ей всё равно было жутко.

Евнухи удалились.

Торубер неспешно подошёл к постели и без стеснения скинул халат. Он стоял перед лежащей беспомощно Эливейн совершенно обнажённый, не чувствуя ни своей вины, ни угрызений совести. Девушка с каким-то безразличием заметила про себя, что хан неплохо сложен и, наверно, не будь он так тёмным сердцем, его могла бы любить какая-нибудь добрая женщина.

Но хан привык получать то, что хотел. Желания других не имели для него никакого значения.

Торубер опустился на ложе рядом с девушкой, потом провёл своей рукой по телу Эливейн от груди и вниз. По коже девушки пробежали мурашки, и она на мгновение зажмурилась. Щёки её вспыхнули.

— Я никогда не буду принадлежать никому против своей воли, — твёрдо прошептала она.

— Интересно, и кто это мне помешает? — усмехнулся хан, приподнимаясь над Эливейн и оказавшись теперь над ней на четвереньках.

И тут девушка почувствовала, что верёвки ослабли, через мгновение её руки и ноги были свободны, а Торубер вдруг взвыл от отчаяния и боли. Слуги за дверью приняли крик своего господина за стон блаженства и не позволили себе прерывать наслаждения Торубера.

Эливейн не смогла удержаться от смеха: всё тело хана было покрыто дивным и толстым слоем морозных узоров, таких, какие бывают зимой на окнах в северных странах.

Девушка выскользнула из-под застывшего на четвереньках Торубера и молча вышла из опочивальни...

Потом, оправдываясь перед разъярённым господином, слуги лепетали что-то о наваждении. Торубер бесился, но понимал, что это правда. Какой-то магический дар был вручён этой девчонке. И кем! Динаэль мешал Колдуну даже после собственной смерти.

А Эливейн беспрепятственно покинула дворец.

— 51 —

Эливейн уже была близка к цели своего путешествия: она спешила к отцу Грегори. Там найдётся и помощь, и поддержка.

Чтобы сократить путь, Эливейн побежала не по улице, а через заброшенный и заросший высокой травой сад давно пустующего дома. Там-то девушка и встретила с известной всем горожанам воровкой Келли. Та давно заметила богато одетую Эливейн и следовала по пятам за желанной добычей.

Надо сказать, что Келли не была зла или безжалостна. Её частенько ловили с поличным. Она искренне раскаивалась в содеянном, возвращала украденные вещи хозяевам и начинала честную жизнь. Но потом что-то случилось – Келли охватывала болезненная жажда воровства. И всё начиналось сначала.

В самой середине сада, в том месте, где с улицы не видно, что тут происходит, Келли нагнала Эливейн и приставила к горлу девушки длинный нож.

– Не спеши, красавица, – строго сказала она. – Давай свои побрякушки и одежду, тогда я не испорчу твою нежную кожу.

– Мне не жаль ни наряда, ни колец, – грустно ответила Эливейн. – Но тебе они принесут гибель.

Келли только рассмеялась. Эливейн пыталась объяснить, что это не уловка, что девушку в ярких одеждах ждёт смерть, но воровка и слышать ничего не хотела.

Сил на борьбу у Эливейн тоже не осталось. И вскоре Келли, облачённая в нарядный костюм ханского гарема, с драгоценными кольцами на пальцах и, к великой печали мадам Фейлель, с медальоном Динаэля на своей грязной, давно не мытой шее, смеясь, убежала прочь, оставив девушке замызганные лохмотья и самое дорогое сокровище, сокровище, не приглянувшееся ей, но бесценное для Эливейн – оловянное обручальное колечко.

– 52 –

Заплаканная, в лохмотьях, Эливейн постучалась в дверь домика отца Грегори.

Открыла жена священника и только всплеснула руками. Тут же вышел и хозяин дома.

Вопросов о том, что случилось, не последовало. Отец Грегори лишь взглянул в глаза Эливейн и всё понял. Девушка разрыдалась. Здесь, в доме друзей, она смогла дать волю слезам. Горе, невосполнимая утрата, рана, которую не излечит время – вот то, что заставляло сердце Эливейн разрываться на части.

Когда девушка, уткнувшись в грудь хозяйки, наконец, затихла, та тихонько шепнула мужу:

– Приготовь постель. Ей надо выспаться. А потом решим...

– Нет, – всхлипнула Эливейн. – Я не смогу там спать, – и она махнула рукой наверх, где в мансарде располагалась супружеская спальня хозяев дома, так любезно предоставленная несколько дней назад молодожёнам.

– Конечно, девочка, конечно не там, – ласково проговорила матушка Юния. – Мы пойдём в другую комнату.

Она провела девушку в небольшую чистенькую спальню в правом крыле дома, помогла умыться, выбросила лохмотья и дала чистую одежду.

– Спи, девонька, спи, – приговаривала хозяйка, нежно поглаживая Эливейн по волосам. – Спи, горемычная, спи, родная.

Измученная и морально, и физически девушка уснула.

– 53 –

За столом сидели двое: отдохнувшая, но безумно печальная Эливейн медленно вела рассказ о трагической гибели Динаэля, о своём обещании добраться до места встречи с его братом, о волшебном свадебном подарке, благодаря которому ей удалось спастись из

ханского дворца. Слёзы текли по её щекам, но речь не прерывалась. Девушка говорила тихо, словно на исповеди. Отец Грегори слушал, порой подавляя невольный вздох. Его глаза, устремлённые на Эливейн, наполнились невыразимой болью. Ведь Дин был не только надеждой добра, он был единственным крестником пожилого священника.

Поведав о своей встрече с воровкой Келли и о том, как старалась девушка оградить глупую любительницу красивых одежд от нависшей над ней беды, Эливейн замолчала. Отец Грегори взял её за руку:

– Держись, девочка, – проговорил он. – Господь посылает нам испытания, которые порой кажутся невыносимыми. Но мы должны через них пройти. Так Бог помогает нам стать светлее, чище... Утешься, крошка. Вам, тебе и Дину, было дано узнать настоящую любовь, Вам были подарены целых восемь дней безмерного счастья. Такое даётся не всем, – священник чуть улыбнулся. – И я рад, что решился обвенчать вас даже без согласия твоего отца. Это тоже воля Небес.

– Папа... – Эливейн беспокойно взглянула в глаза отца Грегори. – Он теперь в опасности... из-за меня...

– Да, в опасности, – должен был согласиться священник. – Но не из-за тебя. Это его грех. Тяжкий грех. Грех самонадеянности и упрямства... А ты не беспокойся, я обещал Дину, повторю и тебе: я присмотрю за мистером Перликом. Если его упёртость будет грозить ему же гибелью, то придётся спасти его силой, а не уговорами...

– Дин просил вас позаботиться о моём отце? О человеке, который хотел убить его? – воскликнула Эливейн. – Хотя, конечно, это Дин, только Дин... – ответила она сама себе и с болью, как зачарованная, повторила несколько раз, – Дин, Дин, Дин...

– 54 –

Когда вечер спустился на город, Эливейн была готова в дорогу. Хозяйка дома, заперевшись в своей комнате, около часа колдовала над образом девушки. Такой маскарад должен был обезопасить Эливейн в пути, ведь от провожатого та наотрез отказалась: она не хотела подвергать опасности ещё кого-то...

Перед отцом Грегори предстал худенький парнишка, в простой, но добротной льняной одежде. Рубаха навывпуск была широковата и не подпоясана. Волосы стрижены достаточно ровно, но слегка взъерошены. Палец на руке перевязан старой тряпицей, – Эливейн не могла расстаться с обручальным колечком, надетым на её пальчик любимым. Таких босоногих подростков частенько встречаешь и на улицах города, и в деревенских поселениях.

– Ну, – вздохнул священник. – С Богом.

Эливейн обняла отца Грегори, его супругу и, низко поклонившись дому, где обрела любовь и нашла поддержку, искренне проговорила:

– Спасибо вам... Прощайте...

Закусив губу и не оборачиваясь, чтобы не расплакаться, мадам Фейлель покинула гостеприимный порог...

– 55 –

Келли, довольная своей воровской добычей, поспешила скрыться из города, пробираясь малолюдными переулками. Она держала путь в дубовую рощу на берегу реки, протекавшей на плоскогорье ровно и спокойно, а потом, где-то в паре сотен километров от города, срывавшейся вниз величественным водопадом и превращавшейся в узком ущелье в бушующий и дико ревуший поток, тот самый, что поглотил недавно тело несчастного Динаэля.

Но, увлечённая собственными радостными мыслями, Келли не заметила, что за ней следили: ищейки хана, подхлестываемые его гневом, старались изо всех сил.

Воровка сидела на берегу и перебирала драгоценные перстни. Потом она стала любоваться медальоном с вензельком из причудливо переплетённых золотых листьев и серебряных цветков. Ей и в голову не могло прийти, какая бесценная вещь находится у неё в руках! Внутри ювелирного шедевра под крышечкой, на которой изображения растений складывались в букву Ф, хранился крохотный прозрачный голубоватый кристалл. Эта принадлежность рода Фейлелей была у каждого, в ком текла волшебная кровь клана. Кристалл мог один единственный раз за жизнь своего хозяина не дать тому умереть, если иными способами выжить окажется невозможно. Владелец мог принести медальон в дар только по доброй воле. Тогда камень спасёт того, кого пожелал законный наследник. Главное, чтобы медальон с вензельком висел на шее. Даже Эливейн не предполагала, от какого шанса спастись отказался Динаэль ради уверенности в том, что она выживет. А Дин мысленно возрадовался, когда, в последний раз увидев любимую, заметил, что медальон уже висел на её нежной шейке; волшебник знал: Эливейн не расстанется с его подарком, тем более – с прощальным. Какое отчаяние охватило бы его сердце, представь он хоть на мгновение, что нелепая случайность, глупая чужая корысть сможет свести на нет подобную жертвенность!.. Но случайность – понятие человеческого ума. А с точки зрения Высших Сил каждое событие, радует оно нас или печалит, всегда продуманно и строго закономерно...

Келли сложила своё богатство в расшитый золотом мешочек на поясе и затянула шёлковый шнурок. В этот момент кто-то окликнул воровку:

– Эй!

От неожиданности Келли вскочила и замерла на месте. Она не слышала ни шорохов, ни иных звуков, а в пяти метрах от неё стоял отряд из десяти лучников. Солдаты были наизготове и острия их стрел безжалостно смотрели Келли в лицо. Несчастливая хотела что-то сказать, может, как прежде, вернуть украденное и пообещать больше не преступать черту закона. Но речей от неё не ждали. Приказ был у лучников краткий: «Убить».

Десять стрел просвистели в воздухе, и бездыханное тело воровки упало в реку. Течение медленно повлекло несчастную к ревущему вдали водопаду.

Солдаты ровным строем покинули опушку молчаливого дубового леса. Они были довольны собой: им только что сообщили о месте нахождения преступницы, дали подробное описание одежды, цвета волос, как особый характерный признак – светлая кожа тела, но смугловатое загорелое лицо, и стрелки быстро и точно выполнили свою работу.

– 56 –

Случайным свидетелем этой сцены стал церковный сторож. Бородатый хромой старик любил прогулки по лесу. Он частенько ходил и за ягодами, и за грибами, и за орехами. Сегодня, с корзинкой крупной спелой земляники он возвращался в город через прохладную дубовую рощу. Заметив у самого берега женщину, судя по костюму, принадлежавшую гарему хана Торубера, он удивился, но решил не тревожить её: больно уж радостным было лицо любовавшейся украшениями Келли. А известную воровку он в ней не признал: одежда часто меняет женщину слишком сильно.

Старик обошёл опушку незамеченным, когда услышал окрик:

– Эй!

Он обернулся и застыл от ужаса. Помочь несчастной он не успел, а потому благоразумно решил, что надо уносить свои ноги, пока цел.

Вернувшись в город, сторож прежде всего поведал отцу Грегори историю о том, что видел в роще. Священник скорбно покачал головой и, словно не в силах сказать что-либо, молча перекрестил старика.

Так окончилась история жизни Келли. Может, это был шанс для её души искупить свои воровские грехи?..

— 57 —

Эливейн шла по берегу злополучной реки. Двое суток назад она миновала то место, где навсегда попрощалась со своим счастьем. Поглощённая горем, она перестала считать дни, проведённые в пути. Но она ни разу не сбилась с дороги: Дин слишком хорошо умел рассказывать и объяснять, и теперь ей казалось, что она ходила этими тропинками тысячу раз.

Эливейн неотрывно вглядывалась в резвящийся по камням поток. В её голове крепко сидела одна мысль: «Хоть увидеть его ещё разок... Похоронить по-человечески...» И слёзы текли по её щекам.

Как-то ранним туманным утром она вышла к своеобразной переправе: цепочка мокрых от брызг камней, меж которыми бурлила вода, позволяла перебраться с берега на берег, перепрыгивая с валуна на валун и держась за натянутую редкими путешественниками крепкую верёвку. И тут сквозь влажную дымку она увидела возле противоположного берега неловко зацепившееся лохмотьями за скользкий выступ одного из камней тело. Эливейн сразу узнала любимого. Не думая об опасности, не размышляя, как она вообще дотянется до него, девушка бросилась к переправе.

Её ноги соскальзывали с мокрых камней, она обдирала в кровь ладони, но она не видела и не замечала ничего вокруг, кроме совершенно посиневшего, утыканного обломками стрел тела с беспомощно запрокинутой головой... Она уже почти добралась до цели и, крепко держась за верёвку левой рукой, потянулась вниз правой, когда высокая волна вдруг подхватила несчастного, подбросила вверх, с силой швырнула в сторону и уволокла дальше по течению, позволив Эливейн лишь на мгновение прикоснуться к холодному рассечённому наискосок мечом одного из ханских воинов лбу навсегда ушедшего супруга.

Эливейн безумным от отчаяния взором провожала второй раз уносимое от неё безжалостной рекой тело любимого.

— 58 —

Ганабен, бывший волшебник, а теперь почти немощный старик-знахарь, доживал свой затянувшийся, как ему казалось, век в маленькой избушке на берегу широкой полноводной реки, берущей начало высоко в горах, шумящей там водопадом и бурлящей стремительным потоком, а здесь, по равнине, у подножия скал мирно катящей свои воды к далёкому синему морю.

Примерно год назад его навещал давний друг, Даниэль, рассказал о предстоящем Совете Волшебников и, понимая, что Ганабен из-за слабости своей не примет участия в совещании, просто взялся передать его мнение магам. Тогда Ганабен поддержал предложение молодого Динаэля Фейлеля сохранить жизнь Чёрному Колдуну. Теперь, сам не зная почему, старик вдруг пожалел о своём прежнем решении: несколько дней назад у него странно тяжело стало на душе.

Новости о событиях доходили до знахаря редко. Раньше о происшествиях рассказывали те, кто искал у Ганабена помощи в исцелении недугов. Но теперь многие, видимо, предполагали, что старика уже нет в живых. Потому и редки для знахаря стали встречи с людьми.

Старик медленно переставлял ставшие непослушными и вялыми ноги, бредя по тропинке вдоль берега в свою избушку. Вдруг на песчаной отмели его слабые глаза узрели странный предмет. Что-то больно кольнуло старика в сердце. Он поспешил просеменить к этому объекту.

Ночью был сильный ветер, и на реке поднимались волны. Поэтому ничего сверхъестественного в том, что на берег вынесло какой-нибудь крупный предмет, – бревно или оборванную рыбацкую сеть, не было. Но Ганабен словно чувствовал: на мокром песке его взору предстанет нечто иное, возможно, страшное, и он должен увидеть, даже если это разобьёт его сердце.

Старик, наконец, доковылял до неизвестного предмета, и всё его существо сжалось от невыразимой боли. Он не видел этого человека более семи лет. Из нескладного подростка тот превратился, скорее всего, в статного мужчину. Сейчас перед знахарем лежало совершенно посиневшее от ледяной воды и от ударов о подводные камни, с торчащими обломками полутора десятка стрел, облепленное грязью и илом тело. Но, даже теперь, со спутавшимися мокрыми, но явно рыжими волосами, с глубокой раной наискосок через лоб и левую бровь, с закрытыми ввалившимися глазами, в изодранной в клочья одежде, для Ганабена он был прежним: старик не мог не узнать Динаэля Фейлеля – надежду добрых волшебников...

Слёзы застилали взор знахаря. Он упал на колени и уронил свою седую голову на мёртвую грудь отважного молодого человека. Старик не сомневался, что Дин пал в бою с Торубером, пал, потому что слишком мало времени было у него, чтобы сравняться в могуществе с Тёмным Чародеем.

Сколько времени Ганабен в немой скорби простоял на коленях, уткнувшись в холодное тело несчастного Динаэля, старик не помнил. Но вдруг ему почудилось... Знахарь в безумной надежде припал ухом к груди молодого человека... Не почудилось: чудо было рядом, там, внутри тела, которое по всем законам физиологии должно быть мертво – там едва слышно, медленно, но ровно билось живое сердце.

У Ганабена словно выросли крылья, он будто забыл про свою старческую немощь. Вот почему смерть не забирала бывшего волшебника! Вот зачем он ещё жил!

Знахарь, молча, сжав от напряжения губы, медленно и как можно бережнее волок бесчувственного Динаэля к своему домику среди зарослей ивняка...

– 59 –

Ганабен четвёртые сутки не отходил от постели Дина. Обломки стрел были вынуты из несчастного, раны обработаны, синяки и ушибы смазаны разными снадобьями... Динаэль не приходил в себя. Создавалось странное ощущение того, что жизнь в этом теле без волшебной помощи остаться не может, но и уйти тоже невластна...

Старик вышел к реке за водой.

На том же месте, где прежде он нашёл Дина, знахарь увидел тело женщины. Такие же обломки стрел, такая же посиневшая кожа. Но лицо обезображено ударами об острые скалы так, что узнать несчастную не сможет, пожалуй, никто. Оборванные лохмотья когда-то ярких дорогих тканей подсказали Ганабену, что погибшая, видимо, принадлежала гарему какого-нибудь хана.

Старик склонился над изуродованным телом, и сердце его исполнилось печалью: за растрепавшийся шнурок на поясе женщины зацепилась и не потерялась в бурном потоке цепочка с медальоном. Ганабен узнал вензель, вспомнил, что не было на шее Дина этой вещицы. Подобная странность удивила знахаря сразу, ведь он, как друг рода, знал о волшебной силе кристалла и связал воедино имена на обручальном кольце молодого человека и убитую с бесценным подарком. В том, что Дин, конечно, постарался оградить любимую от

Торубера: жестокого Колдуна и любителя женщин, и от гибели – ценой своей жизни, старик не сомневался. «Господи! – прошептал Ганабен. – Дай ему силы выжить и перенести боль утраты!»

– 60 –

Ганабен похоронил несчастную в берёзовой роще в ста метрах выше по течению. Туда от его избухки вела узенькая каменистая тропинка.

Цепочку с медальоном старик аккуратно очистил от песка и грязи, вытер чистой тряпичей и надел на шею Динаэля, рассудив, что, раз уж спасти избранницу молодого волшебника оказалось невозможно, то своему наследному хозяину магический кристалл должен помочь.

К полудню пятого дня Динаэль открыл глаза.

– 61 –

Динаэль напряжённо-непонимающим взглядом обвёл комнату и остановил вопросительный взор на сгорбленной спине старика, сидящего возле стола вполоборота к молодому человеку. Старик обернулся, его морщинистое лицо просветлело улыбкой.

– Господи! – произнёс он, спеша подойти к постели раненого. – Благодарю тебя!.. Дин, мальчик, наконец-то... – старик взял волшебника за руку.

– Сэр Ганабен? – с трудом прошептал тот. – Но как?..

Динаэль был в смятении: он знал, что Ганабен давно лишился магической силы; он помнил, что единственное спасение для него находилось в медальоне с вензельком, но он сам отдал этот шанс Эливейн, и сам видел заветную цепочку на ней, неповторимой и единственной; он понимал тогда, срываясь с обрыва, что боль, пронзившая его тело, – боль смертельных ран... Что же произошло? Как, почему он выжил? И какова цена за его спасение?

– Динаэль, – растроганно проговорил старик, – ты помнишь меня, мы столько не виделись, ты тогда ещё мальчишкой был.

– Конечно, помню, – бледная улыбка озарила лицо молодого человека. – Но я... должен быть... мёртв... Так просто... не выживают...

Знахарь молчал несколько минут, его взгляд стал тёмным.

– Пожалуйста, – еле слышно попросил Дин, – правду...

Ганабен приподнял руку молодого человека и опустил его ладонь на медальон. Динаэль на ощупь узнал предмет.

– Где... она? – голос волшебника был почти не слышен, но старик понял вопрос.

– Через три дня после того, как я вытащил с мели тебя, на том же месте волна оставила... тело... женщины... На ней были одежды гарема хана... И медальон на цепочке, чудом не смытый водой, запутался в шнуровке поясного мешочка, где, видимо, и лежал...

– Нет! – отчаяние застыло в глазах Динаэля. – Нет. Она не могла снять его добровольно...

– Ханские слуги умеют заставлять... – скорбно проговорил Ганабен.

– Но мой подарок – её желание – она могла только велеть не трогать... – молодой человек пытался найти хоть какую-то спасительную ниточку. – А могла и спрятать... чтобы потом надеть... А потом не успела... Рано решила, что опасность миновала... – он говорил сам с собой, а слёзы текли из его светлых глаз... Нет! – вдруг быстро зашептал он. – Нет! – он с надеждой вглядывался в Ганабена. – Волосы? Её волосы? Цвет?

– Светлые... – тихо ответил знахарь.

– А... на щеке... родинка... маленькая?.. Старик вздохнул:

– Дин, не мучь себя подробными расспросами... Её не опознал бы по лицу даже ты... Там... не было... лица... Там... мало... что осталось от... от живого существа.

Динаэль закрыл глаза. Его тело дрожало мелкой дрожью: не от физической боли, её он не боялся, а от той скорби, от того отчаяния, которые когда-то видел в глазах Донуэля, потерявшего Марику; теперь эту муку невосполнимой утраты ощутил он сам, и он обязан был её пережить, хотя бы ради памяти Эливейн...

– Я обмыл тело, одел в чистую одежду и похоронил недалеко отсюда... – печально говорил Ганабен. – Ты поправишься, и мы пойдём к ней...

– 62 –

Динаэль поправлялся медленно, нехотя. Он ещё часто погружался в забытье и словно не желал возвращаться к реальности. Он в бреду улыбался, шептал и звал:

– Не уходи, любовь моя... Я так боялся, что больше не увижу вас... Ты позволишь мне просить твоей руки?... Эливейн... Эливейн... Эливейн... Да... Это как подарок... Смотри, звезда! Загадай желание... Слышишь, поёт соловей?... Эливейн... Я люблю тебя, моя Эливейн... Не уходи...

Потом он начинал метаться в отчаянии, и голос его становился глухим:

– Нет!.. Нет!.. Эливейн... Беги!.. Нет!.. Прости... Прощай, любимая...

Старик брал тогда молодого человека за плечи и изо всех сил пытался удержать в постели. Но волшебник рвался куда-то, раны открывались, и, измученный, он, наконец, затахал, а знахарь заново накладывал повязки.

Так прошла ещё неделя.

– 63 –

Эливейн шла теперь по другому берегу бурной реки. Где-то у подножия гор, по словам Дина, должен был находиться подвесной пешеходный мост.

Тропа вилась и петляла между вековыми деревьями и гигантскими гранитными глыбами, но всегда вновь и вновь выходила, то к скалистому и высокому, то к мелкому каменистому и низкому берегу бурлящего горного потока. Иногда попадались небольшие бедные поселения. Порой в них встречались Эливейн сердобольные люди: худенького мальчика кормили и позволяли выспаться где-нибудь под крышей на сене. Иногда девушке удавалось заработать ночлег и пропитание, нанося в дом воды или убрав в стойле домашней скотины. Бывшая мисс Перлик, никогда прежде не выполнявшая тяжёлой и грязной работы, не роптала на судьбу и не жаловалась самой себе на свою несчастную долю. Она смотрела вокруг и познавала мир, о существовании которого не задумывалась раньше: везде жили люди, со своими проблемами и заботами, печалью и радостями, и всем и каждому недоставало тепла и добра, внимания и уважения. Ей ли, выросшей в достатке, издевавшей настоящую взаимную любовь, вышедшей невредимой из такой истории, когда жизнь другого могла превратиться в ад или прерваться вовсе – ей ли жалеть себя! Она – сильная, молодая, здоровая, теперь уверенная в своём предназначении облегчать людскую боль. Эливейн знала точно, что добьётся своего – станет врачом, как некогда мечтала её мама – она гордо шла вперёд, туда, где должна передать Донуэлю слова своего любимого, самого лучшего, самого доброго, самого справедливого, самого благородного и самого мудрого человека, единственного и неповторимого, – Дина.

Наконец, в лучах восходящего солнца, Эливейн увидела подвесной мост.

— 64 —

Здесь заканчивались скалы. Розовый в свете поднимающегося светила верёвочный мост словно разделял два мира: суровый, с холодными камнями гор, с неистово ревушим по ущельям и бешено скачущим по гранитным глыбам ледяным потоком и неохватный глазом, с сочно-зелёными лугами, с причудливыми извивами широкой голубой спокойной реки, с золотистыми песчаными отмелями и низкими берегами, местами поросшими камышом, местами покрытыми гибкими плакучими ивами или светлыми берёзовыми рощами. А там, вдали, в туманной дымке, начиналось бескрайнее море. Его не видно было отсюда – слишком большое расстояние надо преодолеть человеческому глазу, чтобы увидеть волны, подарившие свой прозрачный сине-зелёный цвет глазам Динаэля.

Эливейн выбежала на середину моста, не боясь того, что он раскачивался, не зажмуриваясь от невероятной высоты, на которой она словно парила, держась за верёвочные перила. Да, именно о такой чудесной картине и говорил ей Дин!

– Любимый мой! – воскликнула она. – Я вижу красоту, которую ты мечтал мне показать. Ты прав! Как всегда! Это великолепно, величественное зрелище!.. Да и иначе быть не может, ибо ты всегда прав!..

Эливейн восхищённо смотрела на мир, гармония которого поражала простотой и мудростью. Здесь не было ничего лишнего или неуместного, каждый кустик, каждая травинка, каждое облачко находились на своём месте. И никто и ничто не мешало и не подавляло друг друга.

Девушка опустилась на колени и подняла руки к небу.

– Но это неправильно! – голос её вдруг зазвенел. – Дин – единственный известный мне человек, кому доступна эта гармония, кто способен спасти добро, дав шанс и злему существу избавиться от грехов. Он не должен был умереть... – слёзы опять стояли в её глазах. – Или я что-то так и не поняла?.. – тихо спросила она, глядя в светлую голубизну затуманенным взором. – Дин, если бы я могла склониться над тобой и попросить, – прошептала она, – я бы попросила одно: живи, пожалуйста...

Эливейн ещё долго сидела посередине качающегося на ветру моста.

Потом она встала и быстро, не оглядываясь, побежала прочь.

Дальше её путь уходил в сторону от реки, через равнины и смешанные леса к далёкой цепи гор, окружающих Зелёную Долину. А днях в трёх пешего перехода от родины Динаэля в сторону нынешнего местонахождения девушки был безлюдный тихий лесок, в котором и ждал, волнуясь и проклиная себя за то, что согласился остаться так далеко от волшебника, его старший брат. Но сколько времени займёт дорога от моста к заветному лесочку, Эливейн не знала.

— 65 —

Динаэль лежал без движения, с бледным, словно безразличным лицом. Он, то ли спал, то ли был в забытьи. Ганабен, вздохнув, принёс ведро с водой, готовясь умыть и перевязывать раненого. Раны постепенно затягивались, но состояние молодого человека не улучшалось.

Утреннее солнце осветило комнатку своими игривыми лучами, проникнувшими и в низкое маленькое окошко ветхой избушки.

Вдруг Динаэль широко распахнул глаза. Его взор был ясен и чист.

Ганабен замер в ожидании.

Динаэль увидел прямо над собой загорелое личико Эливейн, обрамлённое светлыми прядями, выгоревшими на солнце, почему-то стриженными волосами. Её серые глаза, подёрнутые слезами, смотрели с надеждой в душу молодого человека. «Дин, если бы я могла склониться над тобой и попросить, – прошептала она, – я бы попросила одно: живи, пожалуйста...»

Видение исчезло.

Динаэль тяжело дышал.

– Прости, – тихо сказал он. Снова наступила пауза. Ганабен ждал.

– Простите меня, сэр, – проговорил Динаэль, обращаясь к знахарю.

– Я вёл себя непозволительно, эгоистично, жестоко...

Старик сделал протестующий жест, но молодой человек продолжал:

– У меня есть долг перед людьми, перед знакомыми и незнакомыми, перед теми, кто поверил в меня и теми, кто помогал мне, не щадя себя... И долг перед Эливейн, единственной моей любовью и супругой, чистойшей из всех существ...

И Динаэль, закусив от боли губу, собрался с силами и... сел на постели. Он побледнел, на мгновение прикрыл глаза и глубоко вздохнул.

– Я пойду искупаюсь, – сказал он, морщась и разматывая бинты.

Ганабен положил свои ладони на плечи волшебника.

– Я знаю, – тихо проговорил он, – ты сильный. Но будь осторожен, не спеши: на всё нужно время.

– Спасибо, – Динаэль улыбнулся. – Я использую данное мне время максимально. И я буду расчётлив в этом. Обещаю.

Молодой человек встал и медленно вышел на улицу. Он шёл по тропинке к реке, солнце золотило его волосы, и Ганабен с болью заметил, что светло-рыжие волнистые пряди подёрнула седина. Такого за всю свою долгую жизнь знахарь ни разу не видел...

– 66-Динаэль поправлялся. Конечно, выздоровление после практически смертельных ран не могло идти быстро. Но на скорое восстановление сил Дин, как человек разумный, и не рассчитывал.

Первый выход из домика дался молодому человеку вовсе не так легко, как могло показаться со стороны. Динаэль, правда, весьма решительно встал с постели и направился к реке, что порадовало Ганабена, но уже шагов через десять волшебник невольно покачнулся и вынужден был остановиться. Старик вовремя поддержал его. Пот струился по свежему шраму на лбу, дыхание прерывалось, ноги слабели. Ганабен предложил вернуться, но молодой человек, передохнув, последовал дальше. Тогда знахарь окончательно уверился в том, что Динаэль добьётся поставленной перед собой цели, в возможность достижения которой с самого начала мало кто верил.

Физически молодой человек окреп и был готов к активной деятельности через месяц после своей первой прогулки. На то, чтобы восстановиться как волшебнику и, тем паче, развить магический талант хотя бы до уровня Торубера, понадобятся годы. Дин надеялся успеть минимум за десять лет, максимум – за одиннадцать, чтобы ни одному волшебнику не рисковать собой: молодой человек осознавал, что пока ещё не родился тот маг, кто сможет сравниться в своём могуществе с Тёмным Чародеем, а ему самому теперь придётся развивать почти заново то, чем так щедро изначально наградила его природа.

Эливейн брела тропинками и малоезженными дорожками среди зеленеющих полей под ясным высоким голубым небом с редкими белыми облачками. Порой ей попадались ручейки с чистой ключевой водой, заросли малины с алеющими на солнце сладкими ягодами. Ноче-

вала она под открытым небом, завернувшись в плащ, в каком-нибудь укромном, в стороне от глаз редких прохожих, местечке. Но вскоре начались трудности: девушка стала ощущать вдруг наваливавшуюся на неё усталость. Тогда ноги подкашивались сами собой, голова кружилась. Потом стало трудно вставать по утрам: Эливь мутило, перед глазами стояли какие-то круги. Вскоре она была вынуждена продвигаться вперёд медленно, часто отдыхая. Теперь она шла, опираясь на палку, как старик. Есть ей не хотелось, она старалась побольше пить.

Эливейн, совершенно измученная, не представляющая, сколько времени потрачено ею на путешествие, увидела в лёгких вечерних сумерках тот пейзаж, не узнать который не могла. Её усталому взору открылась картина, запечатлённая в её воображении рассказом Динаэля.

Неширокая песчаная тропинка спускалась вниз с холма, на котором стояла девушка. В низине слева синел овальной формы пруд, заросший по берегам камышом. Справа, прямо по склону, раскинулась земляничная поляна. Дорожка, огибая её, уходила в заросли мелкого кустарника, за которыми виднелись высокие белоствольные берёзы.

Туда, к шумящим на ветерке деревьям, едва держась на ногах и боясь упасть, не дойдя до цели нескольких метров, и направилась Эливейн. Вскоре среди стволов мелькнул огонёк костерка.

— 68 —

Донуэль давно предчувствовал неладное. До условленного момента закрытия Перехода оставалось чуть больше трёх суток. От Дина вестей не было. Последнее послание доставил случайный человек – от отца Грегори. «Они в пути», – в записке было всего три слова.

«Кто – они? – думал Дон. Почему молчит сам Дин?.. Значит, он слишком слаб... Тогда кто поможет в пути?.. Да и давно отец Грегори послал сообщение, письмо уже пришло, а Дина нет...»

Донуэль кипятил на огне воду, собираясь попить чай, когда услышал шорох шагов и в сгущающихся сумерках увидел приближающегося к полянке человека. Путник был худ, невысок, шёл медленно, тяжело опираясь на палку. Дон поднялся. В неверных бликах костра перед ним мелькнуло бледное, совсем юное, до предела утомлённое личико.

– Вы Донуэль... – не то вопросительно, не то утвердительно прошептали сухие, потрескавшиеся губы пришедшего.

И только тот собирался ответить, как мальчик покачнулся и медленно осел на руки успешшего подхватить его лёгонькое тельце Дона.

— 69 —

Эливейн открыла глаза. Первое, что она увидела, это рыжие волосы Дона, подкрашенные ещё и пламенем костра.

– Дин... – в полубреду прошептала девушка.

Донуэль обернулся. Эливь поняла свою ошибку, и личико ею мученически дрогнуло.

– Тише, девочка, тише, – ласково проговорил Дон. – Лежи.

Эливейн слабо улыбнулась. Оказалось, что она лежит на соломенной подстилке, укрытая мягким пледом, под головой – куртка Дона. Тот поднёс к её губам кружку со сладким чаем и нежно приподнял её голову, помогая сделать несколько глотков. Напиток был необычным, очень ароматным, с привкусом каких-то неведомых трав. Эливь взяла кружку в свои руки и заметила, что повязки, скрывавшей обручальное колечко, на пальце нет. Она испуганно взглянула на Донуэля.

– Простите, Эливейн, – сказал тот. – Вы напугали меня своим... обмороком... Я наклонился послушать сердце... и понял, что вы не мальчик... Попытался привести вас в чувство... в частности, растирая ладони... тогда и снял тряпицу... – он помолчал, словно подбирая слова, сглотнул вдруг вставший в горле комок и продолжал. – Я понял главное... – и тут она увидела в его глазах слёзы. – Потом вы расскажете? – сдавленно спросил он. – Когда сможете... А пока отдохните, пожалуйста... Я и подумать не мог, что такая хрупкая девушка может быть настолько сильной... Спи спокойно. Теперь всё будет хорошо.

И Донуэль заботливо поправил плед.

– Спасибо, – ответила Эливейн. – Но... хорошо, как прежде, не будет... – она на мгновение закусила губу. – Дин просил сказать, – проговорила она, – что сила никогда не вернётся к Чёрному Жезлу.

Донуэль в изумлении смотрел в глаза девушке. Наконец он прошептал:

– Динаэль... Господи! Он всё-таки смог! – глаза Дона были полны истинной гордостью. – Ведь никто по-настоящему не верил... В двадцать четыре года – такая сила...

А Эливейн вдруг, сама того не ожидая, как когда-то рассказала Дину свою жизнь, так сейчас поведала Донуэлю историю о встрече со своей любовью, с момента появления лже-Али в покоях хана до сегодняшнего вечера, подробно описывая и совместное путешествие, и гибель Дина, и свой одинокий путь. Она говорила тихо. Её глаза то светились счастьем, то темнели от душевной боли. Дон ни разу не перебил её и не пропустил ни одного слова из повести Эливейн.

– Жизнь моего брата, – проговорил он, когда девушка замолчала, – оказалась короткой, но безумно счастливой. Он успел то, что не удаётся многим и за сто лет... А тебе, отважная крошка, не надо больше волноваться. Клянусь, что даже если погибну сам, тебя и вашего с Дином малыша доставлю невредимыми в безопасную Зелёную Долину. Отдыхай, надежда и отрада рода Фейлель.

Так подтвердилась счастливейшая догадка Эливейн, в которой она уже несколько дней боялась признаться себе, опасаясь ошибиться, обмануться...

– 70 –

Донуэль сидел у костра. Мысли его снова и снова повторяли услышанное от спящей сейчас Эливейн.

Дон болезненно переживал весть о гибели брата. Как ни странно, он знал, уже пару недель как знал, что Дин не вернётся. Какое чувство подсказало Донуэлю догадку о беде?... Но, увидев вместо брата незнакомого человека, Дон всё понял...

Теперь он мысленно прокручивал в голове события, связанные с трагедией, и снова и снова преклонялся перед мудростью и мужеством Дина. Ведь тот сумел настоять на своём: Дон согласился не идти за лже-Али, а ждать здесь. Зачем? Чем он мог помочь брату, находясь так далеко от него? Казалось, ничем... Но только казалось... Ничем – это если бы был там, рядом: сам бы погиб и никого бы не спас. А здесь – вот она, настоящее чудо, тревожно спит. И кто, кроме него, Дона, сможет помочь ей попасть в Долину? Никто. Это его миссия. И, похоже, предвидел это только Динаэль.

«Дорогой мой братик, – грустно думал Донуэль, глядя в высокое звёздное небо. – Мой смелый, мой отважный мальчик. Ты всю свою недолгую жизнь был мудрее всех нас. И отважнее. И в сотню раз сильнее. И тебе дано было успеть изведать неповторимое настоящее семейное счастье. Ты только не успел узнать, что на земле остаётся после тебя и прекрасное продолжение искренней любви...»

Донуэль несколько раз просчитал, какими дорогами и в какое время суток лучше всего пробираться ему с Эливейн к Переходу. Он не сказал девушке, чтобы не беспокоить её, что

отряды Торубера уже ведут осаду ещё не закрытых Врат. Там, у входа в Тоннель, мужественно держат оборону жители Долины... Не сказал он Эливь и об истинной ценности украденного у неё медальона Динаэля. Не сказал, представив в какой ужас придёт та, осознав, что любимый мог бы выжить, не отдай он ей волшебный кристалл... Пока Эливейн вела свой рассказ, у Дона мелькнула безумная надежда на то, что утраченный ею камень вернётся к хозяину и... Но потом девушка сама пыталась вытащить из воды тело Дина. Значит, воля судьбы была иной...

— 71 —

Утром Эливейн лучше не стало. Донуэль знал, что так и будет, ещё с вечера. Но ждать, к сожалению, возможности не было.

Донуэль сложил немногочисленные вещи в мешок и закинул себе за плечи. Наклонился к виновато глядящей на него Эливейн.

– Дон, – проговорила она. – У вас, наверняка, есть хорошие знакомые где-нибудь поблизости. Давайте, я побуду у них...

Донуэль улыбнулся, ласково и чарующе, почти как Дин.

– И не думайте, – полушутя, полусерьёзно проговорил он. – Вы хотите, чтобы я бросил у чужих людей жену моего брата и... племянника?.. Я буду идти, а вы будете дремать, или смотреть по сторонам. Как захотите.

И Дон легко поднял девушку на руки. Она бессильно склонила голову на его плечо.

– Вот и славно, – подбодрил Донуэль.

– Может... – начала Эливейн.

– Увы! – опередил её вопрос Дон. – Ни лошадь, ни телегу здесь добыть негде. Да в телеге и трясёт...

Эливейн вздохнула и послушно обвила шею Донуэля своей бледной рукой.

Так они медленно и продвигались вперёд: крепкий рыжеволосый крестьянин средних лет с худеньким босоногим парнишкой на руках.

— 72 —

Ранним, ещё тёмным утром спустя трое суток после начала их совместного путешествия, Донуэль и Эливейн прибыли к Переходу. Дон, обойдя только ему ведомыми тропинками позиции осаждавших Врата воинов Торубера, незамеченным пробрался к укреплениям, выстроенным защитниками из Долины.

– Стой, кто идёт! – окликнул часовой.

– Свои, – отозвался Донуэль.

Часовой с радостью узнал Дона. Но тут же тревога появилась в глазах солдата.

– Сэр, а где?.. – он не договорил.

Дон мотнул головой. По его жесту, по выражению лица ответ был ясен.

– Кто сегодня командует обороной? – глухо спросил Донуэль.

– Ролив Койль, – выдавил часовой.

Дон со своей бесценной ношей на руках проследовал к командному пункту.

— 73 —

Ролив вышел навстречу Донуэлю. Радостная улыбка сошла с его лица: Дина не было, на руках Дон держал усталого бледненького подростка.

– Может, подождём? – с надеждой спросил Ролив.

– Дин... не... придёт, – хрипло ответил Донуэль.

Мальчик закусил губу, глаза его затуманились слезами. Донуэль осторожно опустил подростка на землю.

– Надо быть сильной, девочка. Он хотел, чтобы ты дошла, – Дон погладил Эливейн по волосам. – Ради него, ради малыша тебе нельзя волноваться.

Донуэль поднялся на ноги. К нему и Роливу подошли Стражники, обученные Дина-элем.

– В чём состоит проблема? – спросил Дон, догадавшись по взглядам молодых людей, что тех что-то тревожит.

– Нам не дадут закрыть Переход, – ответил один из Стражников. – На это нужно время. И Торубер это знает. Поэтому его воины получили приказ в случае нашего отхода к тоннелю не давать нам ни минуты покоя.

– Это всё? – Дон усмехнулся. – Рив, пусть караул уходит. Стражники, будьте готовы закрыть Переход... И ещё: Ролив, ты отвечаешь за неё, – и Донуэль, указав на бессильно лежащего на траве подростка, посмотрел в глаза молодому человеку. – Я знаю, ты был близким другом Дина. Эливейн – его жена. И носит под сердцем его дитя... Ты понял?

– Да, – отозвался Рив. – Да. Но, Дон...

– Мне не страшно, Ролив, – усмехнулся Донуэль. – Я так давно жду встречи с Мари-кой...

И Дон опустился на колени возле Эливейн. Та тревожно смотрела в его глаза. Донуэль снял с шеи медальон с витиеватым вензельком, точно такой же, как был у Дина, и надел на Эливь.

– Это для... него, – и Дон положил свою руку на её живот. – Он спасает владельца только один раз и передаётся в нашем роду по наследству. Меня он уже спасал, а наследник – один... Прощай, сестрёнка.

– Нет! – по щекам девушки текли слёзы. – Нет... Значит, – вдруг ужас мелькнул в её глазах, – тогда Дин мог спастись?

Донуэль печально покачал головой.

– Если не спасся, – сказал он, – значит, не мог.

– Но, Дон, – Эливейн держала его руку в своих дрожащих ладонях.

– Может, есть иной способ?

– Нет, – улыбнулся он. – И потом, ты же понимаешь, что значит жить, если ... больше нет...

Эливейн понимала. И историю Донуэля и Марики знала. Она обняла руками его голову и поцеловала: за себя, за Дина, за Марику.

– Прощай, – прошептала она. – Скажи Дину, что он единственный для меня, навсегда...

Эливейн закрыла глаза. Из-под опущенных век текли слёзы.

– Уходите! – скомандовал Донуэль и один остался в обороне.

Ролив поднял на руки Эливейн, поразившись лёгкости своей ноши и, прикрывая её с одной стороны собой, с другой – щитом, ремни которого надеты на его запястье и локоть, устремился к Переходу. Со спины своими щитами их прикрывали другие защитники Долины. Стрелы противника свистели, но Донуэль создавал своей ответной стрельбой впечатление того, что происходит всего лишь очередная смена караула...

Переход удалось закрыть. Когда воины Торубера распознали обман, было уже поздно. И только Стражники с болью видели последние мгновения жизни отважного Донуэля, чьё

изувеченное стрелами и копьями тело осталось лежать на поле боя. Лишь Эливейн дано было ощутить невыразимую радость души Дона, обретшей наконец долгожданную свободу и устремившейся ввысь, туда, где столько лет его ждала Марика.

— 75 —

Эливейн открыла глаза. Тоннель закончился. Она впервые увидела Горный Замок, пока только его угловую башню и высокие древние ворота. Её рассеянное слабостью зрение заметило и краешек огромного зеленеющего пространства Долины, с блеснувшей в лучах восходящего солнца рекой. Здесь словно витал дух Динаэля, она ощутила его всем измученным своим существом. И ей стало немного легче.

Из ворот Замка быстро вышел высокий седой человек. Его ровный голос прозвучал как музыка, сильная, величественная, не оставляющая места суетному, наполняющая мужеством и способностью жить.

– Раненых несите в левое крыло, – говорил этот человек. – Доктор уже там. Где мистер Койль?

Ролив, не меняя положения рук, на которых всё так же крепко и нежно держал Эливейн, шагнул навстречу старцу.

– Я здесь, сэр, – проговорил он. – Из моих людей вернулись все. Раненых – трое... – Ролив запнулся.

Человек как-то вдруг словно померк, на мгновение ссутулился.

– Донуэль остался, чтобы сумели закрыть Переход, – ровным голосом произнёс старец.

– Да, – тихо ответил Рив.

– А Динаэль... не вернулся... – ещё тише проговорил он.

– Да, мистер Даниэль, – словно эхо повторил Ролив.

Эливейн поняла, что именно этому старцу, дяде Динаэля, она должна рассказать всё произошедшее, не здесь, не сейчас, но обязательно чётко и подробно.

– Дин просил передать, – прерывающимся голосом сказала она, – что Чёрный Жезл никогда не обретёт более магической силы.

Даниэль перевёл задумчивый взгляд с Ролива на лицо Эливейн. Он словно только что заметил её. Девушка смахнула вновь выступившие на глазах слёзы. Старец остановил её руку – он смотрел на колечко. Вдруг лицо его потеплело, взор наполнился светом.

– И это чудо досталось Дину, – старец улыбнулся и погладил Эливейн по волосам. – Сколько же выпало на твою долю, девочка...

Даниэль махнул кому-то, и со двора замка выбежала темноволосая черноокая красавица. Эливейн почувствовала, как вздрогнул Рив.

– Вивьен, помоги, пожалуйста, мадам Фейлель обустроиться в комнате Дина. И пусть она хорошенько отдохнёт, – обратился к подошедшей девушке старец.

– Сэр, – негромко произнёс Ролив, – и, наверное, нужно, чтобы Эливейн посмотрел врач.

Даниэль вопросительно и тревожно взглянул на девушку.

– Не волнуйтесь, – смутившись, ответила та. – Это пройдёт... Всё в порядке... Я...

– Ты беременна? – в голосе Даниэля отразилась нечаянная, невозможная, почти сверхъестественная радостная надежда.

– Да, – прошептала Эливь. – Я поняла это дней десять назад... Только мне как-то нехорошо...

Старец наклонился к самому лицу девушки.

– Потерпи, милая, немного. Так бывает... сначала... Потом станет легче.

– Конечно, потерплю, – кивнула Эливейн. – Только бы ему было хорошо, – и она прижала свои руки к животу.

– Всё будет замечательно, – на мадам Фейлель смотрели тёмные глубокие глаза Вивьен.

Эти глаза успокаивали, утешали, они были добры и нежны. Но Эливейн их точно когда-то видела. Но когда? Где?.. Вдруг... она поняла: она узнала эти, действительно красивые глаза. Только видела их Эливейн прежде холодными и злыми...

– Дин снова оказался прав, – прошептала совсем устало девушка. – Добро непобедимо... Оно в любой душе... – и, словно во сне, заплетающимся языком, почти неслышно, добавила, – старшая из них очень красива; она скоро выходит замуж, по любви...

Дальше не разобрала даже сама Вивь. Эливейн погрузилась в дрему. Её осторожно понесли в Замок.

– 76 –

Эливейн становилось лучше с каждым днём. Доктор Стратор, опытный медик, врачевавший всех в Долине, составил для неё особый распорядок дня и меню. По его мнению, опасаться за здоровье будущего малыша не приходилось, а тяжёлое начало беременности не такая уж редкость.

Прислуга в Замке проявляла к мадам Фейлель чуткость и внимание. Комната проветривалась и убиралась несколько раз в день. Постоянно прибегала молоденькая служанка узнать, не надобно ль чего госпоже. Повар лично заходил уточнить, что пожелает откусать Эливейн.

Девушка смущалась такой заботой, благодарила всех и каждого и улыбалась в ответ.

Вскоре весть о том, что вдова любимого всеми Динаэля очень доброжелательная, скромная и отважная особа, распространилась далеко за пределами Замка.

Вивьен приходила к Эливейн ежедневно. Девушки незаметно для себя подружились. Вивь рассказывала Эливейн о жизни в Долине, о людях, о Дине. Эливейн хотелось увидеть мир своими глазами. Она потихоньку вставала с кровати и сидела у окна. Выходить из комнаты пока ей было трудно.

Когда Эливейн оставалась одна, она разглядывала обстановку комнаты, ведь всё здесь говорило ей о Динаэле. Теперь Эливейн знала, какие книги он любил, какие цвета предпочитал, как много занимался. Она ощущала его дух рядом с собой, и ей становилось легче... Часто она плакала, просто потому, что его не было рядом и никогда больше не будет...

Заходил Даниэль, всегда улыбающийся ей, всегда готовый выслушать и исполнить любую её прихоть. И ей опять делалось неловко, ибо она считала, что ещё ничем не заслужила такого тёплого к себе отношения. Она, как истинно хороший человек, и не догадывалась, насколько велик был её подвиг, который она сама называла путешествием к дому любимого.

– 77 –

На седьмой день своего пребывания в Замке Эливейн в сопровождении Вивьен смогла выйти на небольшую прогулку.

Девушки поднялись на смотровую площадку угловой башни, и мадам Фейлель впервые увидела Долину с высоты. То, чем с детства любовался Дин, теперь стало доступно и ясно взору Эливейн.

Подруги некоторое время стояли молча и просто смотрели вдаль. Они были так увлечены созерцанием, что не заметили, как к ним вышел Ролив.

– Вон там, – Эливейн указала рукой на возвышенность над рекой на другом берегу за мостом возле изгиба русла, – мне кажется самое чудесное местечко. И вид оттуда, наверное, замечательный.

– Гм, – удивлённо хмыкнул Рив. Девушки оглянулись.

– Разве можно так неожиданно! – возмутилась Вивь. – Мы же тебя не видели, ты мог напугать... нас.

– Простите, я не хотел, – сконфуженно ответил молодой человек.

– Но, – спросила Эливейн, – Вас что-то удивило?

– Да, – согласился Ролив. – Видите ли, тот уголок Долины, который вам так понравился – это любимое место Дина.

– Правда? – Эливь улыбнулась. – Значит, там он хотел построить лечебницу и дом?

– Да, – кивнул Рив.

Эливейн отвернулась от своих спутников и подошла к краю площадки. Молодые люди видели её со спины, молчаливо погружённую в свои мысли.

– Эливь... – тихонько позвала Вивьен.

– Да, да, – не оборачиваясь, негромко ответила та. – Сейчас...

Вивь подошла к подруге и нежно обняла её. Эливейн уткнула заплаканное личико в плечо Вивьен и всхлипнула.

– Простите, – проговорила она.

Некоторое время молодые люди молчали. Наконец Эливейн смогла взять себя в руки.

– Ролив, – повернулась она к Койлу, – Вы... друг Динаэля, – она не смогла произнести «был». – Могу я тоже обращаться к... тебе... на «ты»?

– Конечно, Эливь, – обрадованно подтвердил Рив, которого тяготило то, что Эливейн говорила ему «Вы».

– Тогда я спрошу у вас обоих, – мадам Фейлель прищурилась. – Почему вы молчите о свадьбе?

Молодые люди виновато переглянулись.

– Мы хотели... – начала объяснять Вивьен. – Но Динаэль... не вернулся. Это произошло так недавно... И ты ещё нехорошо себя чувствуешь...

– А Дин ничего не говорил? – Эливейн внимательно смотрела на своих друзей.

– Через десять недель после дня его ухода из Долины... – в один голос ответили молодые люди. – А откуда ты знаешь?

– Потом сами поймёте, – улыбнулась Эливь. – Ребята, пожалуйста! Вы любите друг друга!.. Ради... памяти Дина... Ведь он сам назвал вам день...

– Хорошо, – согласился Ролив. – Ты права... И он знал...

– Спасибо вам! – Эливейн благодарно смотрела на друзей.

– Не нам спасибо, – ответил Рив и поклонился, – а тебе и Дину.

– Ну... – смутилась Эливь и радостно обняла друзей.

Молодые люди ещё постояли на башне, оглядывая окрестности и беседуя о предстоящей свадьбе, а потом потихоньку стали спускаться вниз: мадам Фейлель необходимо было отдохнуть.

– 78 –

На следующий день к Эливейн постучался сэр Даниэль.

– Конечно! – откликнулась она. – Заходите. Доброе утро.

– Доброе утро, девочка, – ласково проговорил Даниэль. – Рад, что тебе лучше... Но я не один.

Вслед за хозяином Замка вошла женщина, очень красивая. Её смуглой золотистой упругой коже могла бы позавидовать любая кокетка. Каштановые густые кудри были убраны назад. Ясные синие глаза смотрели грустно. На вид вошедшей нельзя было дать больше тридцати-тридцати двух лет. Эливейн почему-то сразу поняла, что женщина старше и что это мать Вивьен, хотя дочь на неё не походила вовсе.

– Здравствуйте, – улыбнулась девушка гостье. – Я искренне рада познакомиться с вами.

– Моё имя Эмма, – ответила женщина. – Эмма Тору. Эливейн кивнула и предложила пришедшим присесть.

– Мне давно надо было рассказать вам подробно, – проговорила она. – Простите. И спасибо, что вы столько терпеливо ждали...

– Нет, нет, – протестующе остановил Эливь Даниэль. – Мы пришли не за этим.

– Вивьен и Ролив собрались пожениться. Через шесть дней. Мы хотели отложить свадьбу... Мало прошло времени... И вы... – пояснила госпожа Эмма.

– Нет, – покачала головой Эливейн и взяла руки мадам Тору в свои ладони. – Не надо откладывать. Не надо мучить их ожиданием... И... Динаэль сам предсказал им дату...

Даниэль облегчённо вздохнул.

– Тогда понятно, – сказал он, вставая и собираясь уходить.

– Подождите, пожалуйста, – попросила Эливейн. – И вы, госпожа Эмма, тоже.

Даниэль опустил обратно в кресло.

– Я готова, – проговорила Эливь, – и должна рассказать всё о себе и Динаэле. И вам, сэр, и вам, мадам. Ибо то, что сделал и хотел сделать Дин, касается не просто Чёрного Колдуна со злым сердцем, а ещё и человека Торубера, в котором, по убеждению Динаэля, есть добро, способное спасти его душу. И, возможно, к этой мысли Дин пришёл именно благодаря вам, госпожа Эмма, благодаря вашей, пронесённой сквозь годы и беды любви к вставшему на дурной путь человеку, любви, о которой я и не подозревала, пока не увидела глаза вашей дочери...

Мадам Тору даже с некоторым удивлением посмотрела на столь юную, но такую наблюдательную и мудрую особу.

И Эливейн рассказала, подробно, без лишних эмоций, всё, начиная со своего переезда с отцом из северных краёв и сватовства Торубера и заканчивая появлением в Долине на руках у Ролива.

Она говорила тихо и, казалось, спокойно. Но и Даниэль, и Эмма Тору понимали, чего стоит ей заново пережить трагические события последних недель. Однако они видели, что Эливейн решилась поведать вслух свою историю, где за такой короткий срок произошли и великие радости, и великие беды. Девушку слушали, не прерывая вопросами и соболезнованиями. И Эливейн была благодарна Даниэлю и Эмме за чуткость. Наконец она довела повествование до конца и устало закрыла глаза.

– Спасибо, девочка, – прошептал хозяин Замка. – Спасибо за всё. И за любовь к Дину, спасибо.

Мадам Тору помогла Эливейн лечь в постель и заботливо укрыла её одеялом.

– Отдохни, милая, – нежно сказала она. – Ты очень похожа на Дина величиём сердца...

Уже в коридоре Даниэль взглянул в лицо госпоже Тору.

– Не смейте ни в чём винить себя, сэр, – тихо проговорила Эмма. – Совет принял верное решение: нельзя рисковать сотнями невинных жизней ради попытки спасти одну душу, да ещё столь запятнавшую себя злом. Лем сам встал на тёмный путь, и любое наказание им заслуженно... – с грустью произнесла она имя, которое мало кто помнил. – А Динаэль, – Эмма светло улыбнулась, – видимо слишком великодушен для нашего жестокого мира, – и невыразимая боль затуманила её глубокие синие глаза.

– 79 –

Эливейн готовила подарок молодым. Она нашла в столе у Дина краски, кисти и холсты. Сколько ещё чудных открытий ждало её! Сколько ещё о любимом ей предстояло узнать! Сколько удивительных ниточек могли бы переплестись в жизни Эливи и Дина!

Слуга помог Эливейн вынести мольберт на смотровую площадку башни. И мадам Фейлель самозабвенно погрузилась в создание на холсте пейзажа: долина, в лучах восходящего солнца; трава в блестящих огоньках росы; искрящаяся вода в извилах реки; крыши домиков, ещё укрытые тенями садов... Мир на картине Эливи пробуждался к новому счастливому дню.

– 80 –

Свадьба состоялась. С огромным количеством гостей, с торжественным венчанием, с пышным праздничным столом, с песнями и танцами до глубокой ночи.

Эливейн смогла присутствовать в церкви. Она даже почти не присаживалась на лавочку в левом уголке у дверей. Она любовалась женихом и невестой и искренне радовалась за них.

После венчания Эливи вручила молодым подарок: свой и Дина. Удивление в глазах Рива и Вивь было понятно: на красивой обёртке одного из двух свёртков рукой Динаэля были выведены их имена и сегодняшнее число.

– Но... – проговорила Вивьен.

– Я не знаю, что там, – ответила Эливейн. – Я нашла свёрток в столе Дина. Теперь вы понимаете, что менять день свадьбы было бессмысленно.

Ролив открыл пакет. Над дорогой развернулся с лёгким шорохом и, сверкнув на солнце, лёг на камни мостовой удивительно тонкий, но совершенно непрозрачный, перламутрово-синий шлейф полога: кровать, укрытая им, всегда будет рождать ощущение того, что ты лежишь под ясным звёздным небом, а где-то вдали, может, в родимой Долине, встаёт над миром ласковое утреннее солнце. На том месте, где полог должен крепиться над ложем, где почти сходились складки его тканей, где и должна быть видна картина утра, аккуратно и прочно была вделана золочёная рамка.

Вивь извлекла из остатков упаковочной мишуры записку.

«Дорогие мои, – говорилось в письме, – простите меня, но раз вы читаете это послание, то подарок доделать я не успел... В рамке наверху полога должна быть картина – пейзаж, утро в Зелёной Долине... Мои краски, Рив, ты знаешь, светятся в темноте, и рисунок будет виден... Но мне почему-то кажется, что работа к вашей свадьбе будет завершена. Как? Не знаю, не спрашивайте... Живите долго и счастливо. Не поминайте лихом... Совет вам да любовь».

Вивьен и Ролив переглянулись. Вивь улыбалась, но в её глазах блеснули слезинки. Молодые посмотрели на Эливейн. Та стояла растерянная и потрясённая не меньше их. Рив что-то пробормотал и раскрыл второй свёрток, приготовленный Эливи. Жених и невеста, давно окружившие их гости, смотрели во все глаза на пейзаж, выполненный Эливейн.

– И, – задумчиво улыбаясь, прошептала мадам Фейлель, – я должна называть себя вдовой? Динаэль же всё время рядом!.. Нет, я не вдова – я жена Дина. Мой муж просто... отлучился... на время, по делам...

Динаэль, закончив менять подгнившие доски пола и ремонтировать немногочисленную мебель в избушке Ганабена, принялся за наведение порядка вокруг домика. Руки его ловко делали свою работу, а мысли в сотый раз искали ответ на вопрос: «Что же произошло? Почему талисман не спас Эливейн? Могла ли какая-нибудь другая девушка из гарема оказаться у реки да ещё с его медальоном?» Догадки, версии, предположения... И всегда один логический ответ: «Нет».

Динаэль шаг за шагом рисовал себе путь, который пришлось пройти его любимой. Вот её привезли в ханский дворец. Вот служанки наряжают девушку для хана: непривычные одежды, дорогие кольца. Дин знал Эливь сердцем и потому понимал, что та отказалась снять с шеи его медальон и обручальное колечко с пальца. Здесь и начинал действовать свадебный подарок волшебника: и талисман, и колечко остались при Эливь. А если она всё же сняла цепочку и положила её в мешочек у пояса? Возможно... Динаэль печально вздыхал... Потом Эливь побывала в опочивальне у Торубера... Бедняжка, как она, должно быть, испугалась... Но магический оберег своё дело сделал: хан, конечно, законченел. Тогда Эливь беспрепятственно покинула дворец... И действовать волшебство должно до того момента, пока сама Эливейн не решит, что находится в безопасности... Вот она и решила... А держала медальон ещё в мешочке, не успела надеть... И тут её настигли...

Динаэль болезненно поморщился... А если всё же не она?.. А кто – в таких одеждах? Только из гарема Торубера. У реки? От дворца далеко – женщины хана так не выходят... А если Эливь бежала к отцу Грегори и была уже почти у цели, а потому волшебная защита ослабла... и её просто ограбили? Какая-нибудь мелкая воровка?.. Опять – нет. Воровка надела богатый наряд ханской жены?..

Динаэль был так близок к разгадке, но он и помыслить не мог о том, что человеческая жадность доходит порой до абсурда: воровка Келли позарила на дорогую одежду, в которой ей не затеряться ни в одной толпе...

Динаэль привык доверять своему сердцу. Оно, правда, пока не ошиблось ни разу. А сейчас сердце стучало: «Она жива... Она не могла умереть...»

Знал Дин и то, что волшебный кристалл никогда не ошибается. Молодой человек понимал, что уже трижды мог умереть: Эливь излечила раны, она же спасла от яда, наконец, родовой талисман вернул к жизни... Но почему ценой смерти любимой? Почему мудрая древняя вода принесла камень ему, а не помогла Эливейн? Неужели его миссия по спасению заблудшей человеческой души важнее жизни прекраснейшей из всех существ мира? Или более некому встать на защиту тех, кто может пострадать от рук Торубера?

Сердце Дина никак не хотело мириться со смертью любимой. Поэтому, даже написав её имя на могильном кресте, он намерен был навестить отца Грегори... Но сначала ему предстояло удостовериться, что Переход удалось закрыть и что жители Зелёной Долины и Горного Замка находятся в безопасности... А после надо было начинать самостоятельно, без чьей-либо помощи, дабы не подвергать никого лишней опасности, готовить будущую битву, в которой он, Динаэль Фейлель, обязан одержать верх. Хотя для этого понадобятся годы, Дин не собирался отступать. Он рассчитывал на десять с половиной лет, дабы к открытию Перехода и люди, и юные волшебники были в безопасности. Знал он и ещё одно, о чём не говорил ни с кем, кроме Дона и дяди: скорее всего у него не хватит сил остаться в живых. Да и волшебный кристалл уже не поможет. Но теперь Дин об этом вовсе не жалел: так его душа быстрее встретится с душой Любимой...

— 82 —

Динаэль собрался в дорогу. Он обещал Ганабену вернуться через пару месяцев и поселиться у старика надолго. Знахарь не задавал вопросов – он о многом догадывался.

Дин отправился к Зелёной Долине.

— 83 —

По дорогам, тянущимся среди полей и лугов шёл молодой и сильный крестьянин с сучковатой палкой в руках. Одет он был в добротные льняные штаны, свободную хлопчатобумажную тёмную рубаху навыпуск, подпоясанную бечёвкой. На голове был повязан выгоревший, когда-то зелёный платок, скрывавший даже брови путника. Поверх платка нахлобучена широкополая потрёпанная соломенная шляпа. Волос почти не видно: если короткая прядь и выбивалась наружу, то определить её цвет не представлялось возможным, ибо, подсвеченная солнцем, она могла показаться рыжей, но в тени оказывалась седой. За плечами крестьянина болтался лянляый мешок. Босые ноги шагали быстро и твёрдо, как у человека, привыкшего быть в пути.

— 84 —

Обойдя никому не ведомыми тропинками некоторые участки созданной им же самим невидимой преграды, Динаэль спустился в ближайшее к Вратам Перехода поселение. Здесь из непринуждённых разговоров с местными жителями он узнал о жестокой осаде Тоннеля отрядами Торубера, о мужестве оборонявших свою Долину жителей и о том, как погиб один из воинов, прикрывавший отход остальных, и как потом бесновались солдаты хана, оставшиеся перед запертыми Вратами. Вскоре отряды Колдуна ушли. А павшего защитника похоронили местные крестьяне, ибо негоже такому герою доставаться воронам.

Динаэля не узнавали. Прежде, до того, как жители Долины, чем-то навлекшие на себя гнев Чёрного Мага, вынуждены были отгородиться от мира и прервать связь с ближайшими соседями, общение между людьми здесь было тесным и добрым: праздники, торговля, походы в гости. Знали и хозяев Горного Замка: старого седовласого Даниэля, его племянников – Донуэля и Динаэля. Младший из братьев был любимцем местных девушек: редко появлявшийся на вечеринках, но такой обаятельный, остроумный, рыжеволосый красавец с удивительными, совершенно необычного цвета глазами. Сейчас в пришедшем откуда-то издалека молчаливом и, казалось, печально-нелюдимом крестьянине никто почему-то и не заметил черт того самого молодого человека, по ком вздыхали незамужние чаровницы.

У Динаэля щемило сердце.

– А где могила этого воина? – словно из обычного человеческого любопытства спросил он.

Деревенские мальчишки взялись проводить путника. По дороге Дин узнал, как выглядел тот, чьё мужество спасло остальных.

– Он был такой, рыжеволосый... – говорил один из мальчиков.

Далее следовало подробное описание одежды, той самой, в которой Донуэль покидал Долину в последний раз, когда уходил сопровождать Дина.

– А вы знаете кого-то из тех? – спросил второй провожатый, махнув рукой на горный хребет.

– Да, – кивнул волшебник. – Бывал в Долине пару раз.

– А! – протянул мальчик. – Так мы вам лучше имя его назовём.
– Вы знаете его имя? – удивился слушатель.
– Угу, – радостно сообщил парнишка. – Священник нашей церкви частенько бывал в Долине. Да и многие жители знают людей оттуда, тем более хозяев Горного Замка.
– И? – спросил Дин, а в душе у него всё сжалось.
– Сейчас... – медленно говорил мальчик. – И на могиле написали... Не старый господин. И не красавчик, что сводит с ума наших и без того глупых девиц, – явно повторяя слова кого-то из ворчливых взрослых, продолжал парнишка. – Вот! – воскликнул он, довольный тем, что вспомнил сам, не дойдя ещё до могильного креста. – Донуэль Фейлель...
Динаэль отпустил парнишек и остался один на могиле брата...

– 85 –

Динаэль стоял перед храмом, где служил отец Грегори. Вечерело, и на церковном дворе никого не было видно.

Появился сторож. Словоохотливый старик, тоже не признав в Дине знакомого, как и никто прежде, поведал молодому крестьянину печальную историю.

Отца Грегори перевели в какой-то другой город. Куда – неизвестно. Слухи говорят, что кто-то написал на священника донос: мол, укрывал батюшка государственных преступников и помог им скрыться. Это, люди толкуют, дело рук хана Торубера. Он хотел жениться на красавице Эливейн Перлик. Да та сбежала со своим любимым. Вроде, их и вправду венчал отец Грегори. Но потом несчастных всё равно убили: его – на глазах девушки, а её – после, когда ей удалось каким-то образом снова сбежать, из ханского дворца. Её смерть он, сторож, сам видел.

– Бедняжка даже вскрикнуть не успела, – сокрушённо покачал головой старик. – Так и упала с обрыва в реку... Я сразу к отцу Грегори побежал, да он, видать, сам опечалился, ни слова мне не ответил...

Сторож помолчал. Динаэль смотрел пустым взглядом куда-то вдаль, его словно окаменевшее лицо было непроницаемо.

– А накануне своего отъезда отец Грегори куда-то отлучился, часа на два, – зашептал старик. – Вернулся не один. С ним пришёл человек с вещмешком за плечами. Они вошли в дом. Видимо, отец Грегори объяснял тому человеку дорогу. Но в какие края – не ведаю. Прощаясь с этим господином, отец Грегори спросил: «Вы всё запомнили, мистер Перлик?» «Да, батюшка, – ответил тот, подавленно так. – Я не заблужусь... И простите меня, если сможете...» Так они и расстались. А наутро отец Грегори уехал. И даже новый священник не знает, где теперь искать нашего прежнего батюшку...

– 86 –

Динаэль возвращался в избушку Ганабена. Удручённый гибелью брата, огорчённый неизвестностью о судьбе отца Грегори, подавленный неоспоримыми фактами, утверждающими, что его любимая мертва, хотя он чувствует её рядом, Дин готовил себя к жизни. Жизни, в которой была благая цель. Видимо, именно из-за этой цели ему и дано было жить.

По пути Динаэль собирал информацию. Он точно знал теперь, где и с кем ведёт военные действия армия Торубера, какие поселения и почему неуютны хану, как и когда Чёрный Колдун осуществляет проверки и контролирует своих подданных.

Дома, а домик Ганабена стал для Дина домом, молодого человека ждали тоже неприятные новости.

Во-первых, старик был совсем плох. И сам знахарь, и Динаэль понимали, что никакие лекарства не помогут, потому что от старости не изобретено даже волшебных снадобий.

Во-вторых, рядом с могилой Эливейн появился новый холмик. Примерно через месяц после ухода Динаэля в избушку Ганабена постучали. Местные крестьяне принесли к знахарю захворавшего в дороге путника. Тот был при смерти. Спасти несчастного не удалось. Но имя своё он назвал. А потом в бреду всё просил прощенья то у «доченьки милой», то у какого-то «рыженького». На новом могильном кресте значилось: «г-н Перлик». Так отец упокоился рядом со своей дочерью.

Динаэлю предстояло пережить в ближайшем будущем и смерть Ганабена.

— 87 —

Время шло. В Долине утра стали туманными, а вечера прохладными.

Эливейн теперь двигалась удивительно легко, несмотря на свой округлившийся животик. Доктор Стратор пригласил наблюдать за будущей мамой опытную повитуху Заиру. Та, осмотрев Эливейн и прослушав своей трубочкой сердечко малыша, улыбнувшись, спросила:

– Солнышко моё, а ты хотела бы иметь не одного ребёнка? Эливейн непонимающе взглянула на Заиру.

– Она же вдова, – укоризненно шепнула медичке Вивьен, зашедшая за подругой.

– А ты, красавица, не вмешивайся, – мягко ответила та. – С тобой мы попозже побеседуем, – и Заира многозначительно погладила ещё почти не заметный живот мадам Койль.

Эливейн вдруг вся осветилась счастьем.

– Их будет двое? – робко спросила она. – У меня будут двойняшки?

Заира кивнула.

— 88 —

Даниэль готовил комнату, соседнюю с комнатой Эливейн, под детскую.

Все вещи были вынесены. Книги, записи Донуэля переселились в кабинет Даниэля. Старик радовался как ребёнок: наконец в Замок возвращается жизнь!

Когда детская была готова и соединена дополнительной дверью с комнатой Эливь, Даниэль отправился за своей ненаглядной невесткой, которая последнюю неделю провела в доме мадам Тору. Так договорились старшие, чтобы будущей мамочке не помешали шум и пыль работ.

В комнате Динаэля тоже хотели произвести глобальную перестановку, но Эливейн не позволила менять что-то кардинально: мелкие поправки, связанные с пребыванием здесь её как нового человека, были уже внесены, а более переделывать что-либо она считала неуместным – в привычной для себя обстановке обитал дух её любимого.

— 89 —

В назначенный природой срок Эливейн ощутила, что вот оно, началось.

За окном была ночь, ясная и звёздная. Эливь приподнялась на кровати: нет, она не ошиблась. Да и Заира говорила, что со дня на день...

Эливь позвонила в колокольчик: повитуха уже неделю жила в Замке, в комнате напротив.

К появлению малышей с трепетом готовилась и нянюшка Галия. Это была добрая и тихая женщина лет сорока с небольшим. Личная жизнь у неё не сложилась: жених погиб

накануне свадьбы. Потом она оказалась в семье Фейлелей, где было двое мальчиков: старший – Дон, и только что появившийся на свет Дин. Так, привязавшись всем сердцем к малышам, Галия и осталась нянюшкой в доме, приютившем и обогревшим её. Когда мальчики выросли, то сами не отпустили свою «вторую маму», да и куда бы она пошла? Теперь, оплакав Донюшку и Динюшку, Галия готовилась к свету – свету новой жизни. Она заранее обожала вот-вот готовых появиться малышей, часто сидела рядом с Эливь и разговаривала с ней и с ещё не родившимися двойняшками.

Около семи утра, когда солнце освещало уже косыми лучами комнату, первый малыш оповестил мир о своём рождении. Это был крепенький мальчик пока с реденькими беленькими волосиками и светлыми глазками. Минут через десять-пятнадцать второй карапуз, как две капли воды похожий на братика, огласил комнату звонким криком.

Молодую мамочку привели в порядок, положили малышей рядышком с ней на кровати и разрешили на пару минут войти деду. Даниэль, с двух часов ночи мерявший нервными шагами огромный холл в первом этаже Замка, словно молодой парнишка взлетел по лестнице и на цыпочках подошёл к постели.

Эливейн улыбалась, и её глаза светились таким счастьем, которого старый хозяин Замка ещё ни разу не видел на её лице. Новорожденные, наевшись и пригревшись возле матери, блаженно спали. Даниэль растрогано погладил малышкой и, опустившись на колени, поцеловал руки Эливь. Та покраснела.

– Ну, что вы, дядюшка, – прошептала она. – Это наше общее чудо.

Даниэль снял с шеи цепочку с волшебным медальоном и протянул невестке.

– У тебя есть один – от Дона. Второму малышу – этот. Эливейн благодарно улыбнулась, но не взяла талисман.

– Не обижайся, дядюшка, – тихо проговорила она. – Но... я не ведаю как, но точно знаю, что ко второму братику вернётся потерянный мной медальон Дина.

Старик не обиделся. Он понял Эливейн: есть вещи, которые человек просто знает...

– 90 –

Динаэль видел во сне Эливейн. Ему показалось, что он узнал комнату, в которой находилась его Любимая.

Лицо Эливь было усталым, но безмерно счастливым. Такими сияющими глазами она смотрела на Дина дважды: когда они выходили из церкви после венчания и когда она сказала, что уже знает, какое желание загадать...

Динаэль опять проснулся с мыслью, что он, глупец, чего-то не понимает в воле Провидения...

– 91 –

Близнецов назвали Элельдиэль и Эркелиэль.

К шести месяцам у обоих мальчиков были рыженькие волнистые волосики и такие же, как у отца, глаза цвета моря в ясный солнечный день. Сердце Эливейн ликовало.

– 92 –

Динаэль занимался делами: о том, что старый знахарь оставил преемника, слухи распространились как-то сами собой. Люди стали приходить за помощью. Дин лечил, никому не отказывая, и не брал платы. «Мне не надо содержать семью, – чуть улыбаясь, говорил

он. – А у меня самого достаточно сил, чтобы прокормиться». Иногда он соглашался принять деньги, если видел, что дающий достаточно богат, ведь кое-что покупать ему всё же приходилось. Порой принимал в дар простое – молоко, хлеб, одежду, сделанную добрыми руками, – принимал, чтобы не обидеть.

Лечил Динаэль хорошо. И к нему стали приезжать издалека. Но он никому не отказывал, успевая ещё вести и собственное хозяйство: домик был добротнo поправлен, двор расчищен, поставлены скамеечки и навесы. В сарайчике всегда висели сухие лекарственные травы, Дин постоянно пополнял их запасы. Трава вдоль дорожек обкошена, на огороде – чистота, мостки на реке новые, прочные.

Дважды в год знахарь отлучался. Люди говорили, что он уходит собирать растения для снадобий. Дин их собирал, но попутно. Один раз в год волшебник ходил узнавать, что и где творит Торубер. Оставаясь незамеченным Чёрным Колдуном, Дин внимательно следил за ним. Вторая отлучка знахаря носила трагический, сугубо личный характер: Динаэль шёл туда, где в последний раз видел Эливейн.

Придя на берег бурной реки через год после печальных событий и стоя под обрывом у кромки неистовствующего потока, Дин долго не решался подняться наверх: сердце ныло и щемило, а вокруг была гробовая пустота. Потом, над пропастью, он сидел на траве, скрестив ноги, долго и скорбно глядя в уже темнеющее небо. И опять на душе была пустота.

Спустя ещё год, Динаэль снова пришёл на то же место под обрывом и... почувствовал совсем рядом единственное и любимое существо. Дин боялся шелохнуться, дабы не спугнуть это чудное ощущение. Вдруг, словно отчаянно рванувшись ввысь, он бросился по узкой крутой тропинке наверх... Над обрывом было пусто, и сердце волшебника болезненно жалось: исчезло тёплое присутствие Эливейн...

– 93 –

Малышам уже исполнился год.

Однажды Даниэль заметил, что грусть в глазах невестки становится всё сильнее. Он понимал её горе: приближался день, в который два года назад не стало Динаэля.

Как-то вечером Эливейн, уложив с нянюшкой мальчиков, отправилась к себе раньше обычного. Что-то беспокоило Даниэля всю ночь, и ранним утром он постучался в комнату Эливь. Та не ответила. Тогда Дан решил и тихонько приоткрыл дверь. Эливейн спала. Но у старика болезненно жалось сердце.

Эливь не позволила сменить прежнюю кровать Дина на новую: в комнате так и осталась широкая старинная с резными спинками постель, на которой заменили только матрас. Возле ложа на ночном столике теперь всегда стоял в золочёной рамке портрет Дина, умело и с любовью выполненный Эливейн. Подушек на постели было две. Эливь спала, прижавшись щекой к уголку одной из подушек и обняв её руками. Так спят супруги: её голова на его плече, она нежно обнимает любимого, а тот заботливо придерживает жену за плечи...

И старый хозяин Замка вдруг осознал, что именно так Эливейн спит всегда, что её сердце, её душа так и не похоронили Дина. Он для неё жив. И так будет до самой её смерти. И ей безумно хочется... Нет, не хочется, а ей жизненно необходимо побывать там, где она в последний раз видела живым своего любимого...

Даниэль бесшумно вышел из комнаты невестки, обдумывая, как ему помочь Эливейн и сделать путь к прощальному месту безопасным.

– 94 –

Эливейн проснулась в пять часов, заглянула в детскую: сынишки мирно спали. Мадам Фейлель оделась и вышла из Замка.

Утро было прохладным и росистым. От реки поднимался туман. Солнечные лучи словно подсвечивали мир снизу, пробиваясь сквозь белесоватую дымку и густые заросли плакучей ивы, склонившей свои задумчивые ветви к плавно текущей воде.

Эливейн шла к мосту и любовалась перламутровыми жемчужинками, осыпавшими луговые травы и готовыми исчезнуть, испариться, как только дневное светило окончательно вступит в свои права, заняв место высоко в ясном голубом небе.

Эливь поднялась по тропинке к уже слегка прогретой лужайке на другом берегу реки, туда, где Дин мечтал построить дом и лечебницу. Здесь теперь стояла прочная деревянная скамейка – Ролив сделал её, когда увидел, что жена его друга приходит сюда.

Эливейн сидела, задумчиво глядя на реку, на деревеньки, на Замок вдали. И ей становилось чуть легче, словно Динаэль был рядом.

– Доброе утро, красавица, – тихо и ласково произнёс кто-то, опускаясь на скамью возле Эливь.

Та невольно вздрогнула: она и не заметила, как к ней поднялась от реки мадам Тору.

– Прости, – проговорила женщина, – что напугала тебя. Я не хотела.

– Что вы! – улыбнулась Эливейн. – Просто я замечталась. Эмма Тору вздохнула.

– Я тоже прихожу сюда, – тихо сказала она, – окунуться в прошлое... – она помолчала. – Дин научил меня помнить хорошее. Тогда дурное оказывается в действительности лишь ошибкой, глупой, может, жестокой или даже дикой, но ошибкой, которую можно и нужно исправлять.

Эливейн изумлённо посмотрела на ту, кто, как ей казалось, помог Дину понять и осознать доброту, человеколюбие... А Эмма считала Динаэля вдохновителем своих положительных чувств. Мадам Тору грустно улыбнулась в ответ.

– Я знаю твою историю, девочка, – сказала она. – Твою и Дина. Позволь, я поведаю тебе о своей жизни. Тогда, быть может, ты найдёшь ответы на некоторые вопросы о... о характере Дина, о его убеждениях, о... просто узнаешь ещё больше о том, кому принадлежит всё твоё существо... Ведь мы не выбираем любовь – она сама находит нас.

И мадам Тору рассказала Эливейн историю. О себе и Лемеле.

Эливь слушала, затаив дыхание. Слушала, как когда-то юный Динаэль. Слушала и наполнялась мудростью, ибо уже не осуждала и не ненавидела даже Чёрного хана.

– 95 –

Эмма родилась и выросла на берегу моря. Её родители были небогаты, поэтому рассчитывать на то, что дочь выйдет замуж за знатного и влиятельного человека, не приходилось. За девушкой постоянно ходили парни, но ни один не привлекал по-настоящему внимание красавицы. Эмма любила одиночество, и у неё был свой, неизвестный никому, тайный уголок – высоко, над крутым обрывом, на скале, словно специально для желающей скрыться от посторонних глаз девушки, расположился полукруглый, покрытый мягким суховатым мхом выступ, метра три в диаметре. Внизу всегда плескались волны. В непогоду их брызги долетали до края каменистой площадки. Крыши городка, в котором жила Эмма, виднелись чуть правее, напоминая пятнистое лоскутное одеяло, небрежно брошенное на жёлтый песок. Здесь, наедине со своими мыслями и мечтами, наблюдая за восходом или закатом, люби-

ясь солнечными бликами на волнах или восхищаясь необъятностью морского пространства, Эмма могла находиться часами.

Однажды, когда она поднялась по извилистой тропинке к заветному местечку, девушка вдруг увидела стоящего на выступе человека. Он был явно не местным: Эмма знала жителей родного приморского городка, если не по именам, то хотя бы в лицо. Девушка смутилась, ибо незнакомец ей сразу понравился, и хотела убежать. Но тот заметил её и остановил. Его взгляд был нежен, речь ласкова и умна... Вскоре оказалось, что они оба любят море, читают одни и те же книги, одинаково смотрят на некоторые вещи в жизни.

Молодые люди стали встречаться. Его звали Лемель. Кто он и откуда – Эмма узнала не сразу. Но, главное, что не подвергалось сомнению, так как случаются в жизни непреднамеренные, незапланированные и не поддающиеся разумному объяснению моменты, – это то, что Лем искренне и беззаветно полюбил. Может, в первый и последний раз в своей жизни. И он признался Эмме в своих чувствах. Девушка тоже полюбила, не зная ничего о своём избраннике.

Лем не обманывал и не придумывал небылиц. Узнав об ответном чувстве к нему Эммы, он рассказал ей, что является сыном хана, что живёт в собственном дворце, что у него уже есть две жены и девять наложниц, что он никогда не любил так, как сейчас, и, если Эмма согласна, то он предлагает ей стать его женой, любимой женой, и, коли она пожелает, то у него не будет более ни жён, ни наложниц, а к тем, которые появились до неё, он не прикаснётся теперь вовсе. Девушка была в смятении: она любила, но не представляла себя в роли супруги хана... Наконец сердце взяло верх: она верила Лему, а намерения того были чисты...

Потом начались трудности. Отец Лема, узнав о том, что его сын намерен отвернуться от гарема, показателя власти и могущества хана, женившись на бедной безродной девушке, наотрез отказался принять подобное решение. Родители Эммы тоже были в замешательстве: не судьбы одной из жён, пусть в обещаниях и любимой, хотели они для своей дочери.

А любящие в отчаянии, не зная, как сломить волю родителей, решились пожениться без их согласия. Как? Принадлежность к разным религиям совершенно сбивала Лема и Эмму с толку. И они совершили свой собственный обряд, свадебный обряд одного древнего высокогорного племени Торгов. Так родилась новая семья – Лем и Эмма Тору.

Лемель привёл молодую супругу во дворец. Он сдержал своё обещание: Эмма была единственной и полноправной хозяйкой. Вскоре молодая жена забеременела. Тогда вдруг отец Лема сменил гнев на милость и принял невестку. В конце концов и родители девушки смирились с подобным браком. Супруги были счастливы и ждали появления на свет малыша или малышки. Теперь Эмма знала и то, что её муж волшебник.

Родилась девочка. Её назвали Вивьен. И тут случилось странное... Потом Эмма узнала, кто её оклеветал, но Лем ей не поверил... Обвинённая в измене, она была с позором выдворена из дворца и брошена в диком высокогорном ущелье...

Отец Лема, звездочёт, злой по природе своей и властолюбивый человек, желал видеть сына властителем мира. Зная о его сильных волшебных способностях, он мечтал, что со временем тот станет самым могущественным Чёрным Колдуном. А, рассчитав по небесным светилам, он вдруг выяснил, что Эмма способна родить его сыну заведомо тёмного и могучего наследника... Но на свет появилась девочка. Тогда звездочёт сделал всё, чтобы разлучить сына с любимой, а горе разбитого сердца помогло старику укрепить Лема в желании поработать и подчинять своей воле... Так на свет появился Чёрный Колдун Торубер. И обратиться к свету только её любовью нельзя – тьма всепоглощающая. Можно попробовать так, как хотел Дин, лишив Лема тёмной магии. Но, видимо, теперь ничего не поделаешь – надо платить за грехи, и за грех недоверия тоже...

— 96 —

Эливейн молчала, с болью глядя на мадам Тору. Та улыбнулась.

– Видишь, девочка, – сказала она, – ты действительно можешь гордиться своим любимым... Таких мало, очень мало... Много хороших людей, но таких... И тебе никогда не будет совестно за него... Это прекрасно.

Эливейн обняла свою собеседницу.

– Мы обязательно что-нибудь придумаем, – прошептала она. – Придумаем...

Мадам Тору нежно посмотрела на Эливейн и сказала совсем о другом:

– Ты хочешь побывать там... где видела Дина... живым... в последний раз?

– Да, – кивнула Эливейн, пытаясь понять, как же всё-таки удалось Эмме Тору догадаться о её желании.

– Это не так сложно, как тебе кажется, девочка, – проговорила та. – Просто мне самой иногда необходимо оказаться там, где... душа Лема была добра, а значит, тот, кого я любила, был жив. И там я словно обретаю силу надежды, что он вернётся к добру. Там – это над морем... – мадам Тору помолчала. – Дин, – вновь заговорила она, – создавая преграду, конечно, подумал и о тех, кому будет необходимо выйти из Долины. Ведь у людей есть родственники в других местах... Да мало ли что может случиться: нужда, зов о помощи... Говорю, потому что знаю. И сэра Даниэля беспокоит твоё молчание: тебе тяжело – он это видит...

Эмма посмотрела в глаза Эливейн и вдруг спросила:

– Ты боялась, что твоя просьба нарушит спокойствие жителей Долины?

– А вы считаете, что это безопасно?

– Как говорит твой дядюшка, – улыбнулась мадам Тору, – не надо злоупотреблять.

А так... Преграда устроена таким образом, что войти обратно сможет только вышедший отсюда. Часто – не стоит, ибо может тогда ослабнуть сила защиты. Но по необходимости... А у тебя, дорогая моя, необходимость. И любой это поймёт...

От реки вверх по тропинке неспешно поднимался сэр Даниэль.

– Доброе утро, мои дорогие, – сказал он. – Знал, где вас искать.

– Мне правда можно выехать за пределы Долины? – потрясённая появившейся у неё надеждой спросила Эливейн.

– Думаю, что Совет даст разрешение, дитя моё, – кивнул Даниэль.

Эливейн почему-то не допускала прежде мысли о том, что люди, живущие возле Горного Замка, всё же иногда покидают защищённую территорию. Как же она могла подумать, что Дин просто изолирует несчастных от остального мира? Да и сведения о происходящих вне Долины событиях поступали в Замок; значит, кто-то их приносил...

— 97 —

Эливейн словно новыми глазами смотрела на жизнь в Замке.

Разместившиеся в левом крыле хозяева и прислуга, по сути, занимали лишь малую часть жилых помещений. Центральный корпус был отдан под школу и Совет. Справа располагалось огромное и оборудованное всем необходимым, наверное, самое благоустроенное крыло Замка – здесь жили семьи, принявшие приглашение магов и приехавшие в Долину на одиннадцать лет защищённой от зла Чёрного Колдуна жизни: это те, чьи дети обладали даром чародейства, и учителя юных волшебников.

И такое огромное количество людей с разных концов света, естественно, не могло не иметь сообщения с внешним миром.

– 98 –

Совет дал разрешение Эливейн Фейлель выехать за пределы Долины с целью побывать на месте гибели супруга и, если удастся, узнать что-нибудь о судьбе отца. Сэр Даниэль настоял на том, чтобы Эливейн сопровождали двое телохранителей. Эливейн отказывалась, уверяя, что сама прекрасно справится, но Совет согласился с Даниэлем: для Тёмного Колдуна мадам Фейлель, – учитывая возможность неожиданной встречи, осталась врагом. Сбежать из-под венца и быть безнаказанной, не в правилах Торубера. Тогда Эливейн настояла на безоговорочном подчинении телохранителей ей – если она велит им срочно вернуться в Долину даже без неё, то они обязаны будут исполнить требование. Как ни молода была Эливейн, каким бы опытом ни обладали члены Совета, но им пришлось согласиться. Эливейн осталась довольна: по крайней мере, в случае действительной опасности, она сможет не позволить пострадать сопровождающим её. На этом определении она тоже настояла: не телохранители, а сопровождающие.

Сопровождающие нашлись сразу. Вызвались оба Стража Врат. Молодые волшебники были свободны: у них ещё не было семей, а надёжно закрытый Переход в их охране не нуждался; их задачей было только закрыть Врата, и это уже произошло.

– 99 –

На следующее утро, поцеловав малышей и поручив их на несколько дней заботам нянюшки и деда, мадам Фейлель в сопровождении Хаима и Оянга отправилась в путь.

Верхами они пересекли незримую защитную черту в сосновом лесу на невысоком участке Южной гряды, потом извилистыми тропами спустились с горы и мимо небольших поселений направились в нужную сторону.

Проезжая ближайшую к Переходу деревеньку, Эливейн вдруг остановилась у крайнего дома и повернула коня к кладбищу за церковью. Что заставило её так поступить, Эливейн не осознавала. Но, спрыгнув на землю возле могильных холмиков и бросив повод Хаиму, мадам Фейлель сразу увидела то, что должна была найти – на одном из крестов стояло имя: «Донузель Фейлель».

– 100 –

Далее скакали без лишних остановок, почти не разговаривая, до самого поворота к горам. Эливейн была печальна и задумчива, и ни Хаим, ни Оянг не смели тревожить свою госпожу, как они, не сговариваясь, решили величать прекрасную мадам Фейлель.

На третий день пути в том месте дороги, где за широкой полосой берёз и ивняка находилась река, полноводная и спокойная, забывшая здесь, на равнине, о своём бурном истоке высоко в горах, Эливейн почему-то остановилась и огляделась вокруг. Солнце стояло ещё высоко, и можно было спокойно ехать дальше. Но что-то щемило на сердце путницы. Эливейн увидела тропинку, ведущую в обход рощи к подвесному мосту, по которому два года назад она перебралась с противоположного берега на этот и откуда любовалась величественным восходом. В нескольких сотнях метров от известной ей дорожки в сторону реки шла другая тропа, видимо, недавно выложенная плоскими известковыми камнями. Людей не было видно. Эливейн вздохнула.

– Что-то случилось, госпожа? – тревожно и заботливо осведомился Оянг.

– Нет, нет, – поспешила ответить мадам Фейлель. – Наверное, просто ощущение. Там, – и она указала рукой за лесную полосу, – течёт по равнине та самая река, в верхних течениях которой поток подхватил и унёс тело Динаэля...

Если бы Эливейн только могла представить, в какой близости от неё находилось сейчас жилище Дина; Дина, ежедневно мысленно беседующего с ней, сидя у могилы той, что на самом деле никогда не была ему знакома даже лицом...

И ещё восемь раз в последующие восемь лет мадам Фейлель будет останавливаться на этом месте, связывая ноющую тоску в душе с тем, что вот-вот она достигнет цели своего путешествия, той заветной площадки в горах над шумящим потоком, где в последний раз смотрела в глаза любимому.

– 101 —

Эливейн опустилась на землю в трёх шагах от бездны. Здесь она вдруг почувствовала Дина. Раньше такого острого и близкого ощущения, почти осязаемого, у неё не было. Она тосковала, тосковала безмерно. Но так, словно он стоит рядом...

Хаим и Оянг остались ждать с лошадьми метрах в десяти от площадки, за густым горным кустарником. Нарушить просьбу Эливейн не следовать за ней они не смели.

Мадам Фейлель сидела молча, боясь пошевелиться в опасении спугнуть своё неожиданное счастье чувства присутствия любимого. Вдруг в воздухе, словно что-то шевельнулось, и, потревоженное сознанием ощущение исчезло... Эливейн поднялась на ноги, с болью посмотрела на рокошующие внизу воды и быстрыми шагами, почти бегом, покинула полянку. Не говоря ни слова, лишь кивнув своим спутникам, она вскочила в седло и пустила коня галопом...

– 102 —

...Динаэль выбежал на площадку, когда даже звук далёких конских копыт затих... Над обрывом было пусто, и сердце волшебника болезненно сжалось: исчезло тёплое присутствие Эливейн...

И так повторится ещё восемь раз в последующие восемь лет...

– 103 —

Эливейн побывала в домике отца Грегори. Но, к несчастью, застала она там совсем другого священника. Тот, узнав, что прекрасная мадам – бывшая прихожанка вверенного ему прихода, рассказал ей всё, что знал, о причинах перевода отца Грегори на другое место службы: легенда о двух влюблённых, не пожелавших подчиниться воле хана Торубера и повенчанных в этом храме, ходила из уст в уста. Но где теперь искать отца Грегори, для всех оставалось тайной. Немного утешил Эливи старый сторож, любитель поговорить, но, к счастью, не признавший в приезжей красавице мисс Перлик: он-то и добавил к легенде историю о том, как отец Грегори спас от гнева хана отца несчастной погибшей девушки, отправив того, видимо, куда-то в безопасное место, к друзьям...

– 104 —

Шёл дождь, тёплый и мелкий, но затяжной. Эливейн, не дождавшись молочницы Ноэми, сама отправилась в деревню, где жила пожилая женщина, доставлявшая в Замок

сметану, масло и сыр. Элель и Эркель просились пойти с мамой, но для трёхлетних малышек погода была явно не прогулочной.

Эливейн шла и наслаждалась видом Долины. Даже под серым небом, в мокрой пелене мир был прекрасен.

Встречные люди приветствовали мадам Фейлель, а она улыбалась в ответ. Местные жители тепло принимали Эливейн, как свою, родную. Её любили за добрый нрав, за отзывчивость, за скромность.

Молочница Ноэми с трудом открыла гостю дверь.

– Ой, милая моя госпожа, – говорила она, шаркая ногами и держась за поясницу, – прости меня, старую... Вот прихватило. Ни согнуться, ни разогнуться...

– Ложитесь на кровать, – вместо ответа проговорила Эливейн, растирая свои руки, чтобы они стали теплее.

Хозяйка послушно исполнила требование, но как только мадам Фейлель приподняла ей рубаху и принялась массировать спину, та запрочитала:

– Что вы! Ей Богу! Своими нежными ручками... меня, старуху...

– Мадам Ноэми, – серьёзно ответила Эливейн, – лежите, пожалуйста, спокойно. Я знаю, что делаю. А врачу вы же не кричите: «Не трогайте меня, я такая-сякая».

Молочница замолчала. Минут через семь-восемь она с удивлением проговорила:

– Кажись, отпустило...

– Вот и хорошо, – ответила Эливейн. – Денька три погреете поясницу и недельку порастираете отваром, каким я скажу.

– Спасибо, милая, – растроганно произнесла Ноэми. – А руки-то у тебя как волшебные... Недаром наш Динаэль тебя выбрал...

Эливейн улыбнулась.

– 105 –

По дороге домой Эливь встретила промокшего и продрогшего доктора Стратора.

– Эх, – посетовал тот, – нашей Долине нужна клиника. Я не успеваю обойти всех. А родственники новых заболевших гоняются за мной по полдня... Прав был ваш супруг, мадам Фейлель, надо строить лечебницу... Вот только, кто бы с толком её спроектировал?

– У меня есть подробные планы и чертежи Динаэля, – ответила Эливейн.

– Спасительница! – воскликнул врач. – Сегодня же поговорю со старостами деревень. Мы уже обсуждали этот вопрос. И мистер Койль, кажется, тоже кое-что знает...

– Сэр, – спросила Эливь. – А меня к себе в клинику на работу возьмёте? Опыта у меня маловато и не училась я нигде специально. Так, мама моя мечтала стать доктором, вот и со мной медициной занималась, да еще у Дина я книги нашла...

Стратор посмотрел в глаза мадам Фейлель.

– Скажите, – медленно проговорил он, – а, правда, что вы лечили Динаэля после его боя с Торубером.

– Правда, – покраснев, ответила Эливейн.

– Гм, – задумчиво произнёс доктор. – Пожалуй, иметь такого коллегу, как вы, сударыня, будет для меня честью.

– Значит, договорились? – обрадованно спросила Эливь.

– Да, – кивнул господин Стратор.

— 106 —

Через год на месте, выбранном Динаэлем, возвышалось здание клиники, окружённое молодыми деревцами парка. Проект был толковым, всё в нём оказалось просчитано и продуманно до мельчайших деталей. Эливейн, счастливая тем, что мечты Динаэля обретают жизнь, отправилась в своё ежегодное путешествие с Хаимом и Оянгом к роковой площадке над горным потоком.

Ролив, давно обсудивший со строителями свою задумку и выяснивший через Вивьен, что Эливейн хотела бы жить в доме, созданном воображением Динаэля, недалеко от лечебницы, приступил с друзьями к осуществлению тайного плана, благо чертежи больницы и усадьбы хранились в одной папке. Беспокоился Рив только о том, что времени на это строительство маловато. Но здесь помогла всеобщая любовь к Дину и Эливь: на помощь пришли и жители деревень, и обитатели Замка.

Дом с башенками и мансардой, с большими окнами и красной черепичной крышей, с деревянным заборчиком и садом, с цветным палисадником и детской площадкой во дворе был построен за несколько дней. От усадьбы к воротам клиники вела выложенная крупными плоскими камнями дорожка метров в триста длиной.

Когда Эливейн, немного грустная, погружённая в свои мысли о Дине, вернулась в Долину, то первое, что она увидела, – это здание клиники с красным крестом на белом фоне развевающегося на ветру флажка и в нескольких сотнях метров от лечебницы новый дом... Конечно, она сразу узнала его, ведь Дин описывал ей усадьбу своей мечты, а она помнила каждое слово любимого...

По щекам Эливейн текли слёзы. Но она не прятала их. Это были слёзы благодарности человеческой доброте и чуткости, слёзы за своё счастье и слёзы печали за то, что любимый не дожил до этого дня...

— 107 —

Динаэль устало опустился на скамеечку возле своего домика. Он вернулся вчера, поздно вечером. Ему удалось, оставшись незамеченным, прощупать магическую силу Торубера. И Дин был искренне счастлив: теперь он не сомневался, что ему хватит времени на подготовку к решающей битве.

Динаэлю было, чем гордиться. По меркам волшебным он оказывался слишком молод для серьёзного боя: тридцать один год – это ещё далеко до зрелого мага. А Торубер как раз находился в расцвете чародейских сил: от сорока пяти до шестидесяти – самые могучие чары способен насыпать колдун в этом возрасте.

Сегодня с утра, едва Дин успел обкосить выросшую за полтора месяца выше пояса траву вдоль дорожек, как к нему потекли посетители: люди болеют часто, а такого лекаря, как Дин, найти сложно. И волшебник принялся за дело. Он исцелял не только травами и снадобьями, благотворными и живительными оказывались его речи, шутки и улыбки. В его глазах оставалась грусть, даже когда он смеялся, но грусть эта была светлой, доброй, без зла и обиды, а потому никому из приходивших к знахарю и в голову не могла прийти мысль о том, какую боль, какую печаль, какую тоску по любимой носит тот в своём сердце.

А теперь солнце клонилось к закату. Посетителей более не было. Динаэль позволил себе откинуться назад, прислонившись спиной к бревенчатой стене и заложив руки за голову, и закрыть глаза. Вдруг он услышал возле себя лёгкое неловкое покашливание. Дин приподнял веки.

– Простите, – смущённо проговорил парень лет двадцати трёх, – я хотел... Но вы устали... Я зайду в другой раз...

Динаэль сразу узнал этого крепкого крестьянина из деревни на берегу реки чуть ниже по течению. Его звали Габит. У него были красавица жена и годовалый сынишка. Последнее время Дин, как человек весьма наблюдательный, стал замечать, что улыбчивая прежде Жюдит как-то потускнела, а сам Габит явно не понимает в чём дело.

– Садись, – ответил Динаэль. – И перестань извиняться. Ко мне без нужды не ходят. Раз пришёл – говори, что случилось.

Парень сел, но заговорил не сразу.

– Гм, – наконец произнёс он, – нет ли у вас... любовного зелья? Динаэль внимательно взглянул на Габита.

– У тебя есть жена. Вы венчались по любви. Зачем ещё что-то? Парень старательно подбирал слова для объяснения.

– Я люблю Жюдит... Но она стала какой-то другой... – говорил Габит. – Она обижается на меня за что-то, чем-то вечно недовольна... Конечно, она устаёт: и хозяйство, и маленький, но... Вот я и подумал, может ей какой-нибудь напиток любви дать...

Динаэль вздохнул и улыбнулся.

– Габит, – сказал он, – мне придётся тебя огорчить: никаких любовных снадобий не существует. Это сказки... А любовь у вас и так есть: и у тебя, и у Жюдит... Но то, что ты почувствовал неладное и решил разобраться, – это хорошо. Если хочешь, я помогу. Но помни, тебе придётся изрядно потрудиться, не физически, а душой, сердцем, умом. Не поленись – справишься с напастью, как глава семьи, как мужчина, как муж и отец. Позволишь себе махнуть рукой и сказать, что всё глупости, женские прихоти и капризы, – семья останется, как у многих, – не лучше и не хуже, но семейного счастья, счастья двух половинок, нашедших друг друга, не будет.

Динаэль вопросительно посмотрел на собеседника.

– Я готов, – кивнул тот. – Готов трудиться...

– Ладно, – согласился знахарь. – Тогда давай думать. Во-первых, что для тебя важнее: её улыбка или друзья, которые не позовут на рыбалку завтра, если ты не пойдёшь с ними сегодня?

– Её улыбка, – ответил Габит.

– Значит, в подобной ситуации твои действия понятны.

– Да, – подтвердил парень.

– Идём дальше, – вздохнул Динаэль. – Во-вторых, ты сказал, что она устаёт. А как ты ей помогаешь?

– Ну, – задумался Габит, – я прихожу с работы, играю с сынишкой... Если попросит что, то сделаю...

– Сразу? – уточнил Дин.

– Когда как... – признался парень.

– А если не попросит? – продолжал волшебник. Габит задумался. Потом досадливо хлопнул себя по лбу.

– Могу и не заметить, – ответил он. – Вчера, например...

– Не расстраивайся, – улыбнулся Дин. – Ты сам задумался, сам пришёл за помощью... Значит сам себе и сможешь помочь... Многие даже не пытаются этого сделать...

Динаэль замолчал, ожидая, что ещё вспомнит собеседник.

– Может, – заговорил в тревоге Габит, – я и отдыхать ей не помогаю?..

Знахарь слушал.

– Вечером она уложит малыша, уберёт на кухне и уходит спать. Я ложусь в другой комнате, чтобы утром рано, когда встаю на работу, её не разбудить... Может, ей другое нужно?

– Вот и третье, – улыбнулся Динаэль. – Видимо, другое. Она же любит тебя, а видит мало: работа, дела...

– Ей хочется быть со мною ближе... – задумчиво произнёс Габит. – Она, наверное, будет рада просто уснуть не одна, а на моём плече...

Парень осёкся, испугавшись перейти в беседе границу приличия. Волшебник невольно грустно вздохнул.

Выражение лица Габита вдруг изменилось: он успел заметить в глазах знахаря невыразимую муку. Но это было лишь мгновение.

– Спасибо! – парень схватил Дина за руку. – Спасибо. Я понял. Я буду трудиться душой. Жюдит снова станет самой весёлой... Но... может... мне вдруг показалось... я могу вам чем-нибудь помочь? – спросил Габит.

– Спасибо, – тёплый свет добрых глаз озарил лицо знахаря.

И тут Габит осознал, какой неуместный вопрос он задал: крестьянин впервые обратил внимание на простое обручальное кольцо с витиеватой надписью на пальце Дина. Парень смутился и выпустил руку лекаря из своих ладоней.

– Я... вдовец, – негромко пояснил знахарь.

Это слово далось Дину с трудом, словно комок застрял в горле. Да и не мог он, уже семь лет не мог поверить в гибель Эливейн, хотя каждый день утром и вечером сидел возле могилы...

– 108 –

Динаэль улыбался во сне.

Он видел Эливь. В светлой уютной комнате она стояла перед зеркалом и поправляла свои русые, прядями выгоревшие волосы. Вдруг она обернулась – Дин понял, что кто-то открыл дверь. Эливь улыбнулась и раскрыла объятия...

Динаэль проснулся. У него на душе было светло, ибо во сне любимая улыбалась будто ему. И главное – во сне она была живая, такая же несравненная как прежде, но неуловимо изменившаяся, потому, что прошло время.

«Господи! – безумно-отчаянно прошептал волшебник. – Сотвори чудо! Пусть она улыбается не мне, лишь бы живая...»

– 109 –

Эливейн стояла перед зеркалом в своей комнате и поправляла волосы. Она видела отражение и удивлялась: прошло восемь лет с тех пор, как она оказалась в Зелёной Долине, а время словно не оставило следа на её лице. Нет, она изменилась, но совсем немного, неуловимо...

Дверь отворилась, и на пороге появились уже одетые в школьную форму Элель и Эркель. Эливь улыбнулась и раскрыла объятия навстречу мальчикам. Те радостно обняли маму.

– Готовы, мои золотые? – подбадривающе спросила она.

– Да, мама, – в один голос ответили близнецы.

Эливейн внимательно посмотрела на обоих сыновей. Какие они уже большие. Вот и в школу идут... Теперь, после ремонта, школа разместилась в левом и центральном крыльях Замка. Дети со всей Долины каждое утро сбегались в светлые и просторные классы. А маленькие волшебники ещё постигали там же и магические дисциплины... Эливейн вздохнула.

– Мама, – сказал Элельдиэль, – ты не волнуйся. Мы всё помним. Мы будем достойны имени нашего отца.

– И мы обязательно, когда вырастим и выучимся, – добавил Эркелиэль, – сразимся с Колдуном и сделаем так, как хотел папа...

Мадам Фейлель прослезилась и поцеловала смущённых её волнением мальчиков.

– Спасибо, мои хорошие, – прошептала она. – Спасибо. Папа бы очень гордился вами...

– 110 –

Проводив сыновей в школу, Эливейн с Даниэлем вернулись домой. Старый волшебник тоже перебрался из Замка к невестке, поближе к внукам и в помощь прекрасной избраннице Дина. Эливейн была рада: она искренне привязалась к доброму и мудрому старцу.

– Девочка моя, – заговорил негромко Даниэль, когда они остались одни в гостиной. – Прости меня, старика, и не обижайся... Но выслушай...

Эливейн внимательно посмотрела на Дана и села в кресло возле окна.

– Ты молода, – говорил тот, – и красива. Я знаю, ты искренне любила и любишь моего племянника... Но жизнь – долгая штука. А для тебя тем более...

Эливейн бросила вопросительный взгляд на Даниэля. Старец пояснил:

– Продолжительность жизни волшебников и людей немного разная. Ты же стала женой волшебника, и срок твоей жизни тоже увеличился... Но нельзя всё время жить одной тебе, тебе, сильной, здоровой... Нельзя хоронить себя заживо... Посмотри вокруг, ведь ты даже не смотришь, посмотри иными глазами: есть много достойных людей...

Даниэль замолчал, потому что Эливейн покачала головой. Ей вспомнилось и высказанное Дину желание, и то, как он подправил слова. Теперь она понимала, что, любя всем сердцем и зная об ответном чувстве, Дин не хотел связывать её неволей ни на обычную жизнь, ни, тем более, на долгую... Эливейн снова покачала головой и улыбнулась. Она не обиделась, не оскорбилась, не рассердилась: она видела, что Даниэль беспокоится о ней, заботится о её сердце.

– Нет, – тихо ответила она. – Я рада вам, как горячо любимому и доброму члену семьи. Я могу обсуждать с вами всё: и бытовые проблемы, и душевные тревоги. Могу делиться с вами и печалью, и радостью. Я чувствую, что мы – одна семья. Я могу доверять друзьям: и женщинам, – нянюшке, Вивьен, мадам Тору, и мужчинам, – Роливу, доктору Стратору, Хаиму и Оянгю... Но, ни один мужчина не займёт место Дина ни в моём сердце, ни в моей душе, ни в моей жизни, ни в моей постели... Мне нужен только он...

Даниэль подошёл к Эливейн. Та поднялась с кресла. Старик взял обе руки Эливейн в свои ладони и, поднеся к дрогнувшим губам, поцеловал. Мадам Фейлель смутилась, как смущалась всегда, когда кто-либо благодарил её.

– Прости меня, Чудо Динаэля, – дрогнувшим голосом проговорил он. – Да хранит тебя Бог...

– 111 –

Динаэль проснулся от стука в дверь. Стояла глубокая ночь. Дин сел на кровати и, убрав за уши волнистые пряди, повязал платок на лоб.

– Войдите, – проговорил он, зажигая свечу.

На пороге появился парень лет двадцати. Дин узнал его, он видел молодого человека в деревеньке на другом берегу широкой реки. И к этому любознательному, явно не глупому и наделённому определённым талантом крестьянину у волшебника был свой интерес.

– Простите... – виновато произнёс ночной гость.

– Что случилось? – Динаэль привык, что к знахарю приходят в любое время: когда необходима помощь лекаря. – Больной с тобой или дома?

– Ещё раз простите, – ответил посетитель. – Никто не болен... Просто я хотел просить вас взять меня в ученики. Я живу за рекой, вы были в наших краях...

Волшебник улыбнулся: он ждал, когда парень сам решит стать на путь врачевателя.

– И ты пришёл с этой просьбой ночью, чтобы никто не видел, как я тебя выставлю? – спросил Дин.

– Надо мной и так все смеются: мол, бабка считалась колдуньей, вот внук знахарем себя возомнил... А ведь я, правда, чувствую, где и что болит, и лечить немного получается...

Динаэль, молча улыбался: парень был трогательно забавен, с по-детски обиженно оттопыренной губой.

– Ну, тогда... я пошёл, – печально свесив голову на грудь, сказал желающий стать учеником знахаря.

– Держи, – Дин достал из сундука в углу лоскутное одеяло и плоскую подушку, развернул на широкой скамье слева от двери тонкий матрас. – Завтра рано вставать. И, пожалуйста, Илис, не храпи.

Парень, поражённый тем, что знахарь знал даже его имя и обрадованный осуществляющейся мечтой, быстро и бесшумно лёг на своё новое ложе и замер, боясь пошевелиться и, прогневив хозяина, лишиться своего счастья.

Дин задул свечу и уснул.

– 112 –

Как и предупреждал, Динаэль разбудил своего ученика с первыми лучами солнца. Илис вскочил на ноги.

– Каково главное правило лекаря? – полушутя, полусерьёзно спросил знахарь, как только парень протёр глаза.

– Помочь в болезни любому, даже врагу?

– Это похвальное стремление, – согласился Дин. – Но, чтобы лечить других, надо не хворать самому. А, значит?

Илис развёл руками.

– Надо быть крепким, – пояснил знахарь. – Для этого существуют тренировки и закаливание. Купаться – и быстро, – скомандовал Дин всё ещё сонному ученику.

Илис в одних штанах потрусил за Динаэлем по холодным и сырым камням дорожки к реке, где, обрамлённые тростником, виднелись добротные деревянные мостки.

Дин, прямо в одежде и в неизменном линялом платке вместо повязки на голове, с разбегу нырнул в ледяную, как показалось ученику, воду. Илис отважно последовал за учителем.

Купание взбодрило парня, и сонливость ушла...

Так началась ученическая пора будущего знахаря, чья жизнь неразрывно связана с человеческой болью и с неизменным желанием облегчить страдания утомлённого недугом ближнего.

– 113 –

Динаэль работал мотыгой, приводя в порядок слишком разросшиеся на одной из грядок лекарственные травы, и обдумывал варианты того, как ему встретиться с Торубером, не нарушая мирного течения жизни остальных обитателей дворца и соблюдая правила чести. Волшебник уже составил три весьма недурных плана и пытался остановиться на одном из них.

По тропинке от избушки поспешно вышел Илис.

– Учитель, – проговорил он. – Там пришли.

Динаэль закинул мотыгу на плечо и отправился к домику. Ученик шёл рядом, рассказывая о странных, как он считал, посетителях. Дин слушал.

За прошедшие пару лет Илис окреп, возмужал, в его чертах появилась уверенность в себе и своих знаниях, он стал степеннее, даже солиднее.

Динаэль внешне ничуть не изменился: статная фигура, лёгкая и твёрдая поступь, добрая улыбка, умный и печальный взгляд.

– 114 –

На скамеечках возле избушки знахаря расположилась пёстрая толпа богато одетых людей: дамы в пышных платьях и изысканных головных уборах, с множеством драгоценных украшений на каждой и кавалеры в камзолах, расшитых золотом и серебром, в напудренных париках и широкополых шляпах с перьями.

Динаэль безошибочно определил главного и сразу после общего приветствия обратился к нему.

– Добрый день, господа, – слегка поклонился знахарь. – Что угодно Вашему величеству в этой глуши?

Действительно, перед знахарем был король, король Пинна, правитель одной из далёких северных стран. Чуть поодаль в окружении фрейлин сидела на скамеечке очаровательная юная, но очень задумчивая принцесса Квета.

Придворные с любопытством разглядывали Дина: простолюдин, босой, в запачканной землёй одежде, с выгоревшим платком на лбу вместо повязки, он стоял, опираясь на мотыгу и держа старую соломенную шляпу в левой руке. В его лице, в его жестах, в его речи не было и тени смущения или робости от присутствия такого количества знатных вельмож. Знахарь держался свободно и уверенно.

Вскоре король убедился в том, что встреченный им вчера разговорчивый путник оказался прав: человек, которого случайный собеседник рекомендовал уставшему от однообразия дальней дороги Пинне, правда, был остроумен, наблюдателен и интересен. Кроме того, как помнил король, хозяин избушки умел врачевать болезни и большие, и маленькие... И Пинна решил попытаться уговорить этого простолюдина проводить их...

Король поведал Дину, что едут они во дворец хана Торубера, что зимой хан, неизвестно какими судьбами побывавший в северных краях, увидев принцессу Квету, изволил пригласить весь двор в гости к себе, намекнув при этом на возможность вступления в брак с дочерью Пинны. Отец рассудил, что вечно серьёзной Квете не помешает поездка по неизвестным местам и знакомство с новыми людьми. О замужестве дочери король всерьёз пока не думал: вряд ли большая разница в возрасте и во взглядах на жизнь и веру смогут сделать брак между Торубером и Кветой реальным.

– В пути мы лишились врача, – рассказывал Пинна, – он попросту взял и повернул домой. Надоела ему, видите ли, дорога. Дамы приуныли: знаете, ещё и ни новой помады, ни любимого крема... Да и весёлость моего шута, утомлённого ежедневными переходами, куда-то улетучилась. И вот я, король Пинна, чахну от тоски и усталости и не смею повернуть назад только потому, что сам затеял это авантюрное путешествие...

– Иными словами, – усмехнулся Дин, – вы предлагаете мне стать и вашим шутком, и придворным медиком, и парфюмером для дам?

Король развёл руками и добродушно улыбнулся.

– Да, – просто ответил он. – Если, конечно, это не окажется для вас слишком затруднительно... И, как любая служба... – добавил он, – ...разумеется, вы будете получать жалование.

– Спасибо, Ваше величество, – полушутя ответил Дин и, подумав несколько минут, сказал, – Я поеду с вами. Но в качестве... попутчика или друга.

Дамы и кавалеры с интересом ждали решения короля: простолюдин желает следовать с ними как равный.

Пинна внимательно смотрел в глаза Динаэля. Тот спокойно ждал ответа.

– Хорошо, – проговорил король. – Я принимаю ваше условие.

– Тогда договорились, Ваше величество, – улыбнулся Дин. – Завтра утром я буду готов следовать с вами. И обещаю лечить, если понадобится, и обеспечивать прекрасную половину вашего двора столь необходимыми и милыми её сердцу вещами как белила, румяна, ароматические масла...

– 115 –

На следующий день в восемь часов утра к шатрам, раскинутым в поле и служащим передвижным домом королевскому двору, подъехал стройный всадник на высоком сером коне. Бросив повод одному из слуг, человек этот легко соскочил на землю и направился к палатке Пинны. В элегантном, одетом со вкусом вельможе одна из фрейлин вдруг признала вчерашнего знахаря...

Королю доложили о прибытии Дина. Пинна вышел из шатра. Первое, что он увидел, это весёлые, сияющие лица придворных дам. Все они окружили какого-то человека, смеялись его забавным шуткам и с наслаждением крутили в руках баночки, скляночки и коробочки с кремами, духами и помадами. Незнакомец был одет в светлый камзол, расшитый изумительно тонко и искусно. Из-под широких полей его шляпы с пышными белыми перьями на плечи блестящими чёрными волнами ложились волосы парика.

Заметив короля, дамы затихли и замерли в реверансе. Человек обернулся, снял шляпу и поклонился.

– Доброе утро, Ваше величество, – проговорил он.

На Пинна своим удивительным ясным взглядом цвета моря из-под густой длинной чёлки парика смотрел знахарь. Король несколько мгновений стоял в замешательстве: вчера этот человек был иным и словно не имел возраста, а сейчас правитель видел молодого вельможу не старше лет двадцати восьми, красавца и, скорее всего, грозу девичьих сердец.

– Однако... – проговорил Пинна.

– Ваше величество, – улыбнулся Дин, – Вы же не полагали, что я поеду с вами босым и в крестьянской рубахе?

– Вы правы, – согласился король. – Но как вас прикажете величать... теперь?

– О, – усмехнулся Динаэль, – моя роль неизменна: я – Знахарь.

– 116 –

Эливейн вернулась из клиники со странным предчувствием. Работа у неё ладилась, больные поправлялись её стараниями, и она искренне радовалась этому. Но сегодня на сердце почему-то лежала тревога, такая, как накатывала на неё перед ставшим теперь ежегодным ритуалом – путешествием к месту гибели Дина.

Ночью Эливейн приснился страшный сон.

Она видела море, площадку высоко над волнами. Она узнала это место – здесь когда-то встречались Эмма и Лем, здесь они были счастливы...

Эливь увидела Дина. Словно он не умер, словно время текло и для него, как для всех, эти десять с половиной лет. У Эливейн защемило сердце, когда она поняла, что подсвеченные закатным солнцем волосы любимого тронуты сединой. Через его лоб по диагонали, рассекая одну бровь, тянулась белая полоска шрама, того самого, что видела Эливь на посившем мертвенном лице, пытаясь не дать горному потоку унести тело Динаэля дальше, к морю. Волшебник стоял у края пропасти, в белой шёлковой сорочке, без камзола. Ветер отчаянно трепал складки лёгкой материи.

Лицо Дина было напряжено, губа закушена до крови. На вытянутых перед собой руках в прожжённых светло-коричневых кожаных перчатках он держал меч, свой меч, широкий и короткий, с витиеватым орнаментом на рукояти. Но клинок был чёрен и направлен на грудь самого Дина.

Эливейн видела, как сопротивляется её любимый тёмной силе, как велика эта сила, как пытается зло покончить со своим противником его же оружием.

– Не поддавайся! – в безумном порыве Эливейн бросилась к Динаэлю. – Борись! Ты сильнее! Ты должен жить! Пожалуйста...

Эливь с ужасом чувствовала, как заплетаются её ноги. Она вдруг споткнулась и упала, а когда подняла голову... острый клинок по самую рукоять вошёл в тело Динаэля. Волшебник с трудом улыбнулся и прошептал:

– Прости...

Лицо его совершенно побелело, и он медленно опустился на колени...

... Эливейн проснулась в слезах и с непоборимой тревогой на душе.

Было около четырёх часов утра. Мадам Фейлель быстрыми бесшумными шагами направилась в комнату Даниэля.

– 117 –

Даниэль выслушал рассказ Эливь и задумчиво покачал головой.

– Не могу сказать точно, что значит твой сон, девочка, – сокрушённо проговорил он. – Дин в своё время понимал, что бой с Торубером может иметь для него именно такой печальный финал, ибо сила чёрной магии, оказавшись вне Тёмного Колдуна, в клинке победителя, будет стремиться уничтожить светлого противника. И здесь надо постараться – вонзить меч в землю. Зло рассеется, лишь попав в природную добрую тёплую почву или пройдя через сердце белого чародея. И Динаэль был готов к любому... Но почему это увидела ты теперь?..

– А, может, вдруг появилась... сила, способная одолеть Торубера? – спросила робко Эливь. – А мы о ней не знаем... Вдруг... кто-то уже сразился с Колдуном?..

Даниэль опять покачал головой.

– Начало боя такой магической мощи, – пояснил он, – ощутили бы наши Стражники – Оянг и Хаим. А при победе доброго волшебника прекратила бы существование Невидимая Преграда. Это задумка Дина...

Дан помолчал.

– Но я сейчас же отправлюсь к сэру Арбениусу... – решительно произнёс он.

– Дядюшка, – Эливейн смотрела прямо в глаза старцу, – я не могу объяснить, но я знаю: мне нужно ехать...

– Хорошо, – кивнул Даниэль, – об этом поговорим сегодня на Совете.

– Спасибо, сэра, – прошептала Эливь.

Дан поцеловал невестку в лоб и, не произнося более ни слова, поспешно вышел из комнаты.

Динаэль смотрел на закат. В королевском лагере, видимо, все уже спали.

Дорога показалась двору лёгкой, настроение у всех было приподнятое. Завтра к полудню Пинна и принцесса Квета со свитой придут к хану Торуберу.

Знахаря полюбили, искренне и все, что само по себе удивительно. Дамы говорили, что он красив, обаятелен, добр, предупредителен и тому подобное. А кавалеры не ревновали, хотя каждая из фрейлин была уже без ума от «попутчика», как Дин сам называл себя. Дело в том, что волшебник каждому оказывал уважение и проявлял теплоту, никого не отличая особо и общаясь со всеми одинаково ровно.

Сейчас Динаэль размышлял: он решил попрощаться с королём и отправиться в ханский дворец один. Дин не хотел подвергать возможной опасности своих новых друзей, ведь гнев Торубера, когда тот узнает, кто именно пожаловал к нему в качестве друга Пинны, непредсказуем...

– Любуется закатом, молодой человек? – король подошёл тихо.

Динаэль улыбнулся. Вообще его улыбка словно имела магическую силу: даже с грустью в глазах она покоряла сердца, притягивала своей искренностью и добротой.

– Я вынужден покинуть вас, Ваше величество, – проговорил волшебник вместо ответа. – Спасибо вам за теплоту, проявленную к скромному лекарю, но лучше далее нам следовать порознь.

Пинна словно собирался с мыслями и потому некоторое время молчал.

– Послушай меня, – наконец проговорил он. – Я, хоть и нахожусь в очень зрелом возрасте, но не столь наблюдателен, как моя дочь. Ты и сам видишь, что Квета слишком серьёзна для девушки её лет. Но именно она открыла мне глаза на... – король попытался подобрать слово поточнее, – ... на тебя.

Динаэль внимательно слушал, глядя в глаза собеседнику.

– Так вот, – продолжил Пинна, – Когда хан намекнул о возможности брака его с принцессой, фрейлины очень обрадовались: так как Квета слышит умной девицей, то женихи как-то от неё разбегаются, а быть служанкой одинокой хозяйки – это получать наказания ни за что... Но моя девочка, согласившись на поездку, явно не рассчитывала стать очередной женой Торубера... И вот, когда мы встретили вас, – король опять перешёл на Вы, – на своём пути, мне удалось узнать мысли Кветы о поездке и о тех, с кем свела её судьба.

Пинна вздохнул, дойдя до сути своей речи. Теперь он говорил медленнее и тише.

– Квета, с детства недолюбливавшая сказки, – полусшептал король, – заявила вдруг, что Торубер – Чёрный Колдун, что есть масса легенд о его жестокости, которые основаны на реальных событиях, что просто так он не берёт себе жён, а только по каким-то личным чародейским соображениям, что были попытки избавить мир от зла хана, но, увы, пока всё делалось напрасно и смельчаки гибли... В вас она увидела того, кто призван сделать очередную попытку. А нам, по её мнению, предоставляется шанс помочь Добру...

Пинна помолчал.

– Вот и всё, пожалуй, – сказал он. – Не сердитесь на меня, молодой человек, если что не так или если выводы Кветы смешны и наивны. Всё же она только юная особа... Но, коли она права, – лицо короля сделалось величественным, – возьмите протянутую вам руку дружбы и не отказывайтесь от предложенной искренне помощи.

Динаэль был тронут.

– Благодарю вас, Ваше величество, – ответил он. – И ваша дочь достойна своего отца, – Дин улыбнулся. – Я, действительно, не числюсь среди друзей хана, хотя знаком с ним очень давно. И Торубер, верно – Тёмный Чародей.

Динаэль задумался на мгновение.

– Мне необходимо с ним встретиться снова... – продолжал он, – ...чтобы завершить начатое дело. У меня есть способы быть впущенным во дворец. Но в числе вашей свиты – самый простой... Однако я не могу позволить себе подвергать вас, вашу дочь и ни о чём не подозревающих людей смертельной опасности, а ярость Торубера может быть слепа...

Пинна жестом остановил Динаэля.

– Вы благородный человек, – сказал он. – Вы рассказали сейчас мне то, что другой постарался бы скрыть, опасаясь за себя. Вы доверяете мне, а, значит, считаете меня своим другом. Спасибо. И... помощи друзей не избегают... Не так ли?

Волшебник посмотрел в лицо Пинне задумчивым и грустным взглядом и... улыбнулся.

– Так, – согласился он.

– Тогда спокойной ночи, мой друг, – сказал король.

– До завтра, – ответил волшебник. – И... для вас... меня зовут Динаэль.

– 119 –

Динаэль спал крепко и сладко, словно не он вот-вот должен вступить в смертельную схватку с сильнейшим противником.

А под утро Дин увидел сквозь дрему Эливейн. Она была прекрасна, как и всегда. Но взволнованна, испуганна... И она крикнула ему, именно ему, живая и любимая, молила его:

– Не поддавайся! Борись! Ты сильнее! Пожалуйста...

Динаэль проснулся.

Он не собирался поддаваться: это было не в его природе – поддаваться злу. Но он понимал, что у него может просто не хватить сил, чтобы выжить.

– Я буду стараться, любовь моя, – прошептал он и поднялся.

– 120 –

Эливейн в сопровождении Оянга и Хаима мчалась по дороге бешеным галопом на своём тонконогом и лёгком коне. Многие из встречных узнавали эту красивую молодую леди, появлявшуюся в этих краях ежегодно в одни и те же дни. Её считали путешественницей с далёкого севера, ибо спускалась она откуда-то из-за гор, обязательно останавливалась у одной из могил деревенского кладбища ближайшего к перевалу поселения, а потом отправлялась далее. Слухи и домыслы ходили разные, но крестьяне сошлись в одном: у богатых всегда находят странные прихоти...

Сейчас молодая путешественница своим появлением вновь дала повод разыграться воображению любителей поболтать: ведь скакали путники быстро, да и с последнего их визита прошло всего семь месяцев...

Эливейн сидела в седле по-мужски, но платье её не поднималось при скачке, а ровными складками продолжало лежать на боках и крупе коня, открывая лишь носки сапог тонкой искусной работы.

Вдруг Эливь резко осадил скакуна. Прямо из-под копыт лошади аккуратно выложенная камнями тропинка вела куда-то сквозь заросли ивняка. У Эливейн опять, как всегда на этом месте дороги, заныло и защемило сердце, только сегодня сильнее, чем обычно.

– Любезный! – окликнула она проходившего мимо крестьянина. – Куда ведёт эта дорожка?

– К домику знахаря, госпожа, – с поклоном ответил тот. – Только он уехал дня четыре назад. Видать, по делам. А за него ученик остался. Но парень толковый...

Эливейн спрыгнула на землю. Оянг и Хаим последовали её примеру. Эливь, сама не зная зачем, почти бегом пустилась к невидимой за кустарником избушке.

— 121 —

Илис замер, забыв даже поклониться, столь очаровательной показалась ему молодая незнакомка, вышедшая быстрыми шагами к избушке.

Эливейн осмотрелась. Перед домиком, маленьким, но добротным, был разбит пышный палисадник. Траву вдоль дорожек, аккуратно выложенных плоскими большими камнями, явно регулярно обкашивали. В тени невысоких ещё яблонь стояли несколько скамеечек, видимо, для посетителей, если их оказывалось много. Более узкая тропинка вела куда-то за избушку.

– Ты ученик знахаря? – спросила Эливейн негромко.

– Да, госпожа, – поклонился тот.

– Как твоё имя? – опять задала вопрос гостя.

– Илис, – ответил молодой человек.

– Красиво, – задумчиво проговорила Эливейн.

Ей всё время чудилось присутствие где-то рядом Динаэля. Она даже подумала, не сходит ли с ума от своей долгой тоски и печали. Но решила довести безумный, на посторонний взгляд, разговор до конца. Илис, в свою очередь, тоже поймал себя на странной мысли: он был готов отвечать на любой вопрос незнакомки, лишь бы она этого желала.

– А давно, – медленно произнося слова, снова задала вопрос Эливейн, – твой учитель здесь живёт?

– Лет десять с небольшим, – с готовностью ответил молодой человек.

– И как его зовут, разумеется, никто не ведаёт... – словно сама себе сказала Эливь. – Лекарь всегда остаётся просто лекарем, нам нет дела до его имени...

– Верно, – вздохнул Илис. – Но учитель, мне кажется, и сам не жаждет, чтобы его имя знали.

– Почему ты так думаешь? – настороженно спросила прекрасная посетительница.

Ученик помедлил с ответом, потом признался:

– Месяца два назад учитель отлучался на пару дней. Как он всегда говорит – по делам. Была жуткая жара, и он ушёл в лёгкой ситцевой рубаше. Вернулся усталый, но довольный. И сразу пошёл к реке – освежиться. Он всегда купается, не снимая одежды. И платок тоже с головы не снимает...

– Платок? – переспросила Эливь.

– Да, – пояснил Илис. – Он платок как повязку на лоб до самых бровей завязывает. Ни чела не видно, ни волос. И шляпу на платок прямо надевает. Я сам никогда его не видел иным... В общем, искупался он, на мостки вылез. А рубаша мокрая к телу прилипла. Но материя-то тонкая. Вот и увидел я нечаянно, что вся грудь его и спина в коротких шрамах... Только отчего – не решился спросить. И сделал вид, что ничего не заметил. А он досадливо хлопнул себя по лбу и палец к губам приложил. Я понял, что он догадался о моём наблюдении и просит не задавать лишних вопросов... Я и не рассказывал никому... – ученик помолчал. – А вам сказал. Почему-то думаю, что именно вам и нужно это знать... И ещё: как он ушёл с королём Пинной и его свитой, так у меня на сердце тревожно.

– С королём? Куда?

– Слышал я, что Пинна едет к хану Торуберу. А учитель сказал, что им по пути.

– А тревога отчего? – Эливейн смотрела в глаза Илису.

– Станным было прощание, – грустно рассказывал молодой человек. – Раньше он просто говорил, что вернётся через столько-то дней. А тут! «Ты, – говорит, – уже сам хоро-

шим знахарем стал. Так что, если не вернусь, то справишься». И, после паузы, вздохнув, добавил: «За могилками присмотри, пожалуйста». А палец опять к губам приложил, мол, ничего не спрашивай более.

– Где могилки? – Эливейн чувствовала, что всё внутри неё замирает от ужаса.

Илис повёл гостью за домик, а там по тропинке к берёзовой роще. Оянг следовал за госпожой. Хаим остался с лошадьми.

Простые могильные холмики с деревянными крестами были ровненько обложены круглыми пятнистыми гранитными камнями. На двух могилках цвели бегонии и настурции, третья была усыпана лесными фиалками.

– Оянг, – словно проглотив комок, застрявший в горле, хрипло попросила Эливейн, – мне нужна краска, чёрная и коричневая. Сможешь?

– Да, госпожа, – и Стражник отошёл немного назад, чтобы не привлекать внимания и без того ошарашенного Илиса.

Ученик смотрел, как гостья опустилась на колени и поцеловала землю на первой могиле.

– Отец, отец, – прошептала она. – Вот где ты обрёл покой. Потом она поднялась на ноги и низко поклонилась второму кресту.

– Спасибо вам, сэр Ганабен, – проговорила Эливь. – Вы спасли Дина. Жаль, что мы с вами не были знакомы...

Наконец она подошла к третьей могилке. Махнула Оянгу. Тот подал ей кисть и коричневую краску. Илис даже не подумал, откуда вдруг у спутника прекрасной госпожи оказалось требуемое. А Эливь закрасила имя на кресте.

– Эх, ты, горемыка, – печально произнесла она. – И жила чужим добром, и погибла за другую, и похоронена без своего имени... Но именно тебя я благодарю за то, что сама осталась жива...

Эливейн взяла у Оянга чёрную краску и написала на кресте: «Келли». Потом обернулась и, придерживая подол своего платья, направилась обратно к домику. Илис смотрел как зачарованный. Эливь перехватила его взгляд.

– Что-то не так? – спросила она. Молодой человек тряхнул головой и пробормотал:

– Нет, ничего... Только ваша обувь...

Эливейн посмотрела на мягкие удобные сапожки, которые ей специально сшили для поездок верхом.

– И? – спросила она.

– Светло-коричневая тонкая кожа... – ответил Илис. – Я видел такую лишь однажды: когда учитель собирался, он достал откуда-то и положил в дорожный мешок перчатки из такой же кожи.

Эливейн грустно и счастливо одновременно улыбнулась.

– Он не рождён быть воином. Он – лекарь... – проговорила она, но смысла её высказывания молодой человек не понял.

– 122 –

Эливейн сидела на скамеечке. Нарушить её молчания вопросами никто не смел: она напряжённо думала. Наконец Эливь легко вздохнула и улыбнулась.

– Илис, – спросила она, – когда уехал твой учитель?

– Четыре дня назад.

– Так, – продолжала Эливейн, – ещё дня три со всеми остановками и тому подобным – и они у цели. Способны наши кони доскакать до дворца Торубера за три дня? – обратилась она к Хаиму.

– Да, госпожа, – ответил тот. – Но...

– Никаких «но», – спокойно остановила его Эливь. – Я знаю, что у него есть только один шанс из тысячи, чтобы выжить, даже если он победит...

Оянг и Хаим переглянулись: о такой угрозе никому не говорилось прежде – Дин не распространялся на эту тему.

– ... И я знаю, – продолжала Эливейн, – как сделать так, чтобы спасительная соломинка сработала...

Более ничего не объясняя, мадам Фейлель ловко вскочила в седло. Стражники поспешили за госпожой.

– Спасибо, Илис, – улыбнулась Эливейн молодому человеку.

– Пожалуйста, – попросил тот, – дайте знать о судьбе учителя.

– Обязательно, – пообещала Эливь. Нежданные гости галопом умчались прочь.

– 123 –

Торубер, нахмурившись, сидел в широком кресле своего кабинета. Нелёгкие думы тяготили его. Уже неделю происходили события, тревожащие сознание Тёмного Чародея.

Сначала в свой прежний приход вернулся отец Грегори. Торубер не доверял этому человеку и надеялся, что десять с половиной лет назад избавился от его присутствия навсегда. Но, как оказалось, этим надеждам не суждено было сбыться.

По ночам Колдуна стали мучить кошмары: к нему приходили и заводили милые беседы с ним те, кто давно погиб, и погиб по воле или вине самого Торубера.

Наконец три дня назад хан получил письмо. Это был официальный, составленный по всем Законам Волшебного Мира вызов на поединок. Подпись под письмом ничего не объясняла Торуберу – значилось там одно слово: «Знахарь». Как послание попало на стол в кабинет хана? Если магическим путём, то почему он, сильнейший на сегодняшний день чародей, не ощутил присутствия посторонней волшебной силы? А в том, что в нынешнем мире ему нет даже равных, тем паче более могущественных колдунов, Торубер был уверен. Три месяца назад он закончил работу над своей магической Картой. Теперь в любой момент он мог узнать, где находится какой-либо волшебник.

Хан подошёл к стене и провёл рукой по яркому гобелену. Диковинные цветы рисунка исчезли, и его глазам открылась Карта. Торубер внимательно вглядывался в неё. Вот чёрная точка, стоящая на месте, на изображении его дворца. Это он сам. Вот несколько разбросанных по лесистым окрестностям города бледных, беловатых точек. Это волшебники, лекари, знахари, наделённые слабой магической силой. Вот две точки движутся по дороге к городу. Они чуть поярче, но тоже невелики по мощи. Просто два странствующих или едущих по делам чародея-предсказателя судеб.

Белым пятном высвечивается на Карте Зелёная Долина. Что твориться там, за охранной стеной, ненавидимого Торубером даже после смерти Динаэля, хан не знал. Он давно снял осаду с Врат, поняв бессмысленность подобных действий. Но он не прекращал посылать к Стене своих разведчиков. А те либо пропадали вовсе, либо возвращались еле живыми, ничего не узнав и не найдя никакой лазейки.

Но Торубер понимал, что опасаться волшебников из Долины явно рано: взрослых он знал – они не равня ему по силе своей, а дети, которые за прошедшие годы, конечно, подросли, всё равно ещё не могли достигнуть уровня его магической мощи. Так что опасности для него пока Долина не представляла.

Однако вызов лежал перед Торубером. Колдун не собирался на него отвечать, как и прежде. Да и понимал умом, что бояться ему некого. Но кто мог так дерзко и нелепо, по мнению хана, пошутить?

Торубер был всецело поглощён своими мыслями, когда прозвонили его Напоминательные Часы: через пятнадцать минут надо было выйти в парадный зал к обеду. Дело в том, что час назад в ханский дворец прибыли гости с севера: король Пинна и принцесса Квета. Они привезли с собой многочисленных слуг и фрейлин, огромное количество вещей и провианта. Торубер приветливо встретил путешественников и велел разместить их в лучшей части дворца. Хан был весьма любезен. И не случайно: на Квету у него имелись определённые виды – звёзды прочили ему вновь возможность обзавестись долгожданным могучим наследником.

Торубер вздохнул и ещё раз взглянул на Карту, но ничего нового на ней не обнаружилось.

– Что бы вы хотели там увидеть? – негромко спросил кто-то прямо за спиной хана. От звука этого голоса Торубер вздрогнул и обернулся.

– 124 –

В двух шагах от хана стоял, приветливо улыбаясь, человек из числа сегодняшних гостей, в светлом камзоле с богатой вышивкой, в роскошном чёрном парике.

– Как вы сюда попали? – в некотором замешательстве спросил Торубер, пытаюсь собрать путающиеся мысли, потому что то, что он видел, не могло быть реальностью.

– Через дверь, разумеется, – невозмутимо ответил человек, снял камзол, отшвырнув его на кресло, где совсем недавно сидел хозяин кабинета, и скинул с головы искусственные волосы.

Чёрный Колдун побледнел и отшатнулся.

– Этого не может быть... – прошептал он.

Динаэль стоял, спокойно глядя на Торубера, в белой шёлковой сорочке с широким отложным воротником, с видимым теперь волшебным мечом на поясе. Его волнистые светло-рыжие волосы с отдельными совершенно белыми прядями не прикрывали бледного шрама на лбу. Светлые глаза смотрели ясно.

– Может, – ответил Дин и указал рукой на Карту: рядом с чёрной точкой ослепительно ярко вспыхнула голубоватая искра. – А вы опять не ответили на Вызов, – напомнил волшебник и, не спеша, надел мягкие перчатки коричневой кожи.

В руках Торубера появился Тёмный Клинок.

– Не здесь, – покачал головой Динаэль. – Есть местечко более безлюдное и более живописное. Прогуляемся к морю, солнцу, ветру и... светлым воспоминаниям, – проговорил он.

Не дожидаясь ответа, Дин тронул Торубера за руку, и оба исчезли, словно растаяли в воздухе.

– 125 –

Гостей пригласили к столу с опозданием.

Слуги хана решительно не знали, куда мог пропасть их повелитель. Однако они благо- разумно решили, что хозяин будет гневаться, коли высокопоставленные иноземцы не получат должного приёма, и, извинившись за господина, которого, по словам первого приближённого, задержали важные дела, пригласили гостей начать трапезу.

Пинна и Квета, пожалуй, единственные, кто заметил отсутствие Знахаря, тревожно переглянулись. Они видели, что Динаэль был весьма доволен, когда, приветствуя своих гостей, хан не узнал его: именно этого и желал волшебник, чтобы не навлечь своим присутствием беду на остальных. Потом все разошлись в приготовленные для них комнаты. А

теперь, обрадованные наступившим покоем осёдлой жизни, придворные просто наслаждались, мало уделяя внимания окружающим.

Разумеется, что спрашивать кого-либо о Динаэле было бессмысленно: ни одна живая душа не видела человека в светлом камзоле и чёрном парике, вошедшего недавно в кабинет Торубера.

– Отец, – склонившись к королю, шёпотом проговорила Квета. – Мне бы хотелось сходить в церковь, помолиться за нашего друга...

– Да, девочка, – согласился Пинна. – Сразу после обеда и отправимся. Я слышал, что где-то неподалёку есть христианский храм, где служит священник, недавно вернувшийся сюда из наших северных широт.

Принцесса приподняла бровь, удивляясь такой осведомлённости отца.

– Я слышал разговор двух простолудинок на площади, пока нам открывали ворота дворца, – пояснил Пинна.

– 126 –

Солнце стояло ещё высоко, но день уже давно клонился к вечеру.

Торубер огляделся. Каменистая, поросшая низкой мягкой травой площадка выступала над морем. Волны, разбиваясь о прибрежные скалы, бросали и сюда свои солёные брызги. Внизу чуть правее виднелись черепичные крыши домов небольшого городка.

Хан узнал это место.

– И ты хочешь убить меня здесь, – горько произнёс он. – Это выглядит подло, тем более с точки зрения светлого мага.

– Убить? – Динаэль улыбнулся.

Торубер с искренним изумлением взглянул на своего противника: догадка, мелькнувшая в его голове, была настолько, как ему казалось, безумна, что он не смог скрыть своих чувств.

– Я никогда не собирался убивать вас, Лемель Тору, – продолжал Дин. – У меня всегда была иная цель. Теперь есть и сила.

– Это безумие, – как-то обречённо и без злобы проговорил Торубер.

– Во-первых, для тебя тогда, даже победителя, смерть практически неизбежна. Во-вторых, я не вижу здесь никого, кто мог бы доставить меня под конвоем на Волшебный Суд; я же могу просто сбежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.